

ДЕТЕКТИВ

ВЕРА

БЕЛОВУСОВА

ПО СУББОТАМ НЕ СТРЕЛЯЮ

Вера Михайловна Белоусова

По субботам не стреляю

Трудно расследовать убийство, особенно если множество косвенных улик делают из тебя главную подозреваемую. Именно в такую ситуацию попадает Ирина. Убит ее бывший одноклассник Никита Добрынин, который не давал ей покоя своей любовью и настойчиво оттаживал потенциальных женихов. Но в убийстве рок - звезды объективно были заинтересованы и русские патриоты, и сионисты, и тайные масонские организации. Однако именно Ирина не может подтвердить свое алиби. Значит, ей нужно, во что бы то ни стало найти убийцу...

Содержание

Глава 1.....	.0005
Глава 2.....	.0013
Глава 3.....	.0020
Глава 4.....	.0025
Глава 5.....	.0029
Глава 6.....	.0035
Глава 7.....	.0039
Глава 8.....	.0047
Глава 9.....	.0051
Глава 10.....	.0059
Глава 11.....	.0067
Глава 12.....	.0073
Глава 13.....	.0086
Глава 14.....	.0108
Глава 15.....	.0117
Глава 16.....	.0126

Вера Белоусова
По субботам не стреляю

Глава 1

Меня подозревают в убийстве. Ме-ня. Вас когда-нибудь подозревали в убийстве? Девяносто процентов моих знакомых в ответ на такой вопрос вытаращили бы глаза, пожали плечами, покрутили пальцем у виска, – словом, нашли бы способ выразить недоумение. А прочие без всяких затей сказали бы: «Нет». Нормальная реакция нормального человека. И я бы совсем недавно поступила точно так же. А теперь – нет. Теперь не могу. К этому еще надо привыкнуть...

В голове у меня упорно вертелась фраза из старого анекдота про психа: «Я-то знаю, что я не зерно, но курица ведь не знает!» Ох, как хорошо я понимала этого психа! Именно такое ощущение я испытала во время разговора со следователем. Я-то знаю, что я ни при чем, но он-то, он-то этого не знает! И что я могу ему сказать? Что я хорошая? Что я мухи не обижу – хоть кого спросите, мою маму, например?.. Меня так и подмывало сообщить что-нибудь в этом роде. Но что-то в его тоне, хотя разговаривал он очень вежливо, заставило меня прикусить язык. Его не интересовало, хорошая я или плохая и что думают обо мне родные и близкие. Его интересовали улики и алиби – все то, о чем я читала в детективных романах и что, казалось, не могло иметь ко мне ни малейшего отношения.

Сам по себе его визит не застал меня врасплох – Костя предупреждал, да и вообще нетрудно было догадаться, что со мной захотят побеседовать. Меня ошарашил поворот темы – я-то по наивности полагала, что все сведется к разговору о том, не было ли у Никиты врагов. А вместо этого мне пришлось рассказывать, где и когда я была и кто меня видел... Все это было очень похоже на бред. Но что поразительно: не прошло и получаса, как я перестала внутренне сопротивляться этому бреду. Я не то чтобы смирилась с новым статусом, нет – просто поняла: теперь это так, и все тут. А значит, мне не остается ничего иного, как срочно учиться ориентироваться в новых условиях. Другими словами, не твердить, как попугай: «Вы с ума сошли!» – или что-нибудь в этом роде, а добывать доказательства своей невиновности. Беда в том, что я понятия не имела, как это делается.

Все шло наперекосяк в тот несчастный день. Нечего было вообще приходить на работу. Все бы прекрасно это поняли, никто бы меня не осудил. Отношения у нас в издательстве вполне семейные. Не без конфликтов, разумеется, как в любом семействе, но зато неформальные, всегда можно обо всем договориться. Шеф, увидев меня, искренне удивился:

– Зачем ты пришла? Я же оставил сообщение, чтоб не приходила.

Все правильно – я забыла проверить автоответчик. Могла бы, впрочем, и сама позвонить, а то и прогулять без предварительной санкции. Толку от меня все равно было, прямо скажем, немного. Голова гудела, буквы на дисплее расплывались и прыгали, как зайчики, – не прошла для меня даром эта история, за последние два дня я здорово перенервничала. Надо было встать, встряхнуться, сварить кофе, что ли... Вместо этого я продолжала сидеть, как приклеенная, тупо уставившись в экран. Что-то такое происходило вокруг, какая-то беготня и суматоха, – пожалуй, чуть больше, чем обычно. Меня, по-видимому, сговорились не трогать. Было слышно, как шеф раздраженно сказал кому-то:

– Все, все переделывать, все с самого начала! Не было печали...

Из смежной с нами «дизайнерской» доносились возбужденные голоса. Они сливались в нерасчленимый гул, из которого время от времени выныривала то одна, то другая фраза.

– Может, Георгия? – нерешительно предложил главный художник Аркадий.

– Ну ясное дело! – фыркнул кто-то. – И маковок, маковок побольше!

– Какого, на хрен, Георгия! – возмутился дизайнер Илья, отличавшийся критическим складом ума. – Вы что, обалдели? Это же его убили, понимаете, – его! Так что накладочка получается: кто у вас Георгий, а кто – змий?

– Действительно... – пробормотал Аркадий.

– Нет-нет, ребята! Тут нужно другое... – сказал шеф, внезапно материализовавшийся в «дизайнерской».

Тут они заговорили все разом, и я перестала разбирать отдельные слова. Минут через десять шеф возник на пороге нашей комнаты. Некоторое время стоял в задумчивости, прижав палец к носу, а потом, словно решившись, направился прямо ко мне. В комнате сильно запахло туалетной водой. Импортантный мужчина в самом расцвете сил, и туалетная вода у него экстра-класса... Только вот перебарщивает он, к сожалению. Я подавила желание отвернуться или дышать ртом, пока не привыкну.

– Ну как ты? – участливо поинтересовался он, подтягивая ногой стул и усаживаясь рядом.

– Все в порядке, спасибо, – ответила я, ожидая продолжения.

Он вздохнул с явным облегчением – как будто боялся, что я разрыдаюсь! – и немедленно перешел к делу:

– Вот что, Ирочка... Никитину книжку придется переделать. Всю – с начала до конца. Привести в соответствие...

Тут он поперхнулся и сконфуженно уставился на меня. Действительно, не самое удачное выражение! Тем не менее я кивнула – дескать, ничего, все в порядке, валяйте дальше. Он поблагодарил меня взглядом за индальгенцию и продолжил:

– Надо включить те стихи, которые Никита передал мне в пятницу. Потом – фотографии, иллюстрации другие, статья... Ты этим, разумеется, заниматься не будешь. К тебе – две просьбы. Во-первых, подчистить текучку за теми, кого я брошу на это дело. Не сейчас, конечно, а когда будешь в состоянии... И второе... Когда будет готов макет, взгляни на него, если сможешь. Мне это очень важно.

– Хорошо, Юра, конечно, – покорно ответила я. Было бы странно, если бы я ответила иначе. Хотя, честно говоря, что-то меня во всем этом ужасно раздражало. Не то деловая возня, с ходу развернувшаяся вокруг этого кошмара, не то всеобщее и явное стремление подчеркнуть, что в моей жизни произошла большая трагедия. В конце концов, я потеряла приятеля, бывшего одноклассника – даже не друга в собственном смысле слова. Тоже, конечно, радости мало, но перебарщивать незачем...

Кофе мне в конце концов сварила Анечка – подруга, сотрудница и соседка по комнате. Она же добыла рюмку коньяку из редакционного НЗ. Я выпила и то и другое и стала немножко больше похожа на человека. Анечке явно хотелось обсуждать со мной детективные сюжеты, но я пресекла все в корне, сказав, что не имею на этот счет никаких соображений и вообще предпочитаю

любую другую тему. Я старалась говорить как можно мягче, чтобы, упаси бог, не обидеть ее. Излишняя предосторожность! С тем же успехом можно было орать и топтать ногами: все было бы отнесено на счет пережитой мною тяжелой травмы, сегодня мне прощалось решительно все. Мы немного поболтали о разных пустяках, покурили, и я снова уселась к компьютеру. Теперь дело пошло значительно лучше. Но... не суждено мне было в этот день спокойно поработать! Не прошло и получаса, как в дверях возникла секретарша Вика и сообщила, что меня вызывают к начальству. Это показалось немного странным. Во-первых, мы с шефом только что беседовали, а во-вторых, наш демократичный Юра вообще вызывал нас к себе крайне редко, предпочитая заходить сам. Впрочем, тут же все и разъяснилось. В коридоре Вика немедленно притиснула меня к стене и зашептала в самое ухо:

– Он там не один. У него какой-то дядька. По-моему, – она округлила глаза, – он из МУРа! «Так, – подумала я, – пошло-поехало. Что-то больно быстро. Плохи же у них дела, если начинают с меня. Хотя да... Записная книжка...»

Вике страшно хотелось зайти в кабинет вместе со мной. Однако она сумела взять себя в руки, тяжело вздохнула и осталась снаружи, почему-то шепнув мне напоследок:

– Ни пуха...

Я постучала и, услышав: «Войдите!» – открыла дверь кабинета.

«Мой любимый цвет, мой любимый размер!» – говаривал ослик Иа-Иа... Стыдно признаться, но именно эта мысль пронеслась в моей голове, когда сидевший у стола мужчина поднялся мне навстречу. Конечно, это было не вполне уместно, но что же делать, если он действительно максимально приближался к моему идеалу мужской красоты. «Обожаю смуглых мужчин», – говаривала моя покойная бабушка. Надо полагать, я унаследовала от нее это пристрастие. Смуглая кожа плюс большие темные глаза, разумеется, глубокие и выразительные, и далее в том же роде... Маленькая княгиня из «Войны и мира» увидела красавца Анатоля и тут же приготовилась к «привычному галоу кокетства», будучи на последнем месяце беременности. Вот и я в первый момент машинально забила копытом, но, слава богу, тут же опомнилась. Куда лучше кокетничать на девятом месяце, чем строить глазки представителю юстиции, навестившему тебя по случаю убийства.

При моем появлении шеф, стоявший у окна, виновато развел руками и вышел, а красавец кивнул мне довольно приветливо и сказал:

– Добрый день, Ирина Григорьевна. Садитесь, пожалуйста. Я – Александр Петрович Соболевский.

Именно в таком порядке – не «Соболевский Александр Петрович», а наоборот, что меня немного удивило.

– Следователь по особо важным делам Московской городской прокуратуры, – добавил он после едва заметной паузы и показал мне удостоверение.

«Почему – следователь? – растерянно подумала я. – Кажется, должен приходиться не следователь, а оперативник...» Эту информацию я, как нетрудно догадаться, почерпнула из детективов. Все-таки сознание иногда выдает странные фокусы. Ну что мне, скажите на милость, за разница, по какому он ведомству? И разве об этом мне нужно было думать в тот момент? Конечно, тут обозначилось некоторое несоответствие между литературой и действительностью, но, может, это какой-нибудь особый случай – откуда мне знать! Следователь – так

следователь...

– На днях, – продолжал мой новый знакомый, – нам придется вызвать вас в официальном порядке. Но, если вы не возражаете, я бы спросил вас кое о чем предварительно. Вы не возражаете?

– Нет, – беспомощно пробормотала я. Опять неправильно! Что значит «предварительно»? А протокол? Следовательно, согласно тому же источнику, должен вести протокол. «Ну хорошо, – сказала я себе. – Успокойся. Ты его удостоверяешь видела? Видела. Не самозванец? Не самозванец. Ну и пусть поступает, как знает. Ему виднее».

Соболевский кивком поблагодарил меня за согласие, немного порылся в каких-то бумагах и задал первый вопрос:

– Вы хорошо знали Никиту Добрынина? Я испытала некоторое облегчение. Такое начало вполне соответствовало моим представлениям. Если бы я знала, как далеко мы от них уйдем спустя каких-нибудь пять минут!

– Неплохо, – ответила я. – Мы учились в одном классе. И потом тоже общались... приятельствовали.

– Когда и где вы видели его в последний раз?

– В пятницу, 25 июня, у него дома.

– При каких обстоятельствах?

– Он устраивал вечеринку для сотрудников нашего издательства. Мы готовили его книжку. На той неделе ему показали макет, он обрадовался и решил отметить.

– Я не знал, что он публикует свои стихи, – удивился Соболевский.

– Он и не публиковал раньше. Это была первая попытка.

– На этой вечеринке были только ваши сотрудники?

– Нет, что вы! Еще человек десять было, а может, пятнадцать. Я почти никого не знаю.

– Ушли все вместе?

– Не знаю, я ушла раньше всех – через час-полтора, не больше. Но... Я говорила с ним еще раз. По телефону.

Ох, как мне не хотелось об этом рассказывать! Но я чувствовала себя не вправе утаивать информацию – откуда мне. Знать, вдруг из нее можно извлечь какую-нибудь пользу. В тот момент я по наивности полагала, что мы со следствием по одну сторону баррикад...

– Когда? – поинтересовался Соболевский.

Я набрала побольше воздуха и сказала:

– Это было в субботу днем. Около двух. Он позвонил мне...

– Куда?

– Как – куда? – удивилась я. – Домой! Соболевский поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Что-то мелькнуло у него в глазах, какое-то странное выражение – не знаю, как объяснить... Конечно, он удивился: это понятно – ведь получалось, что я разговаривала с Никитой последней и чуть ли не прямо перед... Но в его взгляде было не только удивление, было что-то, чего я не понимала и не могла передать словами – хотя была уверена, что не ошиблась и моя мнительность здесь ни при чем.

– О чем вы говорили?

– Да, в общем, ни о чем. Ничего особенного. Он говорил, что сочиняет новую песню...

Он говорил не только об этом, но вот это уже решительно никого не касалось.

– Значит, вы утверждаете, – с расстановкой произнес Соболевский, – что в последний раз были у Добрынина в пятницу, 25-го числа...

Вот, вот оно! Именно в эту минуту я и почувствовала, как что-то в моей жизни меняется неотвратимо. «Вы утверждаете», – сказал он. Это могло значить только одно: отныне все, что я говорила, становилось не более чем моим утверждением, которое могло быть подтверждено или опровергнуто с помощью доказательств. Я молча уставилась на него, ожидая продолжения. Он снова порылся в папке, заглянул в какую-то бумажку и произнес скороговоркой:

– Ольга Николаевна Суханова утверждает, что видела вас в подъезде, где проживал Добрынин, в субботу, между двенадцатью и часом дня.

«Так вот откуда ветер дует...» – подумала я. Все правильно. Ольга Николаевна Никитина, соседка снизу, – никогда, кстати, не знала, что она Суханова, – тип вездесущей подъездной старушенции... В субботу мы с ней столкнулись в подъезде; она сообщила, что торопится на дачу, и тем не менее минут пять со мной проболтала. Скрывать мне было решительно нечего, я все могла объяснить, но почему-то меня охватило уныние.

– Вы спрашивали, когда я видела Никиту в последний раз, – мрачно сказала я. – Я вам ответила. Это было в пятницу. Я действительно была в субботу в доме, где живет... жил Никита, но его самого я не видела. Я забыла у него записную книжку и хотела ее забрать, но мне никто не открыл.

– И как же вы поступили? – поинтересовался Соболевский.

– Ушла через пятнадцать минут, и это могут подтвердить четыре человека. Последнее замечание я сделала все еще не вполне всерьез. И напрасно.

– Кто? – ничтоже сумняшеся спросил он, как будто это было вполне нормально – искать свидетелей, которые могли бы подтвердить, что я не вру.

– Во-первых, Алена Субботина... – начала я.

– Актриса?

– Да. Во-вторых, Агния...

– Какая Агния? Как ее фамилия? Чтобы не знать, кто такая Агния, нужно никогда не смотреть телевизор.

– Агния – певица. Понятия не имею, как ее фамилия. Она и в афишах так значится. Агния – и все.

– Понятно. Кто еще?

– Еще два ее телохранителя. Фамилий не знаю.

Жалостная попытка иронизировать осталась без внимания.

– Надо же, сколько народу! – задумчиво проговорил Соболевский. – И что они там делали?

– То же, что и я. Звонили в дверь.

– Не знаете, зачем они приходили?

Кое-что я знала, но, секунду поразмыслив, решила оставить свои знания при себе. Не мое это дело – пусть спрашивают их самих.

– Алена хотела обсудить с Никитой личные проблемы, Агния – деловые.

И хватит с него – остальное пусть выясняет сам.

– Спасибо, – кивнул Соболевский. – Все это очень ценно. Мы с ними непременно поговорим.

Он немного помолчал, перебирая бумаги, и огорошил меня следующим вопросом:

– Знаете, Ирина Григорьевна, одноклассники – это ведь еще ни о чем не говорит... Добрынин рассказывал о вас в интервью, у него в бумажнике нашли вашу фотографию... С другой стороны, все знали о его похождениях. Не могли бы вы... охарактеризовать ваши отношения? Вкратце...

Тут я, признаться, совершенно растерялась. Ничего себе! «Вкратце»! Попробуй «охарактеризуй вкратце» большой кусок жизни! Попробуй Расскажи совершенно незнакомому человеку о том, что произошло однажды ночью, ровно десять лет назад. Точнее, десять лет и один день... Подходящий материал для психоаналитика. Для психоаналитика – но не для следователя...

– Он за мной ухаживал... – беспомощно пролепетала я. Соболевский оторвался от своих бумаг и посмотрел на меня с нескрываемым интересом. Ох, как хорошо я знала этот взгляд и как я его не любила! Это лыко я тоже ставила Никите в строку, хотя понимала, что формально он ни при чем. У меня медленно, но верно развивался комплекс неполноценности, изначально мне совершенно несвойственный. Моя внешность меня в общем и целом вполне устраивает, я не могу пожаловаться на недостаток мужского внимания, – словом, вроде бы все в порядке. Но каждый раз, когда Никита публично проявлял ко мне особое внимание или это, как теперь, всплывало в разговоре, я ловила на себе чей-нибудь взгляд – оценивающий, с оттенком легкого недоумения. Еще бы! Красавец-богатырь, национальный символ, рок-певец номер один – и все в одном лице! За него сражались самые немыслимые красотки, которых он, как правило, удостаивал внимания лишь на короткие сроки. Вот на этом фоне меня и рассматривали с удивлением. Тут мало не страдать комплексами – чтобы вынести такое без потерь, нужно обладать поистине непробиваемой самоуверенностью. И вообще – не хотела я всего этого. Ни сравнений этих, ни взглядов, ни Никитинового вязкого обожания...

Я сидела мрачная, как туча, уставившись на носки собственных туфель, и, разумеется, не подозревала, что минуту спустя все мои комплексы покажутся мне сущими пустяками по сравнению с сюрпризом, который, как выяснилось, меня ожидает.

– В бумажнике убитого, – самым будничным тоном сообщил Соболевский, – рядом с вашей фотографией было вот это...

Он выложил на стол лист бумаги, представлявший собой отчетливую ксерокопию другого, маленького, листка, на котором корявым Никитиным почерком было написано следующее: «Ирочка», потом – новый номер моего телефона, появившийся совсем недавно, после того как нас переключили на другую АТС, а потом – еще одно слово, и слово это было – «шантаж?». Именно так, с вопросительным знаком, – «шантаж?». Я прочитала эту белиберду раз пятнадцать подряд, в бессмысленной надежде, что она вдруг возьмет и исчезнет, но, увы, она никуда не девалась. Шесть букв, черным по белому, хоть ты тресни: «шантаж». Придраться можно было разве что к последней букве, которая больше напоминала закорючку, как будто Никите надоело писать. Но это была его обычная манера, за эти финальные закорючки ему доставалось еще в школе. Зато первые пять букв не вызывали ни малейших сомнений. «Шантаж» – и все тут!

«Какой, к дьяволу, шантаж?! – пронеслось у меня в голове. – Никита, оче-

видно, совсем сбрендил!» Я почувствовала, как в душе поднимается волна привычного раздражения – вечного спутника всех моих размышлений о Никите. Волна поднялась и беспомощно опустилась: отныне и присно моему раздражению суждено было упираться в пустоту...

«И все-таки – что это за «шантаж» такой? – мучительно соображала я, украдкой поглядывая на следователя. – Этот наверняка решил, что я добивалась Никитино внимания каким-то шантажом... Хотя, позвольте... а может, это он меня шантажировал? Для моей женской гордости это, конечно, куда приятнее. С другой стороны, если я его шантажировала, то мне незачем было его убивать, а вот если он меня – тогда другое дело... Так что шут с ней, с гордостью...» Я поймала себя на том, что начинаю осваиваться в новом качестве.

Соболевский кашлянул, и я опомнилась. Он ждал моей реплики.

– А что вы хотите от меня услышать? – мрачно поинтересовалась я. – Вы можете мне верить и не верить, но я понятия не имею, что это значит. Мы с ним друг друга не шантажировали. И вообще... Странная манера записывать такие вещи на бумажку, вам не кажется?

– Безусловно, – кивнул Соболевский. – И тем не менее факт остается фактом. Если это шутка, то очень странная. Скажите, Ирина Григорьевна, кто-нибудь, кроме вас, был дома, когда вы в последний раз разговаривали с Добрыниным?

«А это еще зачем?» – изумилась я. И тут меня осенило. Алиби! Он пытался установить мое алиби. Если бы кто-нибудь подтвердил, что я была дома в субботу около двух, это означало бы, что я никак не могла... О господи!

– Нет, – сказала я упавшим голосом. – Никого не было. Я была одна.

Честное слово, он посмотрел на меня с сочувствием!

– Вот что, Ирина Григорьевна... – помедлив, сказал он. – В ближайшие дни мы вас вызовем. Могу я попросить вас пока не уезжать из Москвы?

– Да, – ответила я, с ужасом думая о том, что скажет на это Костя. Билеты заказаны, путевки выкуплены... Никита продолжал доставать меня с того света. Он дорого бы дал, чтобы расстроить эту поездку... Почему-то у меня не хватило духу спросить, сколько времени я буду «невыездная». Да и бесполезно было спрашивать скорее всего.

– И последнее, Ирина Григорьевна, – продолжал Соболевский. – Вот моя визитная карточка. Здесь оба телефона – рабочий и домашний. Если что – звоните, не задумываясь!

– Хорошо, – покорно пообещала я, абсолютно не понимая, что может означать это «если что». Уже идя к двери, я вспомнила, что тоже хотела задать ему один вопрос.

– Скажите, пожалуйста, – спросила я, обернувшись, – моя записная книжка у вас?

– Нет, – следователь покачал головой. – Книжки там не было. Может, проглядели. И такое бывает, знаете...

Он старался говорить как ни в чем не бывало, и все-таки я уловила в его тоне некоторое беспокойство. Действительно: слона-то я и не заметил... Или Никита ее куда-то припрятал?

Выходя из кабинета, я лицом к лицу столкнулась с шефом и с Викой. Оба выглядели крайне взволнованными.

– Ну что? – свистящим шепотом спросила Вика.

– Ничего, – я растерянно пожала плечами. – Что-то вроде подписки о невыезде...

Тут случилась еще одна неожиданность. Шеф внезапно покраснел, набычился и пошел прямо на выходявшего следом за мной Соболевского.

– Товарищ, то есть господин следователь! – заявил он. – Я хочу вам сказать, что вы на ложном пути. Ирина не может иметь к этой истории никакого отношения. Я очень хорошо ее знаю и могу вам лично поручиться...

Тут он, по-видимому, осознал абсолютную нелепость происходящего и осекся, сделавшись из красного темно-пунцовым.

– Большое спасибо за информацию, – подчеркнуто серьезно ответил следователь.

Нетрудно было догадаться, что с содержанием нашей беседы могли ознакомиться все желающие. Окна по случаю жары были распахнуты настежь, достаточно было сесть на подоконник в соседней комнате... И все-таки то, что я услышала, проходя по коридору мимо нашей «кофейной комнаты», застало меня врасплох. Это был еще один – не скажу удар, а так себе – что-то вроде пинка под зад. Две девочки-компьютерщицы варили кофе, и одна из них, не видя меня, говорила другой:

– А я всегда думала: что-то здесь не то! Чудес не бывает. Слыхала? «Шантаж»! Чем-то она его держала на коротком поводочке.

Нетрудно было догадаться, что она имеет в виду. Конечно, теперь у меня были другие заботы... И все-таки я бы соврала, если бы сказала, что меня это нисколько не задело. Я заглянула в нашу комнату, схватила сумку и смылась, не сказав никому ни слова.

Глава 2

Не верили... Никто не верил. Странные люди, ей-богу! Ну скажите на милость, неужели так трудно понять, что у человека есть не только настоящее, но и прошлое? Они, видимо, считали, что он так и родился – с бородой и с микрофоном в руке. Ничего подобного, смею вас уверить! До того как стать национальным достоянием, ваш обожаемый Никита был обычным школьником, закомплексованным подростком, между прочим, довольно хилым... «Косая сажень» – результат систематических занятий бодибилдингом. Хорошеньким – да, хорошеньким он был всегда: белокурый, с большими глазами редкого темно-голубого цвета. Хорошенький – ничего не могу сказать, – но только совершенно не в моем вкусе...

Мы учились вместе с третьего класса. Никита увидел меня первого сентября и немедленно влюбился. Почему – не знаю, может быть, потому, что я была единственная из всех рыжая. Как-то так вышло, что до тех пор он не видел рыжих, – во всяком случае, так близко. Позже он признался мне, что просто глаз не мог отвести от моей пламенеющей гривы. Его влюбленность прошла все положенные стадии – от подножек и дерганья за косички до записок, провожаний и приглашений в кино. Но... не нравился он мне. Ну вот не нравился – и все. Я добросовестно старалась вылепить из всего этого дружбу. Разумеется, без особого успеха. С кем я со временем подружилась – так это с Никитиной сестрой Люсей. Но это отдельная история... Тут крылась одна из причин, по которой я еще в школе была с ним мягче, чем следовало, невольно вводя его в заблуждение. Никитины родители погибли в автокатастрофе, когда он был совсем маленьким. Разумеется, об этом стало известно на следующий же день после его прихода в нашу школу. Одна учительница сказала другой, кто-то услышал... В школах такая информация распространяется с поразительной быстротой. Меня все это потрясло до глубины души. В судьбе этого белобрысого новенького воплотился самый страшный кошмар, который я могла себе вообразить. То, что снилось мне в кошмарных снах, что заставляло кричать и плакать ночами, поднимая на ноги весь дом, в его жизни случилось на самом деле – и я жалела его ото всей души. Но и только. Ничего отсюда не следовало. Может, для кого-то «жалеть» – и значит «любить», но у меня этот механизм работает по-другому.

Никита и Люська жили вдвоем. Была еще какая-то условная тетушка, которая условно за ними присматривала, но по мере Люськиного взросления она появлялась все реже и реже. Люська была на четырнадцать лет старше брата и со временем взяла на себя всю ответственность за его воспитание. Вокруг нее вилась тьма поклонников, но она упорно не выходила замуж, дожидаясь, пока Никита «встанет на ноги». Потом выяснилось, что того же самого покорно и, надо думать, с большим нетерпением дожидался один симпатичный парижский журналист. Убедившись, что с Никитой все в порядке, Люська вышла за него замуж и укатила во Францию.

Внешне они были похожи – высокие, белокурые, голубоглазые, но эволюционировали в совершенно разных направлениях. Никита – в сторону русского богатства, Люська – в сторону вполне интернациональной изысканности

и элегантности. Мое отношение к ней больше всего напоминало гимназическое обожание, – разумеется, пока я была маленькая; когда же я «вошла в разум», мы сдружились, несмотря на серьезное осложняющее обстоятельство. Этим обстоятельством был Никита. Казалось бы, кому, как не Люське, обижаться на меня за страдания любимого брата? Ничуть не бывало! Она, напротив, относилась ко мне с явной симпатией и пониманием. Не знаю уж, как преподносил ей всю эту историю Никита... Мы с ней эту тему, как правило, не обсуждали. Только однажды она сказала задумчиво и как бы между прочим:

– Особая тяга к тому, что не идет в руки, – это нормально, это у всех так. «Запретный плод вам подавай...» Ну, может, почти у всех... Но другие все-таки умеют с этим мириться. А у Никиты это как-то особенно... Дурацкий характер! Ничего, Ирочка, не волнуйся. Будем надеяться – как-нибудь рассосется.

Ей-богу, я чуть не заплакала. Она же меня еще и утешала! Что касается ее прогноза, то он не сбился. Может, оно бы и рассосалось, если бы не привнесенные обстоятельства. Во-первых, я вошла в «романный» возраст и стала заводить кавалеров. На Никиту это подействовало, как красная тряпка на быка. Люська была права – его реакция действительно отличалась от обычной реакции среднестатистического подростка. Что-то маниакальное было в том упорстве, с которым он продолжал ходить за мной по пятам, появляясь в самое неподходящее время в самых неожиданных местах. Много позже он рассказал мне, что именно тогда, в очередной раз прячась в кустах и наблюдая, как я целуюсь со своим провожатым, он дал себе клятву во что бы то ни стало стать знаменитостью. Так что в Никитином успехе есть доля моего участия...

И все-таки могло рассосаться – шанс был. Он сохранялся до выпускного вечера, до той самой злосчастной ночи после выпуска, когда я выкинула номер, из-за которого все пошло наперекосяк. Хотя в тот момент я этого не поняла и не заметила.

Все, началось с того, что меня надул мой сердечный друг. Моим другом сердечным на тот момент был студент аж четвертого курса химического факультета МГУ. Надо полагать, я была в него влюблена, но это как-то забылось, зато прекрасно помнится, как мне хотелось продемонстрировать его одноклассникам. В общем, я пригласила студента на выпускной, а он не пришел. После торжественной части я, как и было условлено, вышла встречать его к школьным воротам, и все желающие могли наблюдать, как я слоняюсь взад-вперед вдоль забора. Разумеется, я старательно делала вид, что мне захотелось проветриться – но кого это могло обмануть!

Больше всего мне хотелось смыться немедленно. Однако это была бы непозволительная роскошь – все равно что публично объявить о своих страданиях. Кроме того, у меня была роль в капустнике. Поэтому я честно отбыла свой номер и даже протанцевала вальс с пригласившим меня учителем физики. Потом вальсы сменились классическим рок-н-роллом, свет пригасили, все запрыгали кто во что горазд. Я потихоньку выскользнула из зала и отправилась в учительский туалет – единственное место, где можно было запереться. Там я, чего греха таить, немного поплакала, а потом, подняв глаза, встретилась нос к носу с собственным отражением в зеркале. Весь парад, конечно же, пошел насмарку. Глаза покраснели, нос распух, волосы торчали в разные стороны. О том, чтобы вернуться в зал, не могло быть и речи.

На улице оказалось прохладнее, чем я думала, моросил мелкий дождь. До

дома надо было добираться на метро, а метро, разумеется, уже не работало. Вроде бы недалеко, всего три остановки, но пешком тащиться не меньше двух часов. Новые туфли, как и положено, натерли ноги. Денег на такси я не оставила. Надо было двигаться к дому – все лучше, чем торчать на месте. Я пустилась в путь, прихрамывая и проклиная все на свете. Минут через пять ко мне присоединился Никита. Я готова была дать голову на отсечение, что он не заметил моего ухода, – и лишилась бы головы. Много лет спустя он сказал, что всегда видит меня боковым зрением.

Сначала он просто шел рядом, потом взял меня за локоть, и с этого момента направление нашего движения изменилось – мы стали неуклонно приближаться к Никитиному дому. Конечно, в моей власти было остановиться или повернуть в другую сторону, но тут со мной что-то приключилось: на меня нашло какое-то странное оцепенение. Не помню, о чем я думала, и думала ли о чем-нибудь вообще... Скорее всего что-нибудь вроде: чем хуже, тем лучше. Собиралась отомстить всему человечеству разом. Интересно, что за всю дорогу мы не проронили ни слова. С Никитиной стороны это было весьма разумно: если бы он заговорил, я, вполне возможно, опомнилась бы и сбежала. Но он шел, глядя прямо перед собой и изо всех сил стиснув зубы, – наверное, боялся, чтоб они не застучали. Должно быть, мы являли собой забавное зрелище, но оценить было некому: на улицах – темно и пусто, до «встречи рассвета» оставалось еще несколько часов, а пока выпускное веселье сосредоточивалось в стенах школьных зданий.

В том же гробовом молчании мы вошли в дом, не зажигая света, прошли в Никитину комнату и, не глядя друг на друга, быстро разделись. То есть нет, не совсем так... Никита в первую минуту застыл, как соляной столб, а я стала стягивать с себя платье, двигаясь, как заводная кукла. Какая-то пуговица или кнопка звякнула, стукнувшись о спинку стула, тогда он опомнился и последовал моему примеру. А дальше...

В общем, ничего у него не вышло. Вполне естественно! – говорю я с высоты своего нынешнего опыта. Первая в жизни попытка, да еще не с кем-нибудь, а с собственным кумиром, предметом многолетнего обожания, плюс эффект полной неожиданности – ведь час назад он ничего подобного и помыслить себе не мог, и вдруг – на тебе! А главная беда в том, что кумир лежит себе бревном и смотрит в потолок, не соучаствуя ни физически, ни психически... Понятно, что при таких обстоятельствах не у всякого встанет. Во всяком случае, насколько мне известно, в дальнейшей жизни у него таких проблем не возникало – какое там!

Что было дальше, я помню смутно. Со мной произошла удивительная метаморфоза – все мои переживания как рукой сняло. Никита плакал, я утешала его, а потом внезапно заснула как убитая.

Когда я проснулась, за окном было совсем светло, метро явно давным-давно работало, по-прежнему шел дождь. В квартире стояла тишина, Никита не показывался – может быть, прятался, а может, его не было дома. До сих пор не знаю... В тот момент у меня возникло ощущение, что он исчез – не только из квартиры, но и из моей жизни – и больше не появится никогда. Я немного беспокоилась за него, но в целом такое развитие сюжета меня вполне устраивало.

В тот же день выяснилось, что мой коварный химик чист, как стеклышко, –

машина сломалась по дороге с дачи. А еще через неделю я в нем полностью разочаровалась. Так что во всей моей эскападе не было, как выяснилось, ни малейшего смысла.

Что до Никитино исчезновения, то, как выяснилось, я была права лишь частично. Он действительно исчез, но не навсегда, а на несколько лет: кончал консерваторию, внедрялся в шоу-бизнес, – в общем, как и было им задумано, становился знаменитостью. А потом, в один прекрасный день, позвонил и пригласил нас с сестрой на свой концерт. Мы пошли... На следующий день он позвонил снова и попросил разрешения зайти в гости – вообще в гости, не ко мне лично, а ко всем нам. «Я сто лет у вас не был...» Попробуйте в ответ на это сказать: «Нет»! Может быть, кто-нибудь и может, а я не в силах... Он пришел, принес маме цветы, был чрезвычайно мил и развлекал в равной степени всех троих – и маму, и сестру, и меня. Посидел, попил чаю и ушел, напоследок испросив разрешения заходить вообще и советоваться насчет текстов песен в частности – «все-таки у вас два филолога в доме». Два филолога – это были мы с сестрой, только что закончившие филфак, а наши советы нужны были ему как рыбе зонтик.

С того дня Никита стал появляться у нас регулярно. Сперва – и, надо сказать, довольно долго – он вел себя совершенно безукоризненно, всячески подчеркивая, что нас с ним связывает дружба и ничего, кроме дружбы. Я понимаю, в это трудно поверить – но он сумел временно ввести меня в заблуждение. Меня, но не мою проницательную сестру. Как раз в это время она решила сменить профессию и потому оттачивала свою проницательность на родных и близких.

– Тактика и стратегия! – объявила она чуть ли не после первого же Никитино визита.

Больше того, она развернула передо мной сценарий грядущих событий, совпавший с реальностью до мелочей, до смешного.

– Сперва пойдут воспоминания, – пророчествовала она. – Постепенно они приобретут исповедальный характер. Как только начнется психоанализ – пиши пропало! Он объявит, что без тебя ему не жить, и потащит в койку. Ты скорее всего не дашь, потом пойдет сплошная достоевщина, и он не отвяжется от тебя уже никогда.

Один к одному! Задушевные беседы плавно перешли в ухаживания, ухаживания – в приставания, приставания – в преследования. Он подстерегал меня повсюду, приезжал домой и на работу, звонил, присылал цветы и подарки, следил за каждым моим шагом, знакомился со всеми моими поклонниками, нередко ставя всех действующих лиц в совершенно дурацкое положение. Устраивал нелепые сцены, издевался, требовал, клянчил... Все это было, в общем, похоже на то, что происходило в школе, – но кое-что за эти годы все-таки существенно изменилось. К примеру, мы стали на несколько лет старше. То, что можно было списать на издержки переходного возраста, у взрослого мужчины выглядело, как настоящая *idée fixe*.

Модель поведения тоже претерпела кое-какие изменения. Если раньше он прятался в кустах, то теперь с самой светской улыбкой открыто появлялся именно там, где его меньше всего ждали. Он стал гораздо самоувереннее, чем раньше, но в его самоуверенности все равно оставалась брешь. Неудача со мной явно рушила удобную картину мира, воскрешала в нем давно забытого

нервного подростка. Таков был первый вывод моего доморощенного психоанализа. Далее неизбежно вставал вопрос: не проще ли было бы с ним переспать? Ответа на этот вопрос я не знаю. Вполне вероятно, что, добившись своего, он успокоился бы сам и оставил в покое меня. Стопроцентной гарантии, конечно, нет... но дело-то было вовсе не в гарантиях, а в том, что для меня этот вопрос носил чисто умозрительный характер. Почему – не знаю. Я не образец целомудрия. «Умри, но не давай поцелуя без любви!» – не мой девиз, но тут меня прямо-таки заело. Именно «заело» – так я это себе представляю, – как какую-нибудь шестеренку, которая зацепилась за что-то там не то и не может провернуться. Не может – и все. Для нас обоих та ночь не прошла бесследно. Никита заикнулся на необходимости реванша. Я же поняла, что это не повторится никогда и ни при каких обстоятельствах.

Между прочим, занятно... В свое время – должно быть, классе в седьмом – я упивалась «Сагой о Форсайтах». Все действующие лица были мне как родственники – я их и судила, и прощала, и одобряла. Больше всех меня огорчала Ирен. Я не могла понять, за что она мучает бедного Сомса, ни в какую не соглашаясь исполнять супружеский долг. Сомс как был, так и остался мне симпатичен, а вот насчет долга я поняла на собственной шкуре. Ее, беднягу, тоже «заело»... Тут не упрямство, а полная физическая невозможность. Что называется: «Ум с сердцем не в ладу»... То есть не с сердцем, а...

В последнее время Никита завел отвратительную привычку упоминать меня в интервью. Сначала это выглядело относительно безобидно. Он регулярно сообщал журналистам, что, помимо обычных подруг на каждый день, у него есть Прекрасная Дама, которой он намерен поклоняться до скончания века. В ответ на просьбы рассказать о ней поподробнее он задумчиво качал головой и принимался туманно рассуждать о рыжих волосах, средневековых рыцарях и их Прекрасных Дамах. Меня это, конечно, раздражало, но состава преступления тут все-таки не было – разве что насчет цвета волос... Впрочем, мало ли на свете рыжих!

Дальше – больше. Пару раз он упомянул мое имя, только имя, без фамилии! Опять-таки – мало ли на свете Ирин! И наконец как-то раз продемонстрировал мою фотографию. Вышло так, что я узнала об этом совершенно случайно и крайне неприятным для себя образом. Сама я этой передачи не видела – у меня не было идеи следить за всеми Никитиными выступлениями. Войдя на следующий день в метро, я услышала у себя за спиной отчетливый женский шепот:

– Гляди, гляди! Добрынинская баба!

– Где?

– Да вот она, вот! Рыжая, в свитере. Он вчера по телевизору фотку показывал!

– Иди ты знаешь куда! Станет добрынинская баба в метро ездить!

– Говорю тебе – она! Сейчас, как входили, я ее хорошо рассмотрела.

Я поймала в темном стекле жадные взгляды двух девочек лет пятнадцати и на следующей же остановке выскочила из поезда. Причем не как-нибудь, а в самую последнюю минуту, как заправский агент 007, уходящий от «хвоста». Я была в ярости. Никита не имел права покушаться на мою частную жизнь! Не имел права насильно приобщать меня к своей публичности. В конце концов каждый человек сам для себя решает, чего ему хочется больше: известности

или покоя. Никита прекрасно знал, что я думаю по этому поводу. Вечером того же дня я позвонила ему и устроила страшный скандал. Он молча выслушал меня и сказал:

– Слушаюсь! Никаких фотографий, никаких имен. Но про Прекрасную Даму ты мне разрешаешь говорить?

– Это твое дело, – в раздражении отрезала я. – Только учти, что Прекрасным Дамам положено поклоняться издали. Издали, понимаешь? К Прекрасным Дамам не пристают и тем более не тащат в койку!

– Это ты про средние века? – тупо переспросил он.

– Это я про всякие века, – отрезала я. – В том числе и про средние. Мы это в университете проходили.

– А я еще не созрел, – мрачно заявил Никита. – Слаб человек...

На том мы и расстались. Немного поостыв и обдумав наш разговор, я нашла, что все это довольно странно. Никто не мешал ему наплевать на мои протесты точно так же, как он плевал на просьбы оставить меня в покое. Между тем он говорил со мной виновато и чуть ли не испуганно. Можно было подумать, что он боится со мной поссориться! Все-таки в его поведении было много, как сказал бы Достоевский, фантастического. Потому не исключено, что половым актом я бы не отделалась.

Никитина популярность тем временем росла не по дням, а по часам. Надо отдать ему должное – в отличие от многих «звезд» он был действительно очень талантлив. Я не-большой специалист по этой части, но все знатоки в один голос твердили, что ему удалось создать нечто совершенно особенное, соединив национальные традиции с самыми современными тенденциями в музыке. По их словам, только Никитина музыка и имела право называться настоящим «русским роком», а то, что было до него, – всего лишь жалкие потуги и суррогат. Не знаю, возможно... У меня нет точки зрения, я просто повторяю чужие слова. Тексты песен он, по большей части, писал сам – то загадочно-абстрактные, то патриотически-ностальгические. Так себе тексты, по-моему... А вот голос у него был замечательный – сильный, красивый, и было в нем что-то такое, что даже на меня действовало, при всем моем скепсисе.

Кроме того, у него была на редкость счастливая внешность, идеально соответствовавшая имиджу. То есть я не знаю, что чему соответствовало: внешность – имиджу или имидж – внешности. Во всяком случае, они прекрасно гармонировали друг с другом. Никита, как я уже говорила, был на редкость хорошеньким от природы, к тому же, решив стать знаменитостью, он основательно поработал над своим внешним видом и в конце концов вылепил из себя русского богатыря. Имя у него было как нельзя более подходящее – псевдонима не требовалось. Кто-то из эстрадных юмористов, не помню уж кто, острил на эту тему, утверждая, что Добрынин подумывает над псевдонимом «Добрыня Никитич». И это, конечно же, был признак настоящей славы – один среди многих прочих.

Неслыханный взлет Никиты начался после того, как внезапно выяснилось, что нам необходима общенациональная идеология. Теоретикам требовалось найти как можно больше ее воплощений. Они учли тот факт, что в центре общенародного внимания у нас находятся звезды эстрады, и первым делом стали искать общенационального певца. То есть искать-то особенно не пришлось. Никита вписался в эту систему, как правильно подобранный кусочек

мозаики в общую картинку. Популярности ему и раньше было не занимать, но в последнее время началось совсем уж черт знает что, прямо какой-то шабаш. Он без конца выступал по телевизору – то пел, то рассуждал, то вел телепередачи. Газеты и журналы дрались за то, чтобы взять у него интервью. Я уж не говорю о майках, кепках, значках и прочей рекламной продукции с его изображением. Пару раз он намекал мне, что иметь в качестве спонсора государство очень и очень неплохо. «Совсем большие деньги», – говорил он, налегая на слово «совсем». Меня это «невинное хвастовство» раздражало невыносимо. Я просила его заткнуться или рекомендовала заняться благотворительностью.

Теперь скажите мне: при чем здесь я? Почему все это должно было иметь какое-то отношение к моей жизни? Если кто-нибудь сделает из всего вышеизложенного вывод, что я кокетничаю, а на самом деле внимание такой неслыханной суперзвезды не могло мне не льстить, значит, увы, мне не удалось ничего как следует выразить и передать. Больше того, если кто-нибудь подумает, что вся эта история вполне безобидна, то он ошибется.

Не знаю, как объяснить... Никита нарушал мои связи с миром. Мне, как ни дико это звучит, не верили ни женщины, ни мужчины. Женщины не верили в то, что я не строю Никите никаких ловушек, и пытались разгадать мою хитрость, что, впрочем, многим не мешало отчаянно мне завидовать. А мужчины были не в состоянии до конца поверить в то, что я действительно не отвечаю взаимностью столь завидному кавалеру. За непродолжительный период Никита сумел разрушить три моих романа, между прочим, довольно серьезных, и явно не собирался останавливаться на достигнутом. Одним-двумя «уместными» появлениями, парой «вовремя» сказанных фраз ему удавалось добиться «блестящих» результатов. Симптомы были всегда одни и те же: мои кавалеры начинали мучить меня дурацкими вопросами, становились мрачны, подозрительны, и в итоге все летело в тартарары.

– Ну и ладно! – резюмировала моя сестра. – Будем считать это проверкой на вшивость.

В душе я не могла не признать ее правоту, хотя все три раза все-таки расстраивалась. Но, в общем, глубокой душевной раны никто из них мне, конечно, не нанес. Что же касается Кости... Он все-таки совсем другое дело... Мне так не хотелось устраивать ему «проверку на вшивость»! Если бы не Костя, я не поехала бы в субботу за записной книжкой...

Глава 3

Если бы кто-нибудь захотел узнать, как и когда вошел в мою жизнь этот кошмар, я скорее всего назвала бы не только точную дату, но и время суток. Я сказала бы, что моя жизнь сошла с рельсов в субботу вечером, в тот момент, когда мама изменившимся голосом позвала меня к телевизору. Потом была Никитина фотография во весь экран и сдавленный голос диктора, сообщавшего страшную новость. Именно в этот момент у меня возникло странное чувство, что я вышагнула из собственной жизни и попала в чужую. Хотя... наверное, я не права.

Все закрутилось раньше. Не надо было в субботу возвращаться за записной книжкой, не надо было в пятницу ее забывать, не надо было вообще идти на «дружескую вечеринку», не надо было два месяца назад соглашаться на просьбу шефа, не надо было сто лет назад ложиться с Никитой в постель... Ну и так далее. Можно дойти до внутриутробного периода.

А вот влезать в историю с изданием Никитиной книжки действительно не следовало.

Впрочем, все по порядку...

Месяца два назад шеф обратился ко мне с просьбой, как он выразился, «полуличного характера», при этом раз пять подчеркнув, что я имею полное право ему отказать. Просьба состояла в следующем. Шефу, постоянно озабоченному, проблемой решительного прорыва издательства к преуспеянию и благоденствию, пришла в голову мысль выпустить Никитины песни в виде сборника стихов, с портретом и предисловием. Почему это никому до сих пор не приходило в голову – бог весть. Думаю, не сегодня-завтра пришло бы. Шеф тоже так думал, а потому и обратился ко мне. Мне надлежало испросить у Никиты для нашего издательства эксклюзивное право на издание. Ох, как мне не хотелось соглашаться! Конечно, теперь так и тянет сказать, что у меня было предчувствие...

Чепуха все это. Не было у меня никаких предчувствий, и внутренний голос молчал, как рыба. Просто мне было неприятно просить Никиту о чем бы то ни было. Конечно, я не столько просила, сколько передавала чужую просьбу, и все-таки это каким-то образом меняло расстановку сил: у него появлялась возможность оказать мне услугу. С другой стороны, посвящать шефа в собственные переживания мне тоже совсем не хотелось, а без этого отказ выглядел бы необоснованным – не то грубость, не то упрямство. Юра наверняка просчитал все это заранее – он у нас неплохой психолог. Знал, как взяться за дело...

«Шут с ним! – решила я. – Попрошу».

Никита, выслушав меня, пришел в полный восторг. Как-то так вышло, что до этого момента он не задумывался о возможности издания. Идея понравилась ему до чрезвычайности. Зачем ему это было надо – не знаю. Может быть, для вечности... Во всяком случае, обрадовался он совершенно искренне. А то, что он немедленно согласился на эксклюзив, – уже имело прямое отношение ко мне. На следующий же день он приехал в издательство, привез дискету со словами песен, подписал все, что нужно было подписать, и обо всем договорился с шефом. Больше от него, собственно говоря, ничего не требовалось, но

это не мешало ему регулярно навещать и узнавать, как дела. Он приезжал и раньше – встречал меня на улице с цветами, предлагал довезти до дома, но теперь все это делалось как бы на законном основании.

Шеф, я думаю, с самого начала понимал, что книжка выйдет не бог весть. Никакой Никита не поэт, одно дело – слушать песни и совсем другое – читать их как стихи. Расчет был все на ту же Никитину популярность. Не знаю, оправдался бы он или нет, и теперь уже никогда не узнаю. Теперь и книжка будет совсем другая, и вообще все по-иному...

В четверг Никите показали макет. Он остался чрезвычайно доволен и заявил, что по этому поводу не мешало бы выпить. Все подумали, что он собирается притащить выпивку в редакцию – однако ничуть не бывало. Он пригласил всех к себе в гости прямо на следующий вечер. Какое-то время назад он купил в центре огромную квартиру «с ванной, бассейном, фонтаном и садом», как он говорил, – «для представительских целей». Но нас он позвал не туда, а в так называемую «жилую» квартиру, то есть ту самую, где они жили с Люськой и которая после ее отъезда досталась ему. Ту самую, куда мы с ним пришли десять лет назад, «после бала»... До сих пор не знаю, почему он выбрал для приема именно ее. Тогда мне показалось, что он делает это нарочно – то ли в расчете на мою ностальгию, то ли просто чтобы меня задеть. Словом, чтобы так или иначе сдвинуть с мертвой точки. А может, все это был плод моей фантазии и мания преследования в чистом виде. Во всяком случае, места в той квартире тоже хватало.

Мысль о неявке я отвергла с порога: получилась бы демонстрация, а демонстрации я не хотела. Я решила пойти, но при первой же возможности сбежать...

В пятницу вся наша контора с утра ходила ходуном. Девушки пришли в умопомрачительных нарядах, в смысле работы целый день стояло полное затишье, зато в туалете жизнь била ключом – все то и дело освежали макияж, меняясь по ходу дела пудрами и помадами. Я чувствовала себя довольно глупо: заявлять особую позицию мне было совершенно ни к чему, а вписаться во всеобщий ажиотаж не получалось. Я попыталась потереться в туалете, но без особого толку – при моем появлении все замолкали и принимались старательно мыть руки.

Забавно, между прочим: еще вчера я была вполне своя, а сегодня все волшебным образом изменилось. Удивляться, конечно, нечему – когда на горизонте появляется мужик, ситуация всегда в корне меняется. Обычная история, и все-таки как-то мне было неуютно. Проклиная в душе Никиту с его мероприятием, а заодно и всех баб как класс, я уткнулась в экран компьютера с твердым намерением не реагировать на окружающее.

Без чего-то семь вся наша компания дружно вывалилась во двор и стала рассаживаться по машинам: кто за руль, кто в качестве пассажира – мест хватило на всех.

«Интересно, как он собирается кормить такую ораву, – подумала я. – Кто-нибудь помог приготовить? Хотя нет, наверное, накупил готовых закусок и зелени... Ну и выпить, конечно...»

Мне было слегка не по себе, все-таки я побаивалась Никитиных выходов. Ему ничего не стоило при всем честном народе хлопнуться передо мной на колени и начать объясняться в любви, причем таким тоном, в таких выражении-

ях, что все присутствующие не знали, куда деваться от смущения. Все это мы уже не раз проходили. Разумеется, мне это ничем не грозило... почти. Ничем, кроме ревности, зависти, потока сплетен и самых невероятных предположений на тему: и чем это она его зацепила?

Никитина «жилая» квартира всегда поражала меня нелепостью планировки. Это была «распашонка», но какая-то чудная, нестандартная, с непомерно большой «спинкой» и крошечными «рукавчиками». В гостиной было, наверное, метров тридцать, что для Москвы все-таки непривычно, зато в двух смежных с ней комнатках негде было повернуться. Разумеется, Никита запросто мог ее перепланировать, но он предпочитал жить в привычной обстановке и ограничился тем, что покрасил стены и положил новый роскошный паркет.

Гостиная, надо сказать, смотрелась отлично. Посередине стоял огромный стол, ломившийся от мясных и рыбных деликатесов (вскрываешь пластик, выкладываешь на тарелку – и готово, тут я угадала). Окна были распахнуты настежь, на улице все еще стояла жара, а в квартире гулял приятный сквознячок.

Мы пришли первыми, если можно так сказать о компании из двадцати человек, и сразу заполнили собой все пространство. Я вообще не предполагала, что придет кто-нибудь еще, но, по-видимому, какие-то незваные ежевечерние гости в Никитиной жизни были в порядке вещей. Время от времени раздавался звонок, кто-то входил, выпивал, закусывал, уходил...

«Как это он не боится? – подумала я. – В подъезде – ни консьержки, ни домофона. Вообще никакой охраны. Странно. Все-таки суперзвезда...» Непонятно, кстати, почему мысль о Никитиной безопасности впервые пришла мне в голову именно в ту несчастную пятницу. Предчувствие, что ли? Да не было у меня, вроде, никаких предчувствий...

Никита выглядел чрезвычайно веселым, торжественно обещал шефу сегодня же вручить ему для издания еще одну дискету со стихами, шутил с мужиками, ухаживал за всеми, без исключения, дамами, поднимал тосты за процветание издательского дела, за слияние песенного слова с печатным, за прекрасных дам – и вообще держался настолько безукоризненно, что я мысленно обругала себя за манию преследования. О нашем с ним «отдельном» знакомстве он заговорил лишь однажды, упомянув в какой-то связи, что на днях будет десять лет, как мы с ним окончили школу. Мне повезло, что об этом зашла речь, – иначе я оказалась бы жуткой свиньей. Как только Никита заговорил о школе, я спохватилась, что начисто забыла об одном поручении, которое клятвенно обещала выполнить.

Дело в том, что десять лет со дня окончания школы, то есть с того самого выпускного, исполнялось в ближайшее воскресенье. Мы договорились собраться у одной из наших одноклассниц, жившей, правда, у черта на рогах, но зато в очень большой квартире. Разумеется, имелась в виду складчина. Нужно было по цепочке обзвонить тех, кто не принимал участия в предварительном обсуждении, сообщить им время и место встречи и раздать задания. Мне досталось четыре телефона, по которым необходимо было позвонить не позже пятницы. Как я умудрилась об этом забыть – ума не приложу!

Конечно, можно было позвонить из дому – два часа дела не меняли. И я бы так и сделала, если бы не знала за собой одного странного свойства. С памятью у меня в общем и целом все в порядке, о делах я, как правило, не забываю.

Но если вдруг найдет какое-то затмение, как в этот раз, то дело необходимо сделать после первого же напоминания, иначе я наверняка опять забуду. Такое впечатление, что у меня в голове есть какая-то «зона забывчивости», и если информация случайно соскочит с рельсов и попадет в эту зону, то без посторонней помощи ей уже не выбраться. Словом, я решила не рисковать, потихоньку выбралась из-за стола, взяла лежавшую на полке телефонную трубку и вышла в коридор.

Веселье шло полным ходом, но еще не достигло той стадии, когда все встают из-за стола и разбредаются по квартире. Поэтому в коридоре было сравнительно тихо. Я села на табуретку, положила записную книжку на полочку под зеркалом и набрала номер. Минуты через три в зеркале вырисовался Никитин силуэт. Он постоял, послушал, о чем я говорю, и завелся:

– Делать тебе нечего, Рыжик, ей-богу! Готовить, тащиться хрен-знает куда... Неужто не лучше пойти в хороший кабаk где-нибудь в центре? Давай отменяй все это дело! Я прямо сейчас позвоню, договорюсь, снимем зал...

– Никита, – перебила я, – тебе не приходит в голову, что не всем это по карману?

– При чем здесь ваш карман? – искренне удивился он. – Я приглашаю. Для меня это не деньги.

– Рада за тебя, – ответила я самым светским тоном. – Но, боюсь, не всех такой вариант устроит. Так что побереги свой купеческий размах для другого случая и приходи в воскресенье к восьми по известному тебе адресу.

Резковато, наверное, но что поделаешь, если эта смесь хвастовства с благотворительностью действовала на меня, как красная тряпка на быка, впрочем, как и фраза «для меня это не деньги», которую Никита последнее время повторял через слово. Он надулся и умолк, но не ушел, а остался стоять за моей спиной.

– Да ладно тебе, Никита, – примирительно сказала я, желая разрядить атмосферу. – Скажи лучше, почему здесь нет никакой охраны и как это ты не боишься открывать дверь всем подряд?

– Здесь есть компьютерный пропускник, – пробурчал Никита. – Смотришь на экран и видишь все, что делается за дверью.

– Да? – удивилась я. – Что-то я не заметила, чтобы ты им пользовался.

– Когда в квартире народ, я просто смотрю в глазок. Злодей ведь тоже не дурак, зачем ему лезть, когда такая толпа. Давай-давай, звони дальше.

Я набрала следующий номер, обсудила проблему холодца – стоит возиться или не стоит, – нажала на рычаг, и тут Никита произнес фразу, которой я давно с трепетом дожидалась:

– Я заеду за тобой в половине восьмого.

Отступить было некуда. Малодушно стараясь не встречаться с ним в зеркале глазами и делая вид, что ищу в записной книжке очередной номер, я пробормотала:

– Спасибо, Никита. Но я буду не одна.

Я изо всех сил старалась говорить как ни в чем не бывало и не выдать своих опасений.

– С кем же ты будешь? – процедил Никита сквозь зубы.

– С женихом.

У меня было такое ощущение, что я прыгнула в ледяную воду.

– И кто же наш очередной счастливец?

«Очередной» – это было хамство, причем дешевое, – намек на мое якобы блядство. Я прикинула, не разыграть ли мне смертельную обиду, но посмотрела на Никиту и растерялась. Он стоял, прислонившись к белой стене, мало чем отличаясь от нее по цвету, лицо перекошено, зубы сжаты. Можно было не сомневаться, что сейчас последует какое-то безобразие. Какое именно – оставалось только гадать. На мое счастье, в эту минуту раздался звон разбитого хрусталя, чей-то визг, ахи и охи, после чего из комнаты вылетело сразу несколько сконфуженных гостей – выбрасывать осколки бокала и просить у хозяина прощения. Одновременно позвонили в дверь, и в переднюю ввалились еще три человека, одного из которых я узнала – это был ведущий телеигры «Ладушки». Воспользовавшись суматохой, я схватила сумку и выскочила за дверь.

Утрата записной книжки обнаружилась сразу же. Мне ведь нужно было позвонить еще по двум номерам (на этот раз я каким-то чудом про них не забыла). Тут-то и выяснилось, что книжки нет. Я даже не стала рыться в сумочке, слишком ясно стояла перед глазами полка под зеркалом, а на ней – моя записная книжка, раскрытая на букве «м». В нормальной ситуации это не имело бы никакого значения. Я бы просто позвонила Никите и попросила захватить ее в воскресенье.

В нормальной ситуации... Какая уж тут норма! Можно было не сомневаться, что Никита найдет способ вернуть ее так, чтобы доставить мне и Косте максимум неприятных ощущений. Значительно спокойнее было забрать ее самой. Но, конечно, не сегодня, а завтра. Звонить Никите в тот же вечер не имело смысла: если гулянье продолжалось в том же духе, ему явно было не до меня. «Позвоню утром, – решила я, – и сразу же заеду. Никуда он с утра не денется, будет приходить в себя».

Человек, как известно, предполагает... Все получилось совсем не так.

Никита позвонил в тот же вечер, часа через два, судя по голосу, совершенно пьяный, и с ходу начал ерничать:

– Ну что, дорогая, кому прикажете вручить ваше имущество – вам или счастливцу? А может, заедете за ним сами? Приезжайте, я жду вас, шампанского – навалом! Пре-красно проведем время!

– Никита, – перебила я ледяным тоном, – ты в состоянии слушать? Если нет – немедленно положи трубку, если да – слушай внимательно. Я заеду к тебе завтра. Ты будешь дома в первой половине дня?

– Непременно, дорогая, непременно! Буду ждать вас, как преданный пес. Только вы уж не обманите!

– Не обману, – пообещала я. – Спокойной ночи.

Только положив трубку, я сообразила, что надо было попросить его продиктовать мне два недостающих телефона. Опять забыла – ну что ты будешь делать! Эта проблема, впрочем, решалась просто. Я перебрала в уме те телефоны одноклассников, которые помнила наизусть, набрала один из них, выяснила нужные мне номера, позвонила по ним, дала необходимые указания по части кулинарии – и наконец отделалась от этого поручения, такого, на первый взгляд, простого и невинного, а на деле потянувшего за собой вереницу непредвиденных осложнений.

Глава 4

Жара все эти дни стояла страшная, тридцать два-тридцать четыре. Собираясь в субботу утром к Никите, я надела свой самый легкий сарафан. Перед самым выходом я бросила последний взгляд в зеркало – и засомневалась... Сарафан смотрелся отлично, но... Нижняя часть была полупрозрачная, а узкие бретельки подразумевали отсутствие лифчика. До сих пор меня это не смущало, но для визита к Никите, пожалуй, лучше было одеться по-другому. Мне хотелось выглядеть как можно более бесполой. Исходя из этого я отвергла шорты и короткие юбки и, немного поколебавшись, остановилась на таком варианте: длинная легкая юбка, а сверху – майка навыпуск. Получилось очень стильно и довольно уродливо – как раз то, что надо.

На улице было ужасно жарко. Пахло бензином, асфальтом и почему-то духами. Я подумала, что в обозримом будущем мы с Костей будем валяться на морском берегу, и у меня улучшилось настроение.

«Конечно, если все будет в порядке», – уточнила я про себя. Никакого предчувствия у меня не было, говорю эту фразу всегда – чтобы не сглазить.

В Никитином дворе было тенисто и не то чтобы прохладно, но все-таки чуточку лучше, чем на улице. Помнится, я еще удивилась, что там нет ни души – ни одной старушки на лавочке под деревьями, ни одного ребенка на качелях. Все попрятались от жары или уехали с утра пораньше за город. В подъезде я столкнулась с той самой Ольгой Николаевной, о которой говорил следователь, – Никитиной соседкой снизу. Она помнила меня школьницей, я тоже помнила ее еще со школьных времен – она, кстати, на удивление мало изменилась за эти годы. В общем, обмен приветствиями несколько затянулся. Я успела узнать, что она собиралась на дачу еще вчера, но не с кем было оставить собаку, а сегодня с утра собаку забрали, но она закрутилась и вот теперь мчится на электричку, чтобы не попасть в перерыв.

– А ты иди, иди к нему, – без всякого перехода заявила она. – Заждался, небось. Все утро метался, стульями гремел. И вроде дом капитальный, а все равно слышно...

«Сушняк, – цинически прокомментировала я про себя. – Мотается из комнаты в кухню, спросонок налетает на стулья».

На прощание старушка огорошила меня, произнеся следующий текст:

– И чего бы тебе за него не выйти? Все при нем. Такой красавец! И богатый...

Я хихикнула, изображая смущение. Тут она, к счастью, спохватилась и действительно убежала. Я поднялась на лифте и позвонила в дверь. Тишина. Позвонила еще раз. Никакой реакции. Наплевал на нашу договоренность и ушел? Очень странно и совсем не похоже на Никиту – у него другие недостатки. Был вчера настолько пьян, что ничего не понял или все забыл? Не исключено. Хотя... Не было у меня во время вчерашнего разговора ощущения, что он ничего не соображает.

В глубине души я почему-то была совершенно уверена, что он дома. То ли из-за слов Ольги Николаевны про стулья, то ли еще почему. «Заснул, может быть? – подумала я. – Похоже на то. И что из этого следует?» – «А следует из

этого то, – ответила я сама себе, – что ты немедленно отправишься домой и плюнешь на эту записную книжку. Пускай Никита привозит ее в воскресенье и делает что хочет. Сколько можно бояться в конце-то концов! Бог даст, на Костю его фокусы не подействуют».

Все-таки я малодушно позвонила еще раз – с тем же результатом. В эту минуту хлопнула дверь подъезда, зашумел лифт, и глазам моим предстало чудное видение – двухметровая девица немислимой красоты. Ну, может, не двухметровая, это я, наверно,хватила, но очень высокая. Я сама не маленькая – сто семьдесят два, а она была чуть ли не на голову выше меня. Не могло быть ни малейших сомнений в том, что передо мной – восходящая звезда российского кино Алена Субботина. Я смутно помнила, что в последнее время сплетницы типа «Семи дней» упоминали ее имя рядом с Никитиным. В жизни она оказалась еще красивее, чем на экране: огромные серые глаза, фарфоровая кожа – зато манера держаться оставляла желать много лучшего.

– Ты кто? – с места в карьер налетела она на меня.

– Ира, – ненаходчиво ответила я: неожиданная атака застала меня врасплох.

– Не болтай! – строго заявила она. – Я спрашиваю: ты ему кто?

– Я ему бывшая одноклассница, – отрапортовала я. – Пришла по делу.

– Я тоже по делу, – доверительно сообщила она, уставив на меня бездонные глазница. – Я хочу его убить.

– Почему? – робко поинтересовалась я, глядя на нее, как кролик на удава.

Все это походило одновременно на безумие и на спектакль провинциального театра. Я решительно не знала, как себя с ней вести.

– Я в отчаянии, – поведала она меж тем. – Мне кажется, я беременна. Мне кажется, он разлюбил меня. Сейчас я все выясню. Если он меня разлюбил, я его убью.

– Не выяснишь, – сказала я, сделав внутренний выбор между «вы» и «ты». Как она мне, так и я ей... – Он не открывает дверь.

– То есть как – не открывает? – изумилась Алена. – Мы же с ним вчера договаривались!

С этими словами она нажала на кнопку звонка. Разумеется, безрезультатно.

– Слушай, – выдохнула она, поворачиваясь ко мне, – а может, он не хочет нас видеть? Ему ведь на компьютере видно, кто пришел!

Она позвонила еще раз и решительно объявила:

– Буду стоять до упора. Пока не откроет. Или не придет...

Тут мысли ее неожиданно приняли новое направление, и она воззрилась на меня с величайшим подозрением.

– Постой, а ты, часом, не Прекрасная Дама?

– Нет, – твердо ответила я. – Всего хорошего.

– Погоди, погоди... Ну да, вроде непохоже... Слушай, постой со мной немножко, а? Как-то мне не того... Цыганка меня напугала.

– Цыганка? – машинально переспросила я. Было ощущение, что я плавно погружаюсь в пучину бреда, причем чужого.

– Ну да, цыганка. Ты что, не видела цыганку?

– В жизни? Видела, и не одну.

– Не звени, – сурово оборвала Алена. – Я спрашиваю: сейчас, во дворе, цы-

ганку видела?

– Не видела. Не было там никакой цыганки, – отрезала я.

– Так я и думала!

Глаза у нее потемнели и сделались совсем огромными.

– Она по мою душу приходила. И чудная какая-то цыганка – лицо чудное и говорит чудно... Не ходи, говорит, к нему, большая беда тебе от него будет! И ведь знает, к кому я иду...

«Пожалуй, с меня хватит, – подумала я. – Хотя жалко ее ужасно. Не приведи бог влюбиться в Никиту! И все-таки пойду-ка я, пожалуй, домой. Без меня разберутся».

Только я собралась откланяться, как приехал лифт, и на площадке появились новые действующие лица. То есть... Как бы это сказать... Действующее лицо было одно, а при нем – два телохранителя зверского вида, один другого краше.

«Прямо Млечный путь, или, как это там называется... звездный дождь...» – подумала я. Вновь прибывшая тоже была звезда, только не кино, а эстрады. Знаменитая певица Агния. Под этим именем знал ее весь российский народ, а фамилии у нее как бы и не было. Выглядела она своеобразно: длинная, невысимо худая и гибкая – женщина-змея с длинными иссиня-черными волосами, в узком серебристом платье без рукавов, с огромным количеством бренчащего серебра на запястьях. Ее песня под названием «Проклинаю!» считалась одним из главных хитов последнего месяца.

Алена тут же забыла обо мне и переключилась на новый источник потенциальной опасности.

– Ты зачем пришла? – спросила она, мрачно глядя на Агнию.

Я была уверена, что та немедленно пошлет Алену с ее вопросами куда подалее. Однако ничуть не бывало. Агния посмотрела на нее с брезгливым сочувствием и бесстрастно проговорила:

– Не дергайся. Я же тебе объяснила: не мой участок. Должок за Никитой, вот и пришли потолковать. А ты чего торчишь на площадке? Ты оттуда или туда?

– Я – туда, но он не открывает, – печально поведала Алена.

Агния нажала длинным смуглым пальцем на кнопку звонка и, не отпуская, стала ждать ответа. Я воспользовалась паузой, пробормотала что-то вроде – «ну пока» – и потихоньку ретировалась.

Во дворе было по-прежнему тихо и безлюдно, лишь в глубине, под липами, маячила чья-то фигурка в пестрой одежде. Я остановилась, чтобы достать сигареты, и в эту минуту фигурка решительно двинулась ко мне. Бред продолжался, причем уже не чужой, а мой. Обещанная цыганка была тут как тут. Ее неожиданное появление в сочетании с Алениным рассказом подействовало на меня странно: вместо того чтобы спокойно идти своей дорогой, я остановилась как вкопанная, не в состоянии отвести от нее глаз. Она подошла ко мне вплотную и, не сводя с меня черного горящего взгляда, проговорила:

– Если ты дашь мне деньги, я предскажу тебе судьбу. Если не дашь, я все равно скажу: не ходи, не ходи к нему! Иначе у тебя может быть беда! Понимаешь?

Как только она приблизилась ко мне, я поняла, почему Алена говорила о ней «чудная». На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, и что-то в ней бы-

ло опереточное. Формально и придраться не к чему: смуглая, черноглазая, в цветных лохмотьях... Дело даже не в чертах, а в выражении лица, оно было какое-то, как бы это поточнее выразиться... непрофессиональное, что ли. В черных глазах время от времени мелькало что-то похожее на испуг, и вообще вся повадка была какая-то неправильная, я уж не говорю о речи... «И говорит чудно», – заметила Алена. Мягко сказано! Фразу она строила совершенно не по-русски. Это бы ладно, но ведь и цыгане так не говорят! Где это вы видели цыганку, которая не просит позолотить ручку, а старательно выговаривает: «Если ты дашь мне деньги?..»

И еще кое-что... Пока она говорила, меня охватило странное чувство: как будто я слышу что-то знакомое. Как будто надо напрячься и что-то вспомнить – тогда и пойму... При этом я могла поклясться, что вижу и слышу ее впервые. Несколько секунд длилась немая сцена: мы стояли молча, глядя друг на друга. Возможно, она ожидала ответа на свое: «Понимаешь?»

«Да что же это такое? – пронеслось у меня в голове. – Прямо наваждение какое-то! Почему я стою здесь, как приклеенная, и разгадываю загадки, вместо того чтобы спокойно идти домой?»

Усилием воли заставила себя встряхнуться и быстро пошла прочь. Заворачивая за угол, не выдержала и оглянулась. Цыганки во дворе не было.

Глава 5

Дома было тихо и пусто. Сестра уехала на несколько дней в Ригу, мама ушла в гости к подруге. Рассказывать о моих похождениях было некому. Я чувствовала себя усталой и какой-то очумелой, что было совершенно некстати: около четырех за мной должен был заехать Костя. Мы собирались к нему на дачу, а в воскресенье вечером прямо оттуда – на встречу класса. На часах было без четверти два. Я выдула без остановки три стакана минералки и отправилась в душ смывать с себя пот и усталость. Прохладная вода быстро привела меня в чувство, я стояла и блаженствовала, лениво размышляя о том, что в такую погоду лучше всего жить в ванной, если не можешь немедленно оказаться на морском берегу, и тут зазвонил телефон. Я выскочила из ванны, завернулась в полотенце и босиком побежала в комнату. Почему-то я не сомневалась, что это Костя – звонит сказать, что уже выезжает. Но это был не Костя. Это был Никита.

– Привет, – сказал он как ни в чем не бывало. – Извини, ради бога, что так получилось.

– Пришлось уйти? – вежливо поинтересовалась я. Хотелось проверить, как работает моя интуиция. Оказалось – хорошо.

– Я был дома, – заявил Никита, – но дверь открыть не мог. Я был не один. («Кто-то из наших подсуетился», – отметила я про себя.) То есть я бы, конечно, все равно открыл, но эта девка, черт ее дери, вцепилась в меня всеми когтями. Ей, понимаешь ли, неловко! Дура!

Я давно убедилась, что воспитывать Никиту бесполезно, а потому решила оставить этот пассаж без комментариев.

– Ты меня слышишь? – спросил он.

– Слышу.

– А мне плохо слышно – вода шумит. Погоди, сейчас выключу. Я в ванной. («А я уже нет!» – злобно подумала я.) Лежу, отмокаю. Голова трещит после вчерашнего. А может, от жары. Но я не просто лежу, ты не думай. Я песню сочиняю. Угадай, для кого! Правильно, угадала. Это будет не просто песня, это будет этот, как его?.. Черт, слово вылетело. Когда из первых букв получается слово – имя, например.

– Акrostих, – сказала я. – Ты уже сто раз спрашивал.

– Ну, склероз, ну, что поделаешь! Ты лучше послушай:

Ищу я в имени твоём
Ручьев журчанье, шорох леса
И отдаленный майский гром,
Нам посланный, как...

Нам посланный, как... Как что посланный? Тьфу, черт, никак не могу придумать! Так хорошо шло, а тут заело. Не влезает – и все тут! Пить вчера не надо было и трахаться! Как же быть? Даже последняя строчка готова! Знаешь, какая? Слушай: «А, впрочем, главное – не в том...» Нравится? «Нам посланный, как...» Тьфу, дьявол!

– Нам посланный, как знак Зевеса, – вдруг брякнула я, совершенно неожиданно для себя самой. Понятия не имею, откуда он забрел в мою бедную голову, этот «знак Зевеса». Надо думать, сработал «майский гром». «Люблю грозу в начале мая...» – а там уже недалеко до последней строфы, в которой «ветренная Геба», как известно, «кормя Зевесова орла»... В общем, что-нибудь в этом роде...

– Как, как ты сказала? – завопил Никита. – Ирка, ты гений! Блеск! Неплохо у нас получается: я тебе посвящаю стихи, а ты их сама сочинишь! Повтори-ка еще разок, я наберу.

– Что значит – наберу? – удивилась я. – Ты что, с компьютером в ванной?

– Ну да, с ним, родимым. У меня тут все приспособлено, какая-то такая штуковина – не то столик, не то полочка.

– Так ведь он же испортится от сырости!

– Испортится – и хрен с ним! У меня их несколько. Этот – для ванной. Та-ак, перебрасываем на дискету, вынимаем... Та-ак, прекрасно... «А, впрочем, главное – не в том...» Из этого мы сделаем романс... Скоро услышишь по телевизору. Знаю, знаю, ты не любишь. Так ведь никто не догадается. А мы никому не скажем. Или скажем? Слушай, так как насчет записной книжки? – вдруг без всякого перехода спросил он.

«Может, все-таки забрать? – малодушно засомневалась я. – Ведь устроит завтра цирк, как пить дать устроит! Не зря такой кроткий... Пересечься с ним прямо сейчас где-нибудь в городе, если, конечно, он собирается выходить, время еще есть...»

– Какие у тебя планы? – поинтересовалась я на всякий случай.

– Ясное дело, грандиозные! Сейчас вылезу из ванны, вытрусь и допишу письмо Люське. Позавчера начал, все никак кончить не могу. Я ей уже два месяца не писал – нехорошо.

«Не годится, – подумала я. – Не успеваю. Ну и черт с ней, с книжкой. Я ведь уже решила плюнуть и не суетиться»

– Напишу и пойду обедать с евреем.

Я подумала, что ослышалась.

– Пойдешь – куда?

– В ресторан. Еврей меня пригласил.

– Что ты такое несешь, Никита? – не выдержала я. Что значит: с евреем? Ты теперь обедаешь с представителями разных народов? По национальному признаку?

– Не по национальному признаку, а по государственной принадлежности. Ну да, не с евреем, конечно, – с израильтянином. Ты ведь про мои дела ничего не знаешь, тебе неинтересно. А я, между прочим, собираюсь на гастроли. В Австрию, в Венгрию, а потом в Израиль. Что тебе привезти?

«Тьфу, нелегкая!» – сказала я про себя.

Никита, не дожидаясь ответа, продолжал:

– Евреи не только меня позвали, у них там целая программа. Этот, который в ресторан пригласил, приехал договариваться. Вообще-то это не мое дело, а Антона, но они там чего-то не поделили. Помнишь Антона?

Антон я помнила. Это был Никитин менеджер, или артдиректор, или, как это там называется... Никита называл его «импресарио». Самоуверенный и крайне, на мой взгляд, малоприятный тип. Я вообще не понимала, как с ним

можно о чем-нибудь договориться. Впрочем, откуда мне знать, – может, как раз такой и нужен. Во всяком случае, судя по Никитиным успехам...

– Пойду, поговорю, узнаю, в чем дело, – продолжал Никита. – Я этого дядьку видел, он мне нравится. Слушай, кстати, у меня к тебе лингвистический вопрос. Хотя ладно, это потом, при встрече. Неохота сейчас бумажку искать. Так что с книжечкой будем делать?

– Ничего, – решительно сказала я. – Привезешь завтра.

– А почему не сегодня?

– Сегодня я занята.

– Ах да, как же, как же! Мы же теперь себе не принадлежим. У нас же теперь новая жизнь! – завел Никита, и моя хрупкая надежда на то, что он взялся за ум, разлетелась вдребезги.

– Положу трубку, – прошипела я, хотя на самом деле эта угроза не имела реального смысла. Опыт показывал, что с Никитой лучше расставаться мирно, в противном случае он мог перезванивать до посинения.

В этот раз он почему-то неожиданно быстро пошел на попятный:

– Ладно, не злись! Больше не буду. Не хочешь узнать, кто у меня ночевал?

– Не хочу, – отрезала я. – Извини, Никита, я правда тороплюсь. Увидимся завтра. Пока!

Знала бы я, до какой степени заинтересует меня этот вопрос всего через пару дней – и почему он меня заинтересует...

До Костиного приезда надо было успеть сделать несколько дел. Во-первых, помыться и высушить голову. Потом одеться, накраситься, собрать сумку, с учетом туалета на завтрашний вечер, сделать заготовки для салатов, которые я собиралась закончить у Кости на даче, там же разложить по банкам и доставить к праздничному столу. На все про все у меня оставалось около двух часов. Я энергично взялась за дело и к четырем была в полной боевой готовности.

Из зеркала на меня смотрела высокая и худая рыжая девица, весьма эффектная, зеленоглазая, с пикантными веснушками на носу, в светлых джинсах и белой рубашке с засученными рукавами (джинсы я надела в расчете на загородную вечернюю прохладу, а в машине можно будет открыть все окна). Вполне ничего себе девица. В общем и целом я осталась собой довольна.

В четыре Костя не приехал. В половине пятого я начала волноваться, а без двадцати пять раздался телефонный звонок. Костя просил прощения за задержку и объяснял, что никак не мог ни вырваться раньше, ни позвонить. Почему-то его было очень плохо слышно.

– Не сердись! – доносилось откуда-то из неведомой дали. – Я не виноват! Только, пожалуйста, никуда не уходи, сиди дома. Слышишь? Я скоро приеду.

Дома – так дома, я, собственно, никуда и не собиралась. Я не рассердилась, – по-моему, глупо обижаться в таких случаях. У всякого человека могут возникнуть неожиданные срочные дела. У Кости с утра была деловая встреча, – что ж, значит, она затянулась. Я считаю, что деловую сторону жизни мужиков следует уважать. Хотя, конечно, сестрица моя все равно сказала бы, что я слишком многое им прощаю. Она вообще гораздо жестче меня.

В пять пришла мама и очень удивилась, застав меня дома. Мы выпили чаю и поболтали – я наконец получила возможность выговориться и в красках живописала свой утренний поход. Потом мама включила телевизор, а я ушла к

себе в комнату и завалилась с книжкой на диван.

Мамин голос прозвучал так неожиданно и резко и был до такой степени не похож на обычный мамин голос, что я вскочила, как ошпаренная, и опрометью бросилась к ней. То, что я увидела и услышала, было абсолютно невыносимо. Я увидела фотографию Никиты во весь экран и услышала взволнованный голос диктора:

– ...У себя в квартире выстрелом в затылок. Пока мы не располагаем никакой дополнительной информацией. Наши корреспонденты выехали на место происшествия. Мы будем ставить вас в известность обо всем, что нам удастся выяснить...

Если когда-нибудь на суде меня спросят, что я испытала в эту минуту, я отвечу совершенно искренне: «Ужас, господа присяжные, величайший ужас». Хотя что я... какие присяжные, какой суд?..

В первую минуту мой разум категорически отказался постигать тот факт, что человек, с которым я час назад разговаривала по телефону, лежит теперь в виде трупа на полу собственной квартиры. Это был полный абсурд. Я никак не могла свести воедино два события: тот разговор и эту информацию по телевизору. Этот ужас несоответствия вытеснил в первую минуту все прочие ощущения. Я сползла на пол и застыла, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, чувствуя нарастающий шум в ушах.

Мама дрожащими руками капала что-то в две рюмки сразу. Одну протянула мне, другую выпила сама. Не знаю, что это было за лекарство – у мамы есть капли на все случаи жизни, – но после того как оно обожгло мое нутро, я частично восстановила способность соображать.

Меня мучила еще одна вещь. В последние дни в голове постоянно вертелась фраза: «Хоть бы Никита до воскресенья куда-нибудь делся!» Стоило представить себе их с Костей неизбежную встречу – и фраза эта выскакивала, как черт из табакерки. Конечно, я имела в виду: уехал, оказался бы занят или что-нибудь в этом роде.

Все равно получалось, что я накликала... Думать об этом было мучительно, и все-таки я судорожно уцепилась за эту мысль, чтоб перестать бесконечно повторять про себя: «Этого не может быть...»

Мама позвала меня покурить. Счастье, что она была дома – в одиночестве я бы, наверное, просто свихнулась. Она сделала именно то, что было необходимо: перевела мой мистический ужас в слова, разговорила меня, заставила ахать, охать, хвататься за голову – словом, делать все, что в таких случаях полагается, – и мне полегчало. Тут раздался звонок в дверь. Я вздрогнула от неожиданности и с недоумением спросила:

– Кто бы это мог быть?

– То есть как – кто? – мама посмотрела на меня с тревогой. – Костя, конечно. Ты же сама говорила...

К собственному изумлению, я начисто забыла о том, что он должен приехать.

Костя тоже явился не в лучшем виде. Под глазами – темные круги, смуглая кожа как будто полиняла.

– Я слушал радио в машине, – с порога сообщил он, предупреждая мой вопрос.

– Ну и что? – спросила я, совершенно неожиданно для себя заводясь. – Поче-

му ты в таком отчаянии? Он тебе кто – сват, брат?

Костя глянул на меня удивленно:

– Что с тобой, Ирочка? Я не в отчаянии, хотя и радоваться нечему. Во-первых, вообще гадость. Во-вторых, я расстроился из-за тебя.

Вот-вот, вот оно! «Он расстроился из-за меня». А почему, позвольте спросить, расстроился? Выходит, он, как и все прочие, считал, что я пала жертвой Никитиных чар, и только притворялся, что верит мне?

– Почему ты из-за меня расстроился, скажи на милость? Ты что думаешь, для меня это такая уж трагедия? – продолжала наскакивать я.

Костя удивился еще больше.

– Трагедия – не трагедия, а веселого мало. Конечно, я думал, что ты будешь переживать, как же иначе? Но я не это имел в виду... Впрочем, поговорим потом. Устал я сегодня, целый день все вверх дном. И жара эта, дышать нечем... Дай мне попить и поедем.

«И в самом деле, чего я на него накинулась? – думала я, доставая из холодильника сок и минералку. – Надо взять себя в руки».

Костя с жадностью осушил один за другим два стакана, потом снял рубашку, отправился в ванную и сунул голову под кран. Минут через десять вышел оттуда и решительно объявил: «Я готов».

Надо сказать, что за последние полтора часа мне совершенно расхотелось ехать куда бы то ни было. Но когда он вышел из ванной, мотая черной кудрявой головой из стороны в сторону, отряхиваясь, как большой лохматый пес, я вдруг испытала прилив нежности. Ужасно захотелось немедленно уехать с ним вдвоем куда угодно – желательно как можно дальше от телефона, телевизора и удушающей московской жары.

В машине Костя неожиданно предложил:

– Хочешь, попробуем не говорить на эту тему? Хотя бы сегодня.

Он не уточнил, на какую, да это и не требовалось.

– Давай, – согласилась я, сильно сомневаясь, что из этого что-то получится. Я понимала, почему он так сказал. Всякое упоминание о Никите грозило превратить замечательный вечер вдвоем в вечер траура и выяснения отношений. Я сама этого боялась. Предложение «не говорить на эту тему» напомнило мне известный опыт: пять минут не думать о белой обезьяне. Хотя «не говорить» и «не думать» – совсем разные вещи, не говорить-то, наверное, и можно... Разговор наш в результате стал напоминать скольжение по тонкому льду: мы не столько разговаривали, сколько старательно обходили опасные места. Выяснилось, что налететь на них гораздо проще, чем кажется. Костя, к примеру, упомянул детектив, шедший накануне по телевизору, и внезапно смолк на полуслове, глядя на меня с неподдельным ужасом. Там, надо полагать, тоже кого-то застрелили в собственной квартире.

Костина дача еще в первый приезд очаровала меня правильной пропорцией природы и цивилизации. В двух шагах от дома – густой лес, сам дом – настоящий бревенчатый сруб, а внутри – горячая вода и туалет городского типа. На кухне – плита и холодильник, в гостиной – мягкие кресла и бар, набитый всевозможными напитками, а за окнами лес шумит – красота! Пока мы доехали, разобрали сумки и перекусили, успело стемнеть.

Было ужасно лень вставать с мягких кресел и выходить из дому, но при этом мы оба осознавали, что «для порядку» перед сном непременно следует

прогуляться. В конце концов чувство долга победило, но из прогулки все равно ничего не вышло. Не успели мы отойти от дома, как началась гроза – и какая! Дождь хлынул сразу и с такой силой, что, пробежав десять метров, отделявших нас от дома, мы успели вымокнуть насквозь. Вбежав в комнату, сорвали с себя мок-рые тряпки и шагнули друг к другу...

Это могло бы быть упоительно: под грохот грома, под шум дождя и листьев. Могло бы... Если бы Никита задался целью испортить нам удовольствие, он не смог бы придумать лучшего способа. Я тысячу раз слышала, что близость – сложное сочетание физических и психических элементов, но все-таки не могла себе представить, что засевшая в голове посторонняя мысль может до такой степени все испортить.

У меня было время убедиться, что в постели у нас с Костей все в полном порядке. Но этой ночью было не то и не так. Потом Костя зажег бра, принес сигареты и два неизвестно когда смешанных коктейля. Мы закурили, и тут он, глядя куда-то в сторону, произнес фразу, которая ударила меня как обухом по голове:

– Что-то не похоже, чтоб ты была к нему так уж равнодушна.

– Костя! – задыхнулась я. – Ты же сам говорил: «Как же иначе?» Это же твои слова! Конечно, я немного не в себе, я и не скрываю. Ты думаешь, это просто?.. Только что говорил с человеком – и на тебе!.. Это ж с ума сойти можно!

– Ладно, Ирочка. Ты права, – мрачно согласился Костя. – Я свинья. Извини меня и давай спать. Я тебя люблю. Спокойной ночи.

«Обидеться и не спускать ему, по крайней мере до завтрашнего вечера, – наверняка посоветовала бы сестра. – Пусть раскается как следует». – «Наверное, ты права, – мысленно ответила я ей. – Только если бы я так поступила, это была бы уже не я. Ну не умею я, понимаешь?»

И проворочалась до утра.

Глава 6

В следующий раз опасная тема возникла в нашем разговоре на обратном пути, причем в совершенно неожиданном для меня ракурсе.

– Слушай, Ирочка, – начал Костя, поймав мой взгляд в зеркальце, – скажи мне вот что... Ты понимаешь, что тебя обязательно будут тягать?

– Тягать? – растерянно переспросила я.

– Ну вызывать, беседовать – как тебе больше нравится.

– Мне никак не нравится, – уныло ответила я. – А ты уверен?

– Почти. Никита слишком афишировал ваши отношения... ну хорошо, хорошо, – поспешно поправился он, увидев мою гримасу, – не отношения, а знакомство – этого не могли не заметить.

– погоди, Костя, – проговорила я, холодея. – Все гораздо хуже, чем ты думаешь. Я приходила к нему вчера утром.

– Очень интересно. Зачем, если не секрет?

– Костя! – взмолилась я. – Не говори со мной таким тоном. Я забыла у него в пятницу записную книжку. Мне не хотелось, чтобы он привозил ее сегодня: я боялась, что он что-нибудь выкинет. Он меня не впустил – у него была какая-то баба. Господи, у него же теперь еще и записную книжку найдут! И потом, меня видели около двери. Хотя нет, это как раз не важно, даже хорошо: они видели, как я оттуда ушла. Да что это я несу? Что за детективный бред, а ты слушаешь! Можно подумать, меня кто-то в чем-то подозревает!

– Это вряд ли, – Костя задумчиво покачал головой. – Но тормозить тебя начнут обязательно. Информацию будут тянуть: про друзей, про врагов, не говорил ли кто в последнее время чего-нибудь эдакого... Страшного в этом, конечно, ничего нет. Я просто хотел, чтоб ты заранее настроилась.

Я погрузилась в невеселые размышления. Мне так хотелось забыть об этом, а выходило, что все только начинается.

Вечер встречи получился, разумеется, крайне унылый. И то сказать – удачно: вечер встречи класса на следующий день после убийства одноклассника! Кто-то предложил выпить, не чокаясь, – помянуть Никиту. Кто-то другой сказал: не положено, пока человек не похоронен – нельзя. Все сидели за столом и мрачно молчали. Потом плотину все-таки прорвало. Была у нас в классе одна такая, очень экзальтированная... Она и заговорила первой, мешая школьные воспоминания и события последних лет, естественно, до невозможности преувеличивая Никитины достоинства. Тему тут же подхватили, все заговорили наперебой, превознося Никиту до небес. Неделю назад его предложение пойти в ресторан было воспринято в штыки: дескать, он нас не уважает, ему лишь бы выпендриться – а сегодня это же самое предложение вспоминали как образец щедрости и широты душевной. И добрый он был, и скромный, и умный, а какой талантливый! Да что там талантливый, – гениальный!

Что-то во всем этом было... не знаю, как сказать, уж очень зыбкая почва... Покойников всегда хвалят неумеренно, это понятно, но тут была прямо истерика, и Никита представал не просто очень хорошим человеком, а настоящим святым. Выпадать из этого коллективного экстаза было нельзя, но я нашла простой выход: сидела, уткнувшись носом в бокал и всем своим видом давала

понять, что мне не до разговоров. (Что, кстати, было недалеко от истины.) Из-за наших с Никитой «особых отношений» за мной признавалось право переживать молча. Меня потревожили только один раз, спросив: правда ли, что у нас в издательстве выходит Никитина книжка.

– Правда, – ответила я. – Уже готова.

– Поможешь достать? – спросила Леночка Маркова, моя одноклассница, которую никто и никогда иначе как Леночкой не называл. – Теперь, наверно, так просто не достанешь. А хочется – все-таки память...

– Достану сколько нужно, – пообещала я.

– Спасибо, Ирочка. Не понимаю, – голос ее слегка задрожал. – Стишки, песенки, кому это могло помешать?

– Как – кому? – авторитетно заявил наш главный спортсмен Дима Уваров. – В записке все сказано. Вот им и помешали.

– Идиот! – рявкнул сидевший рядом с ним Митя Чайковский. – Как не стыдно чушь пороть!

– Почему чушь? Ведь по телевизору... – Дима растерялся.

– Что, что по телевизору?! – перебил Митя. – Мало ли что по телевизору! Какой-то гад налепил бумажку, так что – ему верить?

– Ясное дело, провокация! – поддержал Максим Белкин.

– Не скажите, ребята, – возразил кто-то. – Не так все просто!

– Что не просто?! Вы что, с ума посходили?!

– Успокойся ты, ради бога!

– Прямо средневековье какое-то!

– Это у вас в головах средневековье!

– Нет, я не понимаю, вы что, правда верите в заговор? В то, что какой-то народ у нас под боком совершает ритуальные убийства?

– Мало ли... Я уже ничему не удивлюсь...

– Да я с тобой после этого разговаривать не желаю! Выйдем?

– Ну, пожалуйста, выйдем.

– Ребята, ребята, не надо, я вас очень прошу!

– Но ведь откуда-то эта идея берется?

– Какая идея?

– Ну вот эта, про заговор!

– От идиотов и сволочей и берется!

– Но ведь кто-то же его убил и бумажку зачем-то повесил!

Благостная беседа как-то на удивление быстро перешла в яростный спор. Я с изумлением обнаружила, что не понимаю ни слова. За столом стоял громкий крик.

Я дернула Леночку Маркову за рукав и спросила:

– О чем вы все говорите? Какой заговор?

– Тот самый! – она окинула меня невидящим взглядом и тут же снова врубилась в спор. Я решила не отступать.

– Лена! Я тебя очень прошу, объясни, в чем дело? Я не понимаю, какой заговор, какая бумажка?

Она посмотрела на меня, как на ненормальную.

– Ты что, телевизор не смотришь?!

– Я была за городом... – пролепетала я.

– Про это говорили сегодня во всех новостях. Рядом с Никитой... с Никити-

ным... ну, в общем, там... на стене, висела бумажка... Записка, листовка – черт ее знает... Я не помню дословно, но примерно так: «Не может быть национальной идеологии в многонациональной стране. Остановитесь – иначе будет поздно! Мы умеем мстить. Мене, текел, фарес...» Потом какой-то номер, не то шифр, вместо подписи – какие-то буквы и цифры, а сверху – шестиконечная звезда. И целый день про это передают, просто рехнуться можно!

«Только этого не хватало! – пронеслось у меня в голове. – Дело Бейлиса, кровавый навет... И правда рехнешься!» Я беспомощно посмотрела на Костю. Он был мрачен, как туча.

– А еще что передавали? – поинтересовался он. – Еще что-нибудь нашли?

– Нашли пистолет с глушителем и маску, прямо там же, в квартире. Еще говорили про прощание и похороны.

– Когда? – с трудом шевеля губами, спросила я.

– В понедельник – прощание, похороны – во вторник. Мы все собираемся.

– Естественно.

– Я вот чего не понимаю... – задумчиво проговорил Костя. – Зачем они все это сразу рассказали?

– Выхода не было, – сказала Леночка. – Вы знаете, кто его нашел?

– Да нет же, говорю тебе, мы ничего не знаем!

– В шесть за ним зашел его тренер. Они собирались не то в зал, не то трусцой бегать – что-то в этом роде. А тренер его – спортивный журналист по основной специальности. Он, я думаю, сперва позвонил в газету, а потом уже в «скорую» и в милицию. Так что там ничего особенно не скроешь.

– Понятно, – ответил Костя. – А как он в квартиру попал – не сказали?

– Почему не сказали? Сказали. Он пришел, звонит в звонок, никто не открывает. Ну он решил, что Никита его надул, и хотел уйти. Тьфу ты, самое главное забыла! Он с собакой пришел. Значит, все-таки не в зал, а бегать... Он пошел к лифту, а собака не идет – сидит под дверью и скулит. А потом завыла... Кошмар! – Леночка передернулась. – Он толкнул дверь, а она незаперта. Вошел, ну и видит...

– Ириша, – неожиданно перебил Костя, – может, поедем? Мне ведь еще собираться...

Решительно ото всех этих дел у меня отшибло память! Ну как, скажите на милость, можно было забыть, что в понедельник Костя улетает в Женеву на какое-то там экономическое совещание? А я ведь забыла и еще удивлялась, почему он не обсуждает со мной планов на следующую неделю. Хорошо хоть не успела ничего ляпнуть!

«Надо все-таки взять себя в руки», – подумала я и тут же вспомнила, что за последние сутки обращалась к себе с таким призывом раз двадцать, если не больше.

– Пошли, Костя, – сказала я. – Уходим по-английски. Тут такое творится, что все равно никто не заметит. Пока, Леночка, созвонимся.

– Помочь тебе собраться? – спросила я в машине.

– Куда тебе помогать, малыш! – Костя ласково погладил меня по голове. – Ты бы на себя посмотрела! Домой и только домой, а дома немедленно спать. Твоя задача – выспаться и опомниться. Совершенно дикая история! – задумчиво добавил он после минутной паузы.

Остаток пути я молчала, пытаюсь переварить полученную от Леночки ин-

формацию. На прощание Костя нежно поцеловал меня и сказал:

– Не грусти, милый! Все пройдет и забудется. Скоро мы с тобой укатим отсюда и устроим себе волшебные каникулы! Это будет предсвадебное путешествие... И все будет отлично! Не грусти. Договорились?

Я покивала, и мы распрощались на несколько дней.

Глава 7

Легко сказать: выспаться и опомниться! Не спалось мне... Утром я встала совершенно разбитая, почему-то меня знобило, несмотря на жару. Конечно, идти в таком состоянии на работу было чистой воды глупостью – меня бы, безусловно, простили. Я вовсе не собиралась показывать чудеса трудового героизма, просто от расстройства и недосыпа действовала как бы на автопилоте: раз встала, – значит, умылась, раз умылась, – значит, оделась, оделась – выпила кофе, выпила кофе – пошла на работу. Ну и так далее. Перед самым выходом я включила телевизор – на всякий случай, чтобы на работе меня не огоршили очередной новостью. На экране снова была фотография Никиты, играла траурная музыка. По-видимому, телевидение отменило все дневные передачи. Потом фотография исчезла, и через экран потянулся бесконечный людской поток. Зрелище было впечатляющее. Камера показывала то одну улицу, то другую – всюду была одна и та же картина: медленно движущаяся мрачная толпа. Создавалось впечатление, что прощаться с Никитой вышла вся Москва. Если бы толпа состояла из Никитиных поклонников, вообще – из молодежи, в этом не было бы ничего удивительного. Но пожилых лиц было ничуть не меньше, чем молодых. Я готова была побиться об заклад, что многие из тех, кто двигался сейчас в скорбном молчании по улицам Москвы, не только не знали ни одной Никитиной песни, но, завидев его на экране, немедленно переключали телевизор на другую программу.

«До чего же у нас все-таки любят покойников! – подумала я. – Хотя да, такая дикая, трагическая история... это тоже, конечно, действует...» Потом я выключила телевизор и отправилась на работу, где и произошла моя первая встреча со следователем, а также все прочие события, с которых я начала свою «печальную повесть».

Добравшись до дому, я первым делом выпила рюмку коньяку. Внутри стало горячо и приятно, и сразу немного отпустило. Потом я пошла к себе в комнату, забралась с ногами в кресло и закурила. Мне было о чем подумать. Более всего меня занимал «шантаж». Как я ни пыталась охватить умом всю картину, мысли мои упорно возвращались к этому проклятому «шантажу». Тут была загадка, которая касалась лично и непосредственно меня. С какой стати Никита сделал эту идиотскую запись? Я его не шантажировала – по крайней мере это я знаю точно.

Можно ли назвать его поведение по отношению ко мне шантажом? Пожалуй, нет. Он же не говорил: сделай то-то и то-то, тогда я не буду лезть в твои отношения с молодыми людьми. Чем еще он мог меня шантажировать? Записной книжкой? Ерунда, я же сама попросила вернуть ее в воскресенье в присутствии Кости. И, вообще, чушь все это! Допустим, он изобрел какой-то хитрый способ шантажа, хотя, видит бог, не представляю, что бы это могло быть, – что за странная манера записывать такие вещи на бумажке?! Список дел на неделю: репетиции, концерты, деловые встречи, шантаж... И почему с вопросительным знаком? Он что, размышлял, применять это средство или не применять, и поверял свои размышления бумаге?

Я выбралась из кресла и начала мерить шагами квартиру. Каждый раз,

проходя мимо телевизора, я испытывала острое желание пнуть ногой тумбочку, на которой он стоял. «И гонца хотел повесить...» Известная история. Потом пришла мама и включила его, сказав извиняющимся тоном:

– Надо же все-таки знать. Как раз в это время началась программа новостей.

– Сегодня Москва прощалась с Никитой Добрыниным, – сказал ведущий.

На экране опять появилось скорбное шествие. Показывали какие-то другие улицы – не те, что утром, но картина точно такая же. Сбоку, на тротуаре, стоял, взобравшись на какие-то ящики, молодой человек с горящими черными глазами и громко что-то выкрикивал. Что-то вроде: «Когда убивают певца...» – должно быть, стихи собственного сочинения. Потом все исчезло, и на экране снова появился ведущий.

– Похороны состоятся завтра, в двенадцать, на Ваганьковском кладбище, – сказал он. – Городские власти убедительно просят всех отказаться от каких бы то ни было митингов и выступлений. Эту просьбу поддерживает сестра Никиты Добрынина, сегодня прилетевшая из Парижа.

«Значит, Люська уже здесь», – подумала я. В эту минуту зазвонил телефон. Подходя к нему и снимая трубку, я ни минуты не сомневалась, что звонит Люська – между моей жизнью и этим проклятым телевизором установилась какая-то магическая связь.

– Ирочка? – произнес чуть хриловатый, неповторимый Люськин голос. Странно сказать, но я внутренне сжалась. Перед Люськой я всегда испытывала какой-то комплекс вины. Не знаю, почему, – наверное, потому, что не любила ее любимого брата. Глупость, конечно...

– Да, Люся, это я. Ты давно прилетела?

– Сегодня утром... днем. Но со мной уже успели поговорить. Я расскажу... потом. Ирочка, ты придешь завтра?

– Конечно, – ответила я, несколько покривив душой. Дело в том, что я как раз вынашивала план неприхода: я боялась ажиотажа, репортеров и телекамер – Костя был прав, говоря, что Никита слишком афишировал наше с ним знакомство... Разумеется, после звонка Люськи вопрос отпал.

– Я должна улететь послезавтра, – продолжала она. – Там дети одни... Мне бы хотелось с тобой поговорить. Может быть, ты заедешь ко мне утром, пораньше, а потом поедем вместе...

И, словно прочитав мои мысли, добавила:

– Я попросила не снимать.

– Конечно, заеду, – сказала я. – А ты... Где ты?

– В гостинице. Я вообще не заезжала... домой, – она говорила, запинаясь, словно преодолевая невидимые препятствия. – Я остановилась в гостинице «Марко Поло».

Мы договорились на десять, и она продиктовала мне адрес. Потом я позвонила шефу. Он не стал слушать моих объяснений, сказав, что и не предполагал видеть меня в такой день на работе.

Стихи уличного поэта пристали ко мне, как репейник. «Когда убивают певца... – бормотала я, расхаживая взад и вперед по комнате. – Когда убивают певца... то следует ждать... э-э-э... конца...»

Мама все еще сидела у телевизора.

– Ну что? – спросила я.

– Больше ничего, – ответила она. – Временное затишье. Начнется завтра вечером или послезавтра.

– Что начнется?

– То, что обычно начинается после затишья, – невозмутимо пояснила она.

Ровно в десять я была у гостиницы «Марко Поло». Не знаю, как Люське удалось замести следы: вокруг не было видно ни одного репортера. Я поднялась на второй этаж и постучала в дверь. Люська открыла мне и отступила на шаг, пропуская внутрь. Она стояла спиной к окну, свет падал на нее сзади, поэтому лица у нее как бы не было – стройный черный силуэт с золотящимися в солнечных лучах волосами. Мы молча обнялись и сели на диван. На подлокотнике стояла пепельница с дымящейся сигаретой. Глаза у Люськи были красные, она казалась растерянной, как будто не вполне понимала, что здесь делает и почему.

– Как ты живешь? – спросила она, гася догоревшую сигарету и закуривая новую.

– Н-не знаю, – растерянно пробормотала я. А что я могла ответить? «Хорошо»? «Нормально»? «Плохо»?

– Да-да, – она махнула рукой. – Тут что ни скажешь, все не то и не к месту. Давай лучше сразу поговорим, о чем я хотела. Скажи... – она встала и задернула шторы, явно давая себе время собраться с мыслями. – Вы виделись в последнее время? Ты знаешь, с кем он общался и чем вообще жил?

Я растерялась еще больше.

– Мы виделись, конечно... Но... Понимаешь, Люся, ведь в двух словах не расскажешь...

Она жестом остановила меня.

– Ирочка, я ведь не о ваших отношениях говорю. Тут, как я понимаю, ничего не изменилось и не могло... Я бы хотела понять, как он жил в последнее время. Он писал, конечно, но редко и мало. По телефону вообще ничего не поймешь... Я не просто так спрашиваю...

– Да я ведь ничего толком не знаю. С кем он только не общался! Со своей тусовкой – с этими, не знаю, как их назвать, эстрадниками, что ли... Вообще с актерами. С телевизионщиками общался, с политиками... Понимаешь, из него делали национального героя. У него и раньше с популярностью все было в порядке, а тут его стали раскручивать на государственном уровне. Денег стало очень много – это он сам так говорил. Шоу-бизнес, телевизор, реклама и всякое такое. И политика, наверное, тоже – в какой-то мере. По-моему, он был доволен... Насчет врагов ничего не знаю, а конкуренты были наверняка.

– Вот, – сказала она. – Это то, что я хотела... Он не говорил, что ему угрожают, что он чего-то боится? Или, может, не говорил, но было заметно?

«Тоска! – подумала я. – Если уж Люська поверила...» Она явно догадалась, о чем я думаю, и торопливо сказала:

– Нет-нет, погоди, ты послушай. Я ведь еще не рассказала... Я бы на весь этот бред и внимания не обратила, но в субботу от Никиты пришло письмо...

– Как в субботу? – удивилась я, вспомнив наш последний телефонный разговор. – В субботу он должен был его только отправить. А до этого не писал тебе целых два месяца. Это он сам сказал.

– Это же был e-mail, компьютерное письмо, нормальных он мне уже сто лет не писал!

– А-а, понятно. Я не думала... И что?

– Он пишет, что его преследуют, угрожают, про какие-то тайные силы...

– Не может быть, – тупо сказала я.

Люська достала из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги и протянула мне:

– Это распечатка.

Я развернула его и, не веря своим глазам, прочитала следующее:

«Привет, дорогая сестрица! Знаю, знаю, я свинья, не писал тебе тысячу лет. Не сердись. В этих письмах толку мало, вот повидаться бы – дело другое! Как вы там живете? Я рад, что Шарль собирается в августе в Москву. Что бы вам не приехать всем вместе? Я думал заехать во время гастролей к вам, увы, – не выходит, график слишком плотный. Может быть, заеду сразу после – должен же я пообщаться с племянниками! У меня все непросто. Последнее время за мной по пятам ходят странные типы, я получаю письма с угрозами. Им нужно, чтобы я перестал петь или, по крайней мере, убрал из песен все русское. За ними стоит реальная, страшная сила. Но ты не волнуйся, мы тоже не лыком шиты – как-нибудь разберемся! Целую тебя, привет Шарлю и племянникам. Брат».

Весь этот текст был написан латинскими буквами – по-видимому, в Ники-тином компьютере не было программы перевода кириллицы в латиницу.

«Это он нарочно! – пронеслось у меня в голове и тут же следом: – Что нарочно?! Нарочно подстроил собственное убийство?!»

Всего этого просто не могло быть, потому что этого не могло быть никогда! Но вот же он, вот он, этот проклятый e-mail, я же вижу его собственными глазами!

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. Вид у меня, надо полагать, сделался совсем ошалелый, потому что Люська вдруг принялась меня успокаивать – ей, бедной, только этого не хватало!

– Может, его кто-нибудь мистифицировал? – предположила она. – Ты же сама говоришь – конкуренты... Если деньги большие, то и конкуренция, наверно, серьезная. В конце концов такой спектакль мог разыграть кто угодно.

– Это верно, – согласилась я. – Но, понимаешь, что странно... Не выглядел он ни напуганным, ни растерянным. Ни капельки. Может, конечно, скрывал. Да нет, не похоже. Если уж он написал тебе...

– Да-да, я понимаю, – тут же подхватила она. – Я тоже об этом думала. Если он написал мне, – значит, это его очень сильно волновало. Настолько сильно, что ни о чем другом он и думать не мог. Потому что иначе это вообще абсурд: «Волнуйтесь, подробности письмом». Если бы он был в порядке, он не стал бы такого писать. Но если он был не в себе, то...

– То я бы это заметила, -- закончила я за нее. – А я ничего такого не заметила, мне казалось, он был в полном порядке. Не понимаю.

– Даже не знаю, – задумчиво проговорила Люська, – так ли уж мне нужно знать, кто это сделал. Никиту все равно не вернешь. Я говорила со следователем. Меня встретили в аэропорту – он и еще человек из мэрии. Этот, второй, поговорил про похороны и сразу уехал. А следователь спросил, не писал ли Никита в последнее время чего-нибудь такого... о врагах... или что он чего-то боится... И представь себе, я ничего не сказала и бумажку не отдала. Просто не смогла. Все-таки это сильный аргумент в пользу... сама понимаешь. Мне хотелось посоветоваться с тобой, я думала: вдруг ты что-нибудь знаешь.

– Ничего я не знаю, Люся. И что с письмом делать – тоже не знаю. Утаиваем улику... Может, отдать? Пусть разбираются...

– Нет, – внезапно решительно заявила Люська. – Не отдам! Ты веришь в ма-сонский заговор?

– Я – нет.

– И я – нет. Значит, кому-то очень нужно, чтоб в это поверили. А я на это ра-ботать не намерена. Не люблю, когда меня дурачат. Dixi.

Нет, не зря я с детства ею восхищалась! Когда здравый смысл вступает в конфликт с фактами, далеко не каждый способен встать на сторону здравого смысла. Чаще бывает наоборот.

– Ты говоришь: пусть разбираются, – продолжала Люська. – Пока они будут разбираться, про это письмо обязательно кто-нибудь пронюхает, и начнется черт знает что. И так уже пошло... Этот, из мэрии, сказал, что они едва улома-ли какое-то общество – не то «Слава Отечеству», не то «Отечество славы», – они хотели устроить митинг прямо на кладбище, чуть ли не во время похорон.

– Следовало ожидать, – сказала я. – Можно мне забрать эту бумажку? Пока-жу сестре.

– Ради бога, – устало ответила Люська. – Из компьютера письмо никуда не денется, пока я его не сотру. Вот еще что, Ирочка. У меня к тебе просьба... ду-рацкая просьба. Где-нибудь через месяц, может, раньше, я приеду и решу, как быть с квартирой. Не могла бы ты пока взять ключи и хотя бы несколько раз зайти полить цветы? Понимаешь, они еще мамыны. Мне неприятно представ-лять, как они там мирно засыхают. Я бы соседней попросила, но нет у меня сил с ними разговаривать. Тебе ведь недалеко. Или возьми их к себе – это еще луч-ше.

Нельзя сказать, что эта просьба меня обрадовала. Мне совсем не хотелось идти в ту квартиру. Но отказать Люське я, конечно же, не могла.

– Давай, – сказала я. – Только... разве она не опечатана?

– Нет. Печати сняли еще вчера, к моему приезду, – следователь сказал. Но я все равно отказалась туда ехать.

– Фамилия следователя – Соболевский? – зачем-то поинтересовалась я.

– Нет, кажется, Петрушенко. А что?

– Да ничего. Значит, другой. Со мной ведь тоже беседовали.

– О господи! – вздохнула Люська. – Ну хорошо, спасибо тебе заранее.

Она взглянула на часы и встала.

– Пора.

Народ подтягивался к кладбищу постепенно. Когда мы шли туда, вокруг было относительно пусто, только у входа стояли кучками бородатые молодые люди мрачного вида. Все было тихо – не то граждане вняли просьбам город-ских властей, не то городские власти сумели задержать поток граждан на со-седних улицах. На глаза мне попались несколько человек с телекамерами, но они не последовали за нами, а остались стоять на улице.

Когда мы выходили, снаружи уже была огромная толпа, люди продолжали стекаться со всех сторон, и дорогу нам расчищала конная милиция. Во время похорон мне, разумеется, было не до размышлений. В голове вертелся туман-ный калейдоскоп, и в этом калейдоскопе мелькали знакомые и незнакомые лица, всего, наверное, человек двадцать. Среди прочих мелькнуло лицо Але-

ны Субботиной, я машинально кивнула ей, но она посмотрела сквозь меня и отвернулась.

Я плохо помню эти похороны... А на обратном пути снова начался этот лихорадочный бег по кругу – в бесплодных попытках за что-нибудь уцепиться и что-нибудь понять. После разговора с Люськой одной загадкой стало больше. Теперь мне не давали покоя не только «шантаж», но и Никитино письмо. Совершенно нелепое, если вдуматься, письмо. Не пишут таких писем близким людям, особенно находящимся на большом расстоянии. Ну что, в самом деле, за демагогия: «Не волнуйся!» Если не хочешь волновать, не пиши таких писем. Можно подумать, в Никиту вселился бес, который водил его рукой и заставлял писать невесть что. Не лучшая версия. Чем больше я старалась рассуждать логически и анализировать, тем чаще ловила себя на том, что просто твержу про себя, как сорока, что-нибудь вроде: «Как же так?» В конце концов у меня разболелась голова. Добравшись до дома, я рухнула на кровать и проспала до самого вечера.

Около семи я проснулась и с наслаждением втянула носом воздух. Из кухни доносился изумительный запах чего-то печеного, уютного, домашнего, бесконечно далекого от всех безобразий последних дней. На мамином языке это значило: «Жизнь продолжается!»

– Ты решила меня утешить? – спросила я, выскакивая на кухню и хватая с тарелки булочку с корицей.

– Ирка! Она горячая, это вредно! Положи на место! – воскликнула мама.

– Не дождетесь, гражданин Гадюкин! – гордо заявила я и запихала булочку в рот. В эту минуту зазвонил телефон.

Почему-то его резкий звук подействовал на нас с мамой, как набат, хотя звонить мог кто угодно из знакомых. Мы обе вздрогнули и в испуге уставились друг на друга.

– Подойдешь? – спросила мама.

Я обреченно кивнула. Звонил следователь Соболевский.

– Ирина Григорьевна, – сказал он, – вы не могли бы зайти ко мне завтра в двенадцать?

«Интересно, что бы он сделал, если бы я ответила: «Извините, не могу»? – подумала я, а вслух, само собой, сказала, как пай-девочка: «Да, конечно», – стараясь говорить спокойно, хотя, честно признаться, сердце у меня упало. Голос Соболевского не предвещал ничего хорошего. Не то чтобы он был суров, вовсе нет. Наоборот, он звучал подчеркнуто мягко и даже как будто сочувственно. Это-то и было хуже всего.

Меня так и подмывало спросить, чего ему от меня надо, но я удержалась, понимая, что толку от этого не будет. Завтра – так завтра. Он объяснил, куда и как мне пройти, и на этом наша беседа закончилась. Я повертела в руке трубку, собираясь с мыслями, и вспомнила, что мне опять нужно звонить и отпрашиваться с работы. На этот раз шеф отреагировал неожиданно: он впал в неистовство. Не потому, разумеется, что не мог пережить моего отсутствия. Его взбесило другое.

– Идиоты! Бездари! – бушевал он. – Почему они не могут от тебя отвязаться?! Не придумали ничего лучше – прицепиться к девчонке! Ничего не могут и не умеют, вот и ищут козла отпущения!

Поорав некоторое время, он утих и отпустил меня на все четыре стороны. Я

положила трубку и обернулась. Мама с нерешительным видом стояла у телевизора.

– Включай, включай, – мрачно сказала я. – Теперь уж все равно.

Покоя и уюта как не бывало. Мой дом решительно перестал быть моей крепостью – в нем появились дыры, пропускающие вихри из мирового пространства: телевизор и телефон. То есть телевизор и телефон в нем, разумеется, были и раньше, но тогда от них не исходила опасность, по крайней мере, я ее не ощущала...

По первой программе шли новости. Начало мы пропустили.

– После похорон, – сообщил ведущий, – на кладбище состоялся несанкционированный митинг, организованный движением «Слава Отчеству» и обществом «Возрождение».

На экране появилась огромная шумная толпа. В центре, на каком-то возвышении, стоял один из тех бородатых, что толклись утром у входа, и хрипло орал в микрофон: «Мы не из тех, кто забывает! Мы отомстим!» Толпа отвечала одобрительным гулом. На экране снова возник ведущий.

– Не обошлось без эксцессов, – сказал он. – Поклонники Никиты Добрынина, не разделяющие точку зрения митингующих, попробовали организовать свой собственный митинг. Произошло столкновение. Подразделению ОМОНа, дежурившему возле кладбища, пришлось вмешаться, после чего порядок был восстановлен, – правда, не без труда.

Камера вновь показала кладбище, на котором творилось черт знает что. Шла настоящая драка, слышались мат и истерические женские крики. Мама в сердцах плюнула и переключила телевизор на другую программу. Нашим взорам явился ведущий программы «Начистоту» Дмитрий Крылов и его гости: известный кинорежиссер и молодой, но не менее известный политик.

– Честно говоря, – сказал Крылов, – я предполагал обсуждать с вами совсем другие вопросы. Но сегодня просто невозможно говорить ни о чем другом, кроме трагической гибели Никиты Добрынина. Если вам есть что сказать по этому поводу – прошу вас.

– Я думаю, по этому поводу всем есть что сказать, – начал режиссер. – Все понимают и чувствуют, что гибель такого артиста и такой личности – это национальная трагедия. Что касается обстоятельств его гибели... Обстоятельства эти чудовищны и свидетельствуют об одном: наше общество тяжело больно, вне зависимости от того, существуют в нем тайные заговоры или нет.

– Вы не могли бы пояснить... – попросил ведущий.

– Пожалуйста. Я не знаю, существует этот заговор или нет. Однако даже если его не существует, повторяю: даже ЕСЛИ его не существует и все это – не более чем мистификация, все равно это признак тяжелой болезни нашего общества. Ибо такие мистификации возможны и действительны лишь там, где для этого есть подходящая почва...

– Я хотел бы спросить, – перебил политик, – осознает ли мой уважаемый собеседник степень провокационности своих высказываний? Как можно произносить слова «даже если его не существует», тем самым прямо допуская иную возможность! Вы знаете, сколько поступило в мэрию заявок на проведение митингов в ближайшие дни? Вы понимаете, что мы сидим на пороховой бочке, и каждый, кто подносит горящую спичку...

– Не знаю, не знаю, дорогой мой, я этих спичек не зажигал, и провокации –

не мой профиль, – возразил режиссер. – Я просто говорю то, что думаю. А думаю я, что всем нам необходимо подняться над нашими склоками и дрызгами, подняться над самими собой и увидеть себя со стороны...

Тут мама не выдержала и снова нажала на кнопку переключателя.

– ...о ходе следствия. Сегодня днем мы попытались получить информацию у работников следственных органов.

Камера показала какой-то казенный дом. В коридорах мелькали лица в милицейской форме и в штатском. При виде камер и микрофонов все они делали один и тот же жест, означавший «по comments», и поспешно удалялись.

– Нам удалось обменяться парой слов лишь с одним из членов следственной бригады, – сказал голос за кадром.

На экране возникло лицо Соболевского.

– Смотри, смотри, это мой! – сообщила я маме, тыча пальцем в экран. Она ничего не сказала, но на лице у нее явственно читался вопрос: «Чему ты радуешься?», а также беспокойство о моем душевном здоровье.

Соболевский беспомощно улыбнулся и сказал:

– Ребята, ну вы же детективы читаете! Ну поймите, не могу я вот так взять и рассказать вам, что мы знаем и что предполагаем. Телевизор-то не только мы с вами смотрим. Рано еще говорить...

– Как видите, – продолжал корреспондент, – этот разговор тоже нельзя назвать особенно информативным. Однако кое-чего нам все-таки удалось добиться. Мы получили твердое обещание, что завтра вечером перед журналистами выступит заместитель генерального прокурора России Анатолий Чекалин и расскажет о ходе следствия. Его выступление будет транслироваться в прямом эфире.

Потом на экране появилась хорошенькая дикторша и сказала:

– В мэрию Москвы и Санкт-Петербурга поступили заявки на проведение митингов от следующих организаций...

Мама выключила телевизор.

Глава 8

Никогда бы не подумала, что общение с красивым мужчиной, к тому же совершенно в моем вкусе, может доставить так мало радости. Ровно в двенадцать часов в среду я сидела в кабинете Соболевского и, съездившись, ждала, что он мне скажет. Сначала он не говорил ничего, а заполнял какие-то бумаги. Покончив с этим, он залпом выпил стакан воды и начал задавать вопросы. Некоторые из них были мне совершенно не под силу. Он явно рассчитывал, что я помогу ему составить представление о круге Никитино общения, и я даже почувствовала себя немного виноватой, что не могу оправдать его надежд.

– Понимаете, – сказала я, – Никита ведь сильно преувеличивал нашу близость. В его реальной жизни я никак не участвовала, с его знакомыми практически не общалась. Я бы рада помочь, но не могу. Я действительно почти ничего не знаю.

Он кивнул и попросил еще раз подробно рассказать про вечер пятницы и первую половину субботы. Пока я говорила, он не взглянул на меня ни разу, я же, напротив, прямо-таки ела его глазами, пытаюсь понять, что будет дальше, – обмануло меня мое дурное предчувствие или нет. Оно меня не обмануло. Когда я умолкла, Соболевский наконец вскинул на меня свои восхитительные черные глаза и сказал:

– Вот какое дело, Ирина Григорьевна... Алена Субботина и Анна Стеценко, она же Агния, утверждают, что не были в субботу в доме, где жил Добрынин.

– То есть как – не были?! – оторопела я.

– Очень просто. Друг друга они в тот день не видели. Одна в означенное время была у подруги, другая сидела дома и принимала парикмахера и массажиста. Подруга, парикмахер и массажист подтверждают.

– Ну еще бы! – растерянно сказала я, прикидывая, сколько парикмахер и массажист могли на этом заработать, и тут мне вспомнились другие черные глаза и предсказание большой беды.

– Там была еще цыганка, – пролепетала я. – Она видела, как я уходила. Может, найдете цыганку? Хотя как ее найдешь...

– Что за цыганка? – насторожился Соболевский. Не знаю, что он подумал, – может, что я выкручиваюсь, а может, что я не в своем уме. Скорее, пожалуй, второе – он смотрел на меня с явным сочувствием, как на душевнобольную.

– Какая-то цыганка, гадалка... Крутилась во дворе. Подошла сперва к Алене, а потом ко мне. Алена тоже может... хотя нет, ничего она не может, ее же там как будто бы не было. Стойте! – воскликнула я, внезапно захваченная новой мыслью. – Ведь это значит, что они его не убивали, то есть нет – не что не убивали, а что ушли одновременно! Иначе они не смогли бы договориться и не стали бы друг друга покрывать!

Соболевский развеселился.

– Дедуктивный метод, Ирина Григорьевна? Вот видите, вы уже начали выполнять за меня мою работу. Ну-ка, ну-ка, развейте вашу мысль!

– Но это же очень просто... – растерянно пробормотала я. «Что это он себе позволяет? Ведь издевается, подлец!» – пронеслось у меня в голове, в то время

как язык, помимо воли, продолжал делать свое дело, как будто меня за него тянули. – Особой дружбы между ними я не заметила. Если бы одна из них ушла раньше другой, то нипочем не стала бы покрывать ту, оставшуюся. Я думаю, они ушли одновременно, а когда услышали про убийство – по телевизору или еще как-нибудь, – созвонились и сговорились: как быть, чтобы их в это дело не впутали. Меня они, видимо, решили не учитывать – потому что двое против одного...

– Так, так, – подзадорил меня Соболевский. – Очень интересно! Но ведь могло быть и по-другому... К примеру, они могли узнать, что он убит, и, соответственно, сговориться прямо там, так сказать, не отходя от кассы...

И снова я купилась.

– Да, могли... То есть нет! Не могли! Потому что, когда мы были там вместе, Никита был еще жив. Если бы они оставались там, то увидели бы убийцу...

Соболевский поощрил меня кивком и подлил масла в огонь:

– Вы не учитываете еще одной возможности. Они могли сговориться до встречи с вами...

– То есть... – я растерялась. – Вы хотите сказать, что... Что они могли его... сами...

– Нет-нет, Ирина Григорьевна, – он сделал протестующий жест. – Я ничего не хочу сказать. Я просто перебираю различные варианты... с вашей помощью. Что касается ваших выводов, то они совершенно верны, если – он помедлил, – если, конечно, предположить, что Субботина и Стеценко там все-таки были...

– Скажите, – совершенно неожиданно для самой себя начала я, – вы в самом деле предполагаете, что я пришла туда, выстрелила из пистолета, наклеила листовку?.. Вам, вот вам лично, это кажется похожим на правду?

Соболевский моментально сделался серьезным.

– Я отвечу на ваш вопрос, Ирина Григорьевна. Отвечу, хотя вообще-то не следовало бы... А вам не следовало его задавать. Отвечаю: лично мне это представляется крайне маловероятным. И для меня это очень сильный аргумент в вашу пользу... один из многих прочих аргументов – как за вас, так и против. Психология – психологией, но любое впечатление может обмануть, согласитесь сами. А что не обманывает? Факты. А с фактами у нас что-то не оптимально... Так что просьба не уезжать остается в силе, хотя, – и тут в глазах у него мелькнул совершенно хулиганский огонек, – мне, конечно, очень жаль, что я вношу осложнения в вашу личную жизнь.

– Откуда вы знаете? – изумилась я.

– Ваш начальник рассказал – в понедельник, еще до того, как мы вас пригласили. Что ж, Ирина Григорьевна... У меня пока все.

Напоследок я снова пообещала звонить, «если что вспомню», и откланялась.

Утром, когда я выходила из дома, светило яркое солнце, а сейчас все небо было затянуто тучами. Не успела я отойти от здания прокуратуры, как начался дождь, да не просто дождь, а один из тех сумасшедших июньских ливней, которые мгновенно превращают небо, землю и деревья в одну кипящую и пенящуюся субстанцию. Зонта у меня с собой, конечно, не было. Я на секунду остановилась, оглядываясь в поисках убежища и не предполагая, что меня подстерегает очередная неприятная неожиданность. Внезапно, как из-под

земли, возникли люди с камерами и микрофонами, все-го человек десять или пятнадцать, и всем скопом налетели на меня. «Пожалуйста, пару слов для нашей телекомпании!» – «Расскажите о ваших отношениях с Никитой Добрыниным!» – «У вас есть какие-нибудь подозрения?» – «О чем вы говорили со следователем?»

В глубине души я, честно говоря, не сомневалась, что рано или поздно это случится. Все, связанное с Никитой, всегда вызывало повышенный интерес, а теперь – особенно. Эти, кроме всего прочего, кажется, просто дежурили у прокуратуры. И все-таки они застали меня врасплох. И еще этот дождь, и эти чертовы Алена с Агнией... Я села на корточки и закрыла голову руками. Вдруг чей-то голос сказал: «Да ладно вам, ребята, отвалите, имейте совесть!» – и положение мое внезапно изменилось. Кто-то одним движением поставил меня на ноги, накрыл плащом, обнял за плечи и потянул за собой. Через минуту я очутилась под крышей маленькой уютной забегаловки. Моим спасителем оказался симпатичный молодой человек лет тридцати, в джинсах, ковбойке и сандалиях на босу ногу. Про таких обычно говорят, что у них «хорошее лицо». Что-то в нем было от комсомольского вожака... Лицо, впрочем, и правда было хорошее: открытое, веселое и дружелюбное.

– Привет! – сказал он, широко улыбаясь. – Выпьем кофе, раз уж мы здесь оказались?

– Выпьем, – автоматически согласилась я, не вполне понимая, о чем он спрашивает. Я еще не успела прийти в себя. Спаситель усадил меня за столик и направился к стойке. Через минуту он вернулся с подносом, на котором стояли две чашечки кофе и два блюда с пирожными.

– Я думаю, закусить тоже не помешает, – заявил он и отправил в рот половину пирожного.

– Вы кто? – спросила я, решив сперва выяснить, что к чему, а потом уже подкрепляться.

– Сергей, – ответил он и, не выпуская пирожного, полез свободной рукой в карман, достал визитную карточку и протянул ее мне. «Сергей Кузнецов, – прочитала я. – Газета «Курьер». Корреспондент».

И этот журналист! Первым моим побуждением было немедленно бежать. «Сговорились! – пронеслось у меня в голове. – Сейчас он, как добрый следователь, усыпит мою бдительность и начнет брать интервью, так, что я этого и не замечу!» Я отодвинула чашку и встала. Он замахал руками, тыча пальцем то в блюдо, то себе в рот, что, по-видимому, должно было означать: сейчас все объясню, дайте только прожевать. Я остановилась в нерешительности. Он поспешно проглотил то, что было у него во рту, и объявил:

– Я здесь как частное лицо, а не по долгу службы. Можешь не волноваться.

– А у прокуратуры торчали тоже как частное лицо? – ехидно поинтересовалась я.

– Нет, там – по долгу службы.

– Так что же вы? И свой долг не выполнили, и другим помешали...

– *Nihil humanum...* – важно ответил он. – Жалко мне тебя стало. Села, голову закрыла – спряталась! Ни дать ни взять страус: сам в тоске, голова в песке.

Я не выдержала и фыркнула.

– Так-то лучше, – сказал он, одобрительно кивнув. – Нет, конечно, я бы не возражал, если бы ты мне что-нибудь рассказала, но это вопрос твоей доброй

воли. Вообще от этой истории у всех крыша поехала, – добавил он.

– Ты тоже об этом писал? – спросила я. Мне надоело обращаться к нему на «вы» в ответ на его «ты», тем более что он этого упорно не замечал.

– Писал. Вчера в «Курьере» – моя статья. Ты «Курьер» получаешь?

– Нет, – честно призналась я. – Покупаю иногда.

– Вот тебе, – сказал он, доставая из сумки газету и протягивая ее мне. – Можешь почитать, а я пока пойду возьму еще пирожных.

Статья называлась «Не верь глазам своим» и занимала целую полосу. Я быстро пробежала ее глазами. Название относилось к листовке, обнаруженной в Никитиной квартире. Автор приводил множество примеров из самых разных периодов мировой истории и доказывал, что тайные заговоры с претензией на мировое господство являются плодом воспаленного воображения тех, кто почему-либо недоволен своей участью; плод же этот старательно культивируют те, кто умеет использовать чужие предрассудки в своих интересах. В общем, ничего нового, и изложено все это было довольно сумбурно, зато пафос статьи был мне близок и понятен.

Сергей вернулся, неся очередную порцию кофе с пирожными.

– Мне понравилось, – сказала я, указывая на газету.

– Ты согласна?

– Конечно! Кстати, давно хотела кого-нибудь спросить: там ведь был какой-то шифр, вместо подписи, на этой листовке. Наверное, про это говорили, но я пропустила. Что за шифр такой?

– Номер масонской ложи или какая-то чушь в этом роде.

– Понятно, – сказала я. – Спасибо, – и протянула ему газету.

– Оставь себе, – отмахнулся Кузнецов. – У меня есть. Покажи друзьям и знакомым! И это тоже оставь, – он указал на визитку. – Может, когда позвонишь и расскажешь, что тебя связывало с Никитой, кого ты подозреваешь, о чем говорила со следователем... Или я не заслуживаю благодарности?!

В его наглости было даже что-то привлекательное. Конечно, он дразнил меня, но... и не только. В этой шутке была доля, пусть крошечная, вполне серьезного расчета.

– Не дашь мне свой телефон? – поинтересовался он. Можно было не сомневаться, что при желании он сумел бы раздобыть мой телефон, не спрашивая моего согласия. Так что вопрос этот следовало расценить как жест доброй воли. Я оценила его по достоинству, но все-таки, после секундного колебания, отрицательно покачала головой.

– Жалко! Ну тогда звони сама.

– Позвоню как-нибудь, – пообещала я. – Дождь кончился, мне пора. Спасибо тебе большое.

Мы попрощались, он остался доедать пирожные, а я отправилась восвояси.

Глава 9

Придя домой, я первым делом... что? Правильно, выпила рюмку коньяку. «Становится доброй традицией, – мрачно сказала я себе. – Если дальше пойдет в том же духе, ты, наверно, сопьешься». Что делать! Коньячок был чем-то вроде скорой помощи. Потом я переделалась, приняла душ и снова устроилась все в том же любимом кресле. Я была бы не прочь, скажем, почитать, но об этом нечего было и думать: строчки расплывались перед глазами, в голову лезли посторонние мысли, и не было ни малейшей возможности сосредоточиться. Меня не оставляло ощущение, что я должна все тщательно обдумать и что-то решить. На этот раз мои мысли приняли несколько иное направление, чем раньше.

Я временно оставила в покое «шантаж» и стала думать о том, как мне выбраться из этого дурацкого положения. Как ни странно, до сих пор я ни разу всерьез не задавалась вопросом: кто убийца? Я с самого начала сказала себе спасительное слово «разборка» и на том успокоилась. Слово «разборка» сразу выстраивало стену между мной и событием, которое оно обозначало: это было что-то из жизни шоу-бизнеса, мафии, бешеных денег – словом, всего того, что не имело и не могло иметь ко мне никакого отношения.

Сегодняшний разговор со следователем, несмотря на его местами нелепый, почти игровой характер, заставил меня взглянуть на вещи по-иному. Наша с ним первая беседа меня, конечно, тоже расстроила, но тогда мне все еще казалось, что подозрения в мой адрес вот-вот рассеются как дым. Откуда бралась эта дурацкая уверенность – бог весть. Подозрения, как видим, не рассеялись, а укрепились. На этот раз у меня не осталось никакой надежды. Больше того, у меня появилось пренеприятное чувство, что это болото будет засасывать меня все глубже и глубже. Это меня совершенно не устраивало.

Внезапно я с ледяной ясностью поняла, что мне необходимо узнать, кто это сделал на самом деле. Это был единственный радикальный способ вернуться к нормальной жизни. Единственный – и совершенно нереальный. Что же, спрашивается, делать? Мне необходимо было с кем-то посоветоваться... я даже знала, с кем. Только теперь я осознала, до какой степени мне все эти дни не хватало сестры. Мы с ней близнецы, но разнояйцевые и потому совершенно непохожие – ни внешне, ни внутренне. Она, в отличие от меня, не рыжая, а темно-каштановая, почти черная, с темно-кариими глазами, смуглая, яркая, похожая на испанку. Когда у нее есть настроение «выглядеть», она бывает совершенно неотразима – ни дать ни взять Кармен. Когда настроения нет – тоже очень ничего.

И характеры у нас совершенно разные. Еще когда мы были маленькие, мама говорила: «Маринка у меня – танк, а Иринка – лопух». Так оно и есть. Маринка – сильная, решительная, всегда умеет настоять на своем. Я – слабохарактерная, мягкая, вечно иду на поводу у других. Разумеется, мы нередко цапаемся, хотя, по сути, отлично дополняем друг друга. Вообще нам хорошо живется втроем – вполне возможно, тут и кроется главная причина того явления, которое заставляет маму все время беспокоиться. Явление же состоит в том, что мы с сестрой, несмотря на постоянное присутствие кавалеров, упорно не

выходим замуж. Я, впрочем, уже почти сломалась...

После школы мы обе поступили на филфак МГУ и выбрали для изучения, кроме двух «нормальных» европейских языков, еще и экзотический венгерский. После университета я довольно быстро пошла работать редактором и, кроме того, стала переводить художественную литературу, а сестра моя поступила совершенно иначе. Она немного подумала и объявила, что до сих пор ошибалась и только теперь поняла, в чем ее настоящее призвание. И поступила, к полному изумлению всех родных и близких, на юрфак. В принципе она собиралась стать адвокатом, однако после четвертого курса ее послали на практику в следственные органы, и тут стали происходить странные вещи. Сначала я думала, что она просто хвастается. У большинства историй, которые она рассказывала, был очень похожий финал. Примерно такой: все сидели и ломали головы, тут пришла я и сразу заметила... После чего в раскрытии преступления удавалось достичь существенного прогресса.

Мы с мамой не воспринимали ее рассказов всерьез. Я говорила – хвастается, мама – самоутверждается. Так мы и не верили ей до тех самых пор, пока у нас в доме не стали появляться серьезные, представительные дяди, вежливо интересовавшиеся, нельзя ли поговорить с Мариной Григорьевной. Обращались они с ней крайне уважительно и выглядели при этом немного смущенными. Как выяснилось, у моей сестрицы обнаружили замечательные аналитические способности, или, по ее собственному определению, в ней «прорезались Шерлок и Майкрофт Холмсы, вместе взятые». Практика давно кончилась, а солидные мужчины все продолжали приходить за советом.

«Вот и прекрасно, – сказала я себе, вспомнив Маринкину фразу про братьев Холмсов. – А я буду при ней Ватсоном, или Гастингсом при Пуаро, или кем там еще, лишь бы она помогла мне выпутаться!» Беда, однако, состояла в том, что Маринки не было в городе. Неделю назад она укатила с компанией в Прибалтику и обещала вернуться, как Карлсон, «приблизительно». С другой стороны, по моим подсчетам, «приблизительно» должно было наступить на этой неделе. Хорошо бы, я не ошиблась!

Я мысленно представила себе, как буду излагать ей всю эту историю, и стала составлять в уме план рассказа, чтобы, не дай бог, не упустить какую-нибудь важную деталь. В это время зазвонил телефон. Утром, уходя на randevu к Соболевскому, я включила автоответчик, и сейчас решила послушать, кто это, а потом уж решить: подходить или нет. Мне ужасно не хотелось вылезать из кресла, а главное – прерывать воображаемую беседу с сестрой.

– Добрый день, Ира, – сказал мужской голос, показавшийся мне совершенно незнакомым. – Это Антон. Очень вас прошу, если вам нетрудно, позвоните мне. Мой телефон... – он продиктовал номер своего телефона и повесил трубку.

– Что за Антон? – сказала я вслух. – Не знаю никакого Антона. Среди моих знакомых нет ни одного Антона.

И тут меня осенило – как же нет? Есть! Конечно, знакомый он относительный: я видела его всего два или три, но все-таки и не совсем незнакомый. Я имела в виду Никитино импресарио. Это наверняка был он, только голос у него был не наглый, как обычно, а растерянный и просительный, а потому узнать его было непросто. Я совершенно не представляла, что ему может быть от меня нужно. Вставал вопрос: звонить или не звонить? Звонить не хоте-

лось – ничего хорошего он мне не скажет, наверняка очередная пакость. С другой стороны, что же мне теперь – прятаться? «Сам в тоске, голова в песке», – вспомнила я и тут же решила позвонить. Я еще раз прокрутила запись на автоответчике, переписала телефон на бумажку и, чтобы не передумать, немедленно позвонила. Услышав мой голос, Антон рассыпался в благодарностях. Решительно, пережитое потрясение изменило его характер в лучшую сторону.

– У меня к вам просьба, Ирочка, – сказал он. – Вы ведь знаете венгерский язык?

– Более или менее, – ответила я. – А в чем дело?

– Сейчас объясню. Дело в том, что я... не знаю, что делать. Может, это, конечно, просто совпадение, но они оба пропали. Оба разом – и венгр, и еврей.

«Повредился в уме», – подумала я, начисто забыв, что уже слышала от Никиты о «еврее» и как раз в сочетании с Антоном.

– Не понимаю ни слова.

– Сейчас, сейчас... Никита говорил вам, что собирается на гастроли? На той неделе приехали два агента – из Венгрии и из Израиля – все окончательно утрясать. А теперь их нет – исчезли.

– Все равно не понимаю, Антон, что значит – исчезли? Давно вы их ищете?

– С понедельника. Я должен деньги вернуть – раз такое дело... У нас тоже свои принципы. Я позвонил в гостиницу тому и другому. Никто не подходит. Звоню портье, говорят: выехали – и там, и там. Не позвонили, ничего не спросили, плюнули на деньги... Пропали – и все!

– Погодите, Антон, – перебила я. – Почему – пропали? Может, они просто отбыли по домам, от греха подальше?

– Понимаете, так не делают...

– Все-таки я бы позвонила – вдруг они дома. У вас есть их телефоны?

– Я звонил. Про то и речь. По-английски-то я могу... В Тель-Авиве говорят: «Извините, его нет, он в России». Я оставил телефон – попросил позвонить, когда вернется. Звоню в Будапешт, в офис, – никто не подходит. Наверное, телефон у него в кабинете, а его там нет. Домашний у меня тоже есть. Звоню домой, а там какая-то баба по-венгерски «гыр-гыр»...

Так, понятно. Теперь я знала ответ на вопрос, который вообще-то следовало задать с самого начала: при чем здесь я? Было ясно, что сейчас последует просьба. И точно:

– Ирочка, – сказал он жалобно, – позвоните, спросите, где он. Может, дома знают. Только как-нибудь поосторожнее, чтобы не напугать. Деньги я вам верну.

– Ладно, – сказала я. – Диктуйте номер. И потом, как его зовут-то хоть, вашего венгра?

– Лендел. Ласло Лендел. Или Лендел Ласло... У этих ваших венгров ведь, кажется, все наоборот. Сперва – фамилия, потом – имя...

– Наоборот, – подтвердила я. – Не беспокойтесь, я разберусь.

– Спасибо огромное! – с чувством проговорил он.

– Не за что.

На этом разговор нужно было кончать, не задавая дополнительных вопросов, потому что во многая мудрости много печали. Но я все-таки не удержалась. К тому же теперь я собирала материал для сестры.

– Антон, можно один вопрос... Вы что, думаете – они в этом как-то замеша-

ны?

– Я, Ира, с субботы вообще не думаю, а только за голову хватаюсь. Из-за этих гастролей драчка была. Кому, значит, Европу завоевывать. («Израиль – не Европа, – машинально отметила я про себя. – Для него, по-видимому, «Европа» означает «заграница».) Агния – знаете такую? – просто на стенку лезла. («Должок за Никитой», – вспомнила я.) У этих двоих Никита без разговоров шел первым номером. Вот я и думаю: может, их тоже, заодно с ним?.. А в то, что этот, из Израиля, Никиту шлепнул, я не верю. Нормальный мужик, хоть мы с ним и не поладили. Хотел, чтобы Никита к ним приехал... И потом – пропали-то оба!

– Понятно, – сказала я. – То есть ничего не понятно. Я позвоню. Если что-нибудь узнаю, перезвоню вам.

Я честно собиралась позвонить в Будапешт сразу после разговора с Антоном, но в этот момент у кого-то за стеной часы пробили семь. Семь часов... Что-то такое должно было быть сегодня в семь... Ну конечно! Выступление какого-то юридического начальника. Первый этап моей «новой жизни» в качестве подозреваемой завершился. Я больше не пыталась убедить себя в том, что все это не имеет ко мне ни малейшего отношения, и не пыталась спрятаться от информации. Напротив, теперь я хотела иметь ее как можно больше. Предыдущая тактика себя не оправдала, посмотрим, как будет с новой. «Позвоню потом», – сказала я себе и решительно включила телевизор.

– Сейчас вы увидите интервью, которое дал тележурналисту Михаилу Слободскому заместитель генерального прокурора России Анатолий Чекалин, – сказала дикторша. «Выходит, это не прямой эфир?» – удивилась я.

На экране появился Михаил Слободской, толстый, усатый и обаятельный ведущий информационно-аналитической программы «Неделя». Напротив него, за столом, по форме напоминавшим сплюснутый посередине овал, сидел гладко выбритый импозантный мужчина в штатском. Лицо у него было скорее приятное, несмотря на профессионально-неуловимое выражение.

– Анатолий Иванович, – начал Слободской, – большое спасибо за то, что вы согласились прийти к нам. Вот уже несколько дней мы, теле- и просто журналисты, пытаемся добиться хотя бы какой-нибудь информации о том, как идет следствие по делу об убийстве Никиты Добрынина, но тщетно. Мы надеемся, что ваше выступление прорвет информационную блокаду.

Заместитель прокурора молча улыбнулся. Слободской задал первый вопрос:

– Скажите, пожалуйста, Анатолий Иванович, что вы думаете по поводу листовки с ультиматумом, найденной рядом с телом убитого?

Чекалин покачал головой.

– Видите ли, Михаил Алексеевич, это типичный пример неправильной постановки вопроса. Какая вам, простите, разница, что я об этом думаю? Вопрос не в том, верю я или не верю в существование тайных заговоров, а в том, какую роль играет эта листовка в процессе расследования. Вы понимаете меня? Кстати, даже в тех случаях, когда ответственность за преступление берет на себя какая-нибудь известная и реально существующая террористическая организация, вопрос о том, правда это или нет, все равно остается открытым. Между прочим, сегодня на Петровку позвонил человек, представившийся членом секты «Аум Синрикё», и сказал, что Добрынина убил он.

– О господи! – вздохнул Слободской. – Сумасшедший?

– Скорее всего. Так вот, о листовке. Какую роль она играет в структуре этого преступления? Не из-за нее ли преступник вошел в квартиру? Тут мы подходим к ключевому вопросу: зачем он туда вошел?

– Простите, я не понимаю, – перебил Слободской. – Вошел, чтобы убить...

– Я сейчас говорю не о цели, а о способах ее достижения, – пояснил зампрокурора. – Лично меня тут, честно говоря, многое смущает. В этой истории есть элемент абсурда, а для следствия это всегда большая помеха. С одной стороны, ряд деталей указывает на то, что действовал профессионал. Тип оружия, наличие глушителя, отсутствие отпечатков, оружие брошено на месте преступления – все вполне грамотно. С другой стороны, более традиционный вариант – подстеречь жертву на лестнице, в подъезде, в темной подворотне: Добрынин часто ходил без охраны. Входя в квартиру, убийца создавал себе дополнительные сложности. Зачем?

Я поймала себя на том, что слушаю, раскрыв рот и напрочь забыв о том, что речь идет о реальных и к тому же непосредственно задевающих меня событиях. Было похоже на увлекательный детектив. По-видимому, Слободской испытывал нечто подобное: в глазах у него зажегся огонек азарта, и он предположил, как бы включившись в игру:

– А не могло быть так, что убийство было вариантом на крайний случай? Допустим, он хотел чего-то от Никиты добиться, а не добившись, решил прибегнуть к крайнему средству. Или еще... Может, ему нужно было сначала что-то у Никиты узнать? Или что-нибудь забрать из квартиры?

Он говорил лихорадочно быстро, совершенно выйдя из обычной роли степенного, рассудительного и немного ироничного ведущего. Чекалин слушал его, явно забавляясь. «Хитрый дядька!» – промелькнуло у меня в голове.

– Погодите выдвигать версии, это еще не все, – заявил Чекалин. – Вот вам еще одна странность – маска. И это уже решительно невозможно понять. У Добрынина в квартире стоял компьютерный пропускник. Это значит, он мог видеть всякого звонящего в дверь на экране. Наконец, в двери есть глазок. Теперь представьте себе: Добрынин видит человека в маске и преспокойно открывает ему дверь. Абсурд? Абсурд! Другой вариант: человек вошел без маски, потом надел ее и выстрелил. Зачем он ее надел? Абсурд? Абсурд!

– Н-да, – процедил Слободской. – Действительно...

– Вернемся к листовке, – продолжал Чекалин. – Она отпечатана на принтере, отпечатков пальцев нет – опять-таки все грамотно. Скотч, которым она приклеена к стене, брошен тут же. Каждое лишнее действие, которое совершает преступник на месте преступления, увеличивает степень риска. Если он счел необходимым задержаться и наклеить листовку, значит, это было для него чрезвычайно важно. А вот что за этим стоит: действия тайной организации, маскировка или провокация – это нам как раз и предстоит выяснить.

– Ваша версия?

– Пока не могу сказать ничего определенного. Я для того и стараюсь показать вам, как все непросто, чтобы вы поняли: торопить нас нельзя.

– И все-таки, каковы, с вашей точки зрения, наиболее вероятные мотивы убийства?

– Да сколько угодно! Это могло быть связано с деньгами, с бизнесом, с конкуренцией, с рекламой – словом, с деловой сферой. Это могла быть ревность –

у Добрынина была бурная и непростая личная жизнь. Это мог сделать маньяк-поклонник – бывает и такое. И так далее... Не говоря уж о листовке, которая предлагает свою версию, но – заметьте! – наличие листовки отнюдь не опровергает перечисленных вариантов. Кто угодно мог использовать ее для отвода глаз. Даже среди маньяков иногда попадаются на удивление расчетливые люди.

– Скажите, правильно ли я понимаю, что этот журналист, тренер Добрынина, обнаруживший труп, – вне подозрений?

– Абсолютно. Эксперты определили время убийства – между двумя и тремя часами дня. На это время у него – стопроцентное алиби.

Некоторое время они беседовали о том, какие силы задействованы в расследовании, попутно то и дело съезжая на проблемы правоохранительных органов в целом. Потом Слободской сказал:

– Большое спасибо, Анатолий Иванович. Теперь – самый последний вопрос. Я уже говорил, что до разговора с вами мы не могли добиться от работников правоохранительных органов никакой информации. Свой отказ разговаривать с нами они мотивировали тайной следствия. Почему вы согласились прийти к нам и почему говорили так откровенно?

– Н-ну, видите ли... – протянул зампрокурора. – Тайну следствия, конечно, никто не отменял, но ведь я, по сути дела, не сказал вам ничего такого, чего бы вы не знали или до чего не могли бы додуматься сами. Я просто предложил вам подумать вместе со мной, так сказать, поупражняться... Кроме того, я уже третий день слышу о грядущем журналистском расследовании – так уж лучше я сам сообщу все, что вам можно знать!

– Еще раз большое спасибо за беседу, Анатолий Иванович, – сказал Слободской. – Хотя не могу отделаться от ощущения, что вы обвели меня вокруг пальца.

– Не за что, – невинно ответил Чекалин. «Силен мужик! – подумала я. – Конечно, обвел – и еще как! Заставил поиграть в детектива, проанализировать известные факты и оставил у всех чувство глубокого удовлетворения. Здорово!»

Если чекалинские ребусы позволили мне временно отрешиться от реальности, то следующая передача немедленно и безжалостно окунула меня в нее с головой.

– Сегодня в ряде мест состоялись митинги, связанные со смертью Никиты Добрынина, – сообщила дикторша без обычной улыбки. – К сожалению, кое-где не обошлось без эксцессов.

На экране возникла площадь, до отказа забитая народом. Перед толпой, на импровизированной трибуне, возвышался здоровенный детина в майке с изображением Храма Христа Спасителя, с длинными, развевающимися по ветру волосами. «Нам хотят заморочить голову! – выкрикивал он. – Нам врут в лицо, говоря, что мотивы убийства неизвестны! Не выйдет! Мы не допустим очередного геноцида русского народа!» Тут картинка сменилась, и вместо этой площади возникла другая. На ней была уже не толпа, а небольшая горстка людей. Пожилой человек с сумасшедшими глазами, захлебываясь и размахивая руками, говорил в микрофон: «Все это не ново, все это хорошо знакомо! Чудовищные предрассудки живучи, а у нас всегда любили искать козлов отпущения! Неужели сейчас, в конце двадцатого века, в стране, которая считает себя цивилизованной, возможно повторение дела Бейлиса?! Этого нельзя до-

пустить!»

На третьей площади юноши и девушки в черных траурных майках сидели прямо на асфальте в гробовом молчании, а из какого-то невидимого глаза усилителя несся голос Никиты Добрынина. Потом камера снова показала первую площадь, а может, и не первую, а какую-то другую, но с митингом аналогичного содержания. Я никак не могла разглядеть окружающих зданий и понять, где происходит дело. Вдруг кто-то громко заорал: «Мерзавцы!» По-видимому, это относилось не к масонам, а к митингующим, потому что тут же, как по команде, началась драка. И снова все то же самое – ОМОН, крики, мат... Потом все это исчезло, и на экране появился человек в костюме и галстук, с усталым и растерянным лицом. Подпись в нижней части экрана гласила: начальник ГУВД Москвы Андрей Николаевич Снегирев. «Обстановка в городе в целом нормальная, – сообщил он без всякого энтузиазма. – Мы полностью контролируем ситуацию. И все-таки, – тут голос его слегка оживился, – мне бы очень хотелось попросить граждан опомниться, успокоиться и вернуться к нормальному образу жизни!»

«Как же, жди!» – злобно подумала я и переключила телевизор на другую программу. Тут выступал митрополит Стефаний. Честно говоря, сама бы я его не узнала, но на экране время от времени появлялась подпись.

– Братья и сестры! Мы пережили большую трагедию, – сказал он, сильно налегая на «о». – Гибель Никиты Добрынина – наше общее горе. Так давайте же нести его вместе! Не допустим раскола нашего многострадального общества. Не нужно вражды! Злым силам наша вражда будет только на руку. Поймите это и, поняв, смирите свой гнев.

«Далеко же дело зашло! – подумала я. – С каких это пор смерть рок-певца – трагедия для православной церкви? То есть, конечно, всякая гибель – трагедия, но они же не каждый раз выступают. Стало быть, надо народ успокаивать. Только вот зачем это он насчет «злых сил»?»

В это время зазвонил телефон. Я приглушила звук и сняла трубку. Это был Костя. Кажется, впервые за все время нашего знакомства я не обрадовалась его звонку. Скажу больше: все эти дни я его боялась. Мне предстояло сообщить Косте пренеприятное известие о том, что наша поездка, по всей вероятности, срывается. А ведь он мечтал о ней не меньше, чем я! Сперва у меня не поворачивался язык, и на вопрос: «Как дела?» – я малодушно ответила: «Нормально». Совсем как в Америке: How are you? – Just fine! Но когда, после ласковых слов и приветствий, Костя сказал, что приедет в конце недели, а там уж и до нашего отъезда рукой подать, я поняла, что отступить некуда.

– Костя, – жалобно начала я, – все осложняется. Меня попросили не уезжать из Москвы... Следовательно...

– Та-ак... – мрачно протянул он. – Хорошенькое дело! Что ж, винить некого, кроме себя. Нечего было оставлять визитные карточки где попало.

– К-карточки? – заикаясь, переспросила я. Он помолчал секунду и сказал:

– Ну да, карточки. Знаешь, как собачка.

Я поняла, что он имел в виду. Не надо было ходить черт знает куда, не надо было забывать записную книжку, не надо было возвращаться за ней в пятницу – не надо было «метить территорию». Это была шутка, но она показалась мне до такой степени обидной, что я чуть не заплакала. По-видимому, он понял, что переборщил, и заговорил более мягко:

– Ладно, Ирочка, всякое бывает. Приеду – решим, как быть.

– Хорошо, Костя, – сказала я. – До свидания.

Только положив трубку, я сообразила, что так и не знаю, когда именно он приезжает. Впрочем, плюс-минус один-два дня роли не играли. Соскучиться я, как ни странно, еще не успела. Должно быть, потому, что мне было совершенно не до того. Этот телефонный разговор ужасно меня расстроил. Конечно, глупо было ожидать, что Костя обрадуется, услышав про мои новости, и все-таки мне казалось, что он мог бы быть... даже не знаю... великодушнее, что ли...

Потом пришла мама, мы поужинали, поболтали, и я отправилась спать. Звонок Антона и его просьба напрочь вылетели у меня из головы.

Глава 10

В четверг утром я, наконец, отправилась на работу. Мне казалось, что я не была там тысячу лет. Эффект известный: тебе кажется, что ты отсутствовала годами, что за это время произошла масса событий, а без тебя все шло обычным порядком, и твоего отсутствия никто толком не заметил. В издательстве кипела работа. Основные силы были брошены на Никитину книжку, которую переделывали ударными темпами. Собственно говоря, ее не переделывали, а делали заново. Во-первых, шеф вставил туда все стихи с новой дискеты, которую Никита, оказывается, успел-таки передать ему в пятницу. Во-вторых, макет решено было сделать совсем по-новому. В общем, всю эту историю перевели на деловые рельсы, эмоциям места не было – к большому моему удовлетворению. Все куда-то бегали и что-то выясняли.

«Скажите, наконец, портрет в рамке или без рамки?» – надрывался главный дизайнер.

Ко мне вся эта суэта отношения не имела: шеф распорядился не трогать меня. Он щадил мои чувства, а мне его гуманизм был только на руку – я села за компьютер и стала править собственный перевод. Никто мне не мешал, никто не отвлекал. Правда, раза два ко мне подходила Лиля – одна из тех компьютерных девушек, чей разговор я нечаянно подслушала в понедельник. Та самая, которая говорила про «короткий поводок». Вид у нее был растерянный и какой-то побитый – я, грешным делом, даже подумала, что она хочет попросить прощения, тем более что вопросы, с которыми она ко мне подходила, не имели решительно никакого смысла и больше всего походили на предлог пообщаться. Хотя за что, собственно, извиняться – за дурные мысли? Она ведь не знает, что я слышала их разговор. И что мне, в конце-то концов, за дело до странностей ее поведения!

Не могу сказать, что я много наработала – мысли мои все равно витали неизвестно где. Но зато почти целый день прошел без приключений – в последнее время я научилась ценить такие вещи.

А дома меня ждал приятный сюрприз. Первое, что я увидела, войдя в квартиру, были неразобранные чемодан и сумка, брошенные прямо в коридоре. «Приехала!» – возликовала я. Маринка выскочила мне навстречу босиком, завернувшись в купальное полотенце, загорелая и веселая.

– Пришла за пять минут до тебя, – сообщила она телеграфным стилем. – Помыться, переодеться, поесть. Потом разговаривать!

Она чмокнула меня в щеку и унеслась обратно в ванную, а я пошла на кухню, где мама уже разогревала ужин. И странное дело – ведь ничего в моем положении не изменилось, и разговор с Костей продолжал висеть на сердце мертвым грузом, а все-таки стало гораздо веселее!

Через пятнадцать минут сестра появилась на кухне в моем халате, с тюрбаном из полотенца на голове.

– Сначала ужинаем, потом идем в комнату и спокойно все обсуждаем, – предложила она, усаживаясь за стол, – идет?

– Идет, идет. – Я была согласна на любые варианты.

В кухне стоял второй телевизор, маленький. Маринка, не вставая, протяну-

ла руку и щелкнула выключателем.

– Мы там слушали радио, так что, в общем, я в курсе, – сказала она. – Послушаем, что новенького?

– Давай, – без всякого энтузиазма согласилась я. – Хочешь, скажу заранее, что сейчас покажут? Для затравочки – какой-нибудь митинг...

Я ошиблась совсем чуть-чуть. На этот раз показали не митинг, а какое-то шествие с плакатами типа «Спасай Россию!». Первая часть была деликатно опущена, надо думать, потому, что слишком уж прямо подходила под какую-то там статью Уголовного кодекса. «Манифестанты перекрыли движение на Тверской улице, – сообщил ведущий программы новостей. – Милиция была вынуждена применить силу. Произошли столкновения». На экране возникла печально знакомая картинка. Чей-то истерический голос прокричал: «Братцы-менты! Вы же русские люди!» Потом все окончательно смешалось в кучу, как в известном стихотворении Лермонтова, а на экране снова появился ведущий и сказал: «Московская мэрия объявила, что не дает санкции на проведение в ближайшие дни митингов и демонстраций, связанных со смертью Никиты Добрынина. Все такого рода мероприятия будут считаться незаконными».

– Да-а, не слабо, – протянула сестра. – Весело у вас тут!

– Куда уж веселее! – откликнулась мама. – Между прочим, по другой программе скоро круглый стол на ту же тему.

– Ладно, – сказала Маринка. – Стол – так стол. Придется смотреть. Ты доела? Может, пойдём пока поболтаем?

Мы перебрались ко мне в комнату. Я по привычке устроилась в кресле, а сестра растянулась напротив меня на диване.

– Сейчас начну, погоди, дай сосредоточиться, – попросила я. – Значит, так... В пятницу вечером Никита пригласил все наше издательство на пьянку...

Я старалась рассказывать как можно подробнее, не упуская ни одной мелочи, и в конце концов осталась собой довольна. Вроде бы ничего не забыла...

Теперь дело было за сестрой. Она перевернулась на спину, закинула руки за голову и вперила взгляд в пространство. Честное слово, мне померещился запах трубочного табака. Минут пять прошло в полном молчании. Мне они, разумеется, показались вечностью. Потом сестра перевернулась на бок, приподнялась на локте, внимательно посмотрела на меня и сказала:

– Я сделала заключение...

– Ну и? – я сторала от нетерпения. – Ты хочешь сказать, что догадываешься, кто это сделал?

– Догадываюсь...

– Кто?

– Скорее всего – ты.

– Кто-кто? – Я решила, что у меня начались слуховые галлюцинации.

– Ты. «Вы и убили, Родион Романович, больше-то некому!»

– Очень интересно! – прошипела я, сдерживаясь из последних сил. – Просто очень! Поподробнее, пожалуйста!

– Пожалуйста. Мотив у тебя был? Был. Никита уже успел отвадить от тебя трех мужиков – теперь ты боялась потерять четвертого. Возможность была? Была. Тебя бы он не задумываясь впустил в квартиру. И, наконец, главное: ты сама говоришь, что записной книжки при осмотре квартиры не обнаружили.

Значит, кто-то ее забрал. А кому это нужно было делать, кроме тебя?

Последний раз мама видела такое лет пятнадцать назад, а то и больше. Когда она прибежала на шум, мы клубком катались по полу, причем сестра молча сопела, а я непрерывно визжала. Глаза у мамы вылезли на лоб от удивления, она схватила нас за шкирки, как щенков, и растащила по разным углам. Потом она принесла примочки, мази и успокоительные капли, распределила их между нами и потребовала объяснений.

– Дело в том, что моя сестрица шуток не понимает, – сварливо заявила Маринка. Вид у нее, впрочем, был несколько виноватый.

– Она... она... она сказала, что это я убила... – я задыхалась от возмущения.

– Марина, ты в своем уме? – укоризненно спросила мама.

– Я думала, она встряхнется – я же вижу: она не в себе! И потом – отличная версия...

– Видишь? Видишь? Она опять! – завопила я.

– Успокойся, детка, – сказала мама. – А ты, детка, – она повернулась к Марине, – все-таки думай, что делаешь. Ирочке так досталось – естественно, ей не до шуток!

– Ладно, – согласилась сестра. – А между прочим, посмотри на нее – она уже лучше выглядит! Ну хорошо, хорошо, солнышко, я больше не буду, ну прости меня, пожалуйста! Начнем сначала?

– Нет уж, – угрюмо пробурчала я. – Мне надо отвлечься. Пошли посмотреть круглый стол. Потом поговорим.

– Ничего себе развлечения! – фыркнула сестра.

Круглый стол оказался чрезвычайно солидным мероприятием. Камера переезжала с одного известного лица на другое. Политики, журналисты, главные редакторы газет и журналов, ректор одного из модных университетов и даже министр культуры... Среди прочих я с удивлением обнаружила собственного начальника Юру. «Вроде он не настолько популярная личность, чтобы выступать на таких посиделках», – подумала я. Ситуация прояснилась, когда ведущая, известная тележурналистка Лина Яковлева, обратилась к нему с вопросом:

– Скажите, правда ли, что в вашем издательстве выходит книга стихов Никиты Добрынина?

– Книга выйдет в самое ближайшее время, – с гордостью сообщил шеф. – В ней будут представлены не только тексты всем известных песен Добрынина, но и новые, никому не известные стихи и песни, которых мы никогда не слышали и теперь уже, увы, не услышим. Перед самой смертью Никита передал мне дискету с новыми произведениями. В книге будет много фотографий...

Но этот разговор состоялся ближе к концу передачи, когда ведущей стало необходимо разрядить обстановку, а до тех пор я пребывала в недоумении: с чего это его туда позвали?

Мероприятие началось с выступления главного редактора популярного еженедельника «События и мнения». Он говорил спокойно, вальяжно и рассудительно, приветливо улыбаясь всем присутствующим. Основной смысл его выступления был примерно следующий: мы все здесь собравшиеся – разумные люди, и все мы, конечно же, понимаем, что никаких тайных заговоров не существует. Однако предрассудки в народе еще достаточно сильны, что усугубляется сложностью экономической ситуации в стране. Наша – властителей

дум – основная задача состоит в том, чтобы, используя наши печатные органы и телевидение, как можно более доходчиво объяснять массам всю чудовищную нелепость и дикость подобных предрассудков.

Он призывал к консолидации усилий и к сотрудничеству. Однако следующий же оратор полностью разрушил благостную атмосферу. Это был главный редактор журнала «Соратники», плотный мужчина лет сорока, с длинными русыми волосами, похожий на попа.

– Знаете, коллега, – заявил он, – я в себя не могу прийти от изумления! Да кто ж вам сказал, что все присутствующие разделяют вашу точку зрения? Я, например, ее не только не разделяю, но считаю ваше выступление в лучшем случае безответственностью, а в худшем – провокацией!

– Позвольте... – попытался вклиниться первый оратор.

– Погодите, дайте договорить! Я вообще не понимаю, что происходит. Совершенно страшное преступление, причем мы имеем дело с редким случаем, когда злодеи не прячутся, а прямо заявляют: это сделали мы. Мы убивали и будем убивать! И что же? Вместо того чтобы обличать злодеев, помогать искать следы их преступной организации, наша так называемая интеллигенция начинает вопить, что этих злодеев просто не существует. И ладно бы только интеллигенция! Но ведь этот бред повторяют кое-кто из власть имущих и даже некоторые следователи! Стыдно, господа! Довольно прятать голову под крыло! Каких вам еще доказательств?!

– А вы отдаете себе отчет в том, что эти «доказательства» с тем же успехом могли быть подброшены вашими молодчиками из «Слава Отечеству», или как их там? – врубился в склоку ректор университета.

– Ну ясное дело: видишь – белое, говори – черное! – выкрикнул кто-то.

С этого момента все пошло вразнос. Все стали орать одновременно, перебивая друг друга.

– А вы знаете, что делается в городе?!

– А вы дольше пудрите людям мозги – еще не то будет!

– Народ у них темный! Да этот народ еще нас с вами поучить может!

– Вы что, погромов хотите?!

– Нет, это вы хотите, с вашей страусиной политикой!

Словом, кошмар. Вот тут как раз ведущая и обратилась к Юре, предварительно минут пять позвеневав колокольчиком и с трудом добившись относительной тишины. Юрино выступление перестроило присутствующих на сентиментальный лад, и страсти немного поулеглись. Время передачи подошло к концу, к явному облегчению Лины Яковлевой, которая, несмотря на весь свой опыт руководства телебаталиями, выглядела немного растерянной. Министр культуры сказал напутственное слово о том, что наш долг – беречь российскую культуру, и передача закончилась.

На мой взгляд, телепечатлений на сегодняшний день было более чем достаточно. Но сестра, уже вставая, машинально нажала на кнопку переключателя. По другой программе выступал маленький, толстый и грустный раввин.

– Не верьте провокаторам, – говорил он, – не верьте злобным наветам. Позор дела Бейлиса пал на головы тех, кто его затевал. Мы не совершаем ритуальных убийств. Эта ложь выгодна злым силам, которые хотят свалить на нас ответственность за все беды, которые происходят вокруг. На этой лжи можно нажиться, можно составить политический капитал... Не верьте!

«Надо же, и этот про злые силы!» – подумала я, вставая и следуя за сестрой, которая решительно направилась на кухню – там можно было курить. Для меня этот массированный просмотр телепередач имел по крайней мере один положительный эффект: Маринкиного карнавального настроения как не бывало. Она сделалась серьезной и сосредоточенной.

– Между прочим, – сказала я, – в твою замечательную «концепцию» не влезают кое-какие факты. Например, e-mail.

– Да, e-mail... – задумчиво согласилась сестра. – E-mail, честно говоря, вообще никуда не влезает... Ни в какие ворота... Понимаешь, очень трудно рассуждать, не имея никакой информации. Может, они там чего-то уже нарыли, но мы-то узнаем только то, что нам скажут по телевизору. Следствие по телевизору – такого в мировой криминалистике еще не бывало...

– А ты не можешь... через своих знакомых?..

– Нет-нет, Ириша, забудь. Не тот масштаб.

– Давай все-таки порассуждаем, – жалобно взмолилась я.

– Ну давай. Начнем хоть с этих, как их... с Алены и с Агнии. У обеих были к нему претензии. Но ты права – похоже, что они ушли одновременно...

– Но ведь могли вернуться.

– Могли. Как и ты...

– Дура!

– Ладно... Мог ли кто-нибудь из них налепить листовку? Сомневаюсь. Убийство из ревности с таким антуражем – это как-то уж очень не типично. Что касается Агнии, то у нее, как я понимаю, хватило бы денег нанять киллера-профессионала и не устраивать представлений. И вообще не влезать в это дело самой. Скорее всего, узнав об убийстве, они действительно сговорились покрывать друг дружку, чтоб их не впутали в это дело, если... если, конечно, все, что ты видела, не было спектаклем для одного зрителя, а именно – для тебя. Возможно, они заранее договорились обделать это дело на пару. Когда Никита выпускал свою бабу, их не было... Но это ничего не значит. Могли где-нибудь прятаться'... А в общем, все это совершенно не похоже на правду. Агния, повторяю, наверняка могла решить свои проблемы более легким путем. Кстати, ты не догадываешься, кто у него ночевал?

– Нет, я же тебе говорила. Скорее всего, кто-то из наших, я почти уверена, но кто именно – понятия не имею.

– Хорошо бы выяснить, Ирочка. Она может что-нибудь знать, могла, например, слышать, как он с кем-нибудь договаривался. Да мало ли что... Это как раз тот кусок информации, который мы могли бы добыть сами, понимаешь?

– Понимать-то я понимаю, – ответила я. – Только как ты это себе представляешь? Мне что, подходить ко всем подряд или объявление дать?

– Н-не знаю. Надо подумать. Как-нибудь наверняка можно... Теперь – гадалка. Откуда она взялась? С чего это ей вздумалось ловить клиентов не на улице, где полно народу, а в пустынном дворе? Предсказала она вам с Аленой, как я понимаю, одно и то же: не ходите сюда – хуже будет. Специально отваживала людей от Никитино дома? Зачем? Расчищала для кого-то территорию? Станный способ! И довольно бессмысленный. Вот что интересно: почему тебе померещилось в ней что-то знакомое? Никак не можешь понять – что?

– Никак, хоть ты тресни. Теперь еще меньше, чем раньше. Тогда мне казалось: вот-вот поймаю – а сейчас и этого нет.

– Одно из трех, – предположила сестра. – Либо ты ее где-то видела, либо она была на кого-то похожа, либо она сказала что-то такое, что ты уже где-то слышала, или что-то, что вызвало у тебя определенную ассоциацию...

– Да нет же! Не видела, не похожа, а говорила она только то, что я тебе пересказывала. «Не ходи сюда, беда будет» и так далее. Ничего я такого никогда не слышала... погоди, погоди, вот опять, – я сжала руками виски, пытаюсь не выпустить что-то проскользнувшее в сознании. Не мысль даже, а так, ощущение. – Вот она говорит: «Беда будет»... Сейчас поймаю... Черт, нет, не могу! Опять упустила...

– Ладно, Ирка, не напрягайся, – сказала сестра. – Все равно сегодня мы уже ничего не придумаем. Сегодня наша задача – собрать как можно больше информации к размышлению. Например – листовка. Отличный материал, чтобы поразмыслить. Какому убийце могло понадобиться ее вешать? Тут мы имеем три варианта. Первый: убийца – масон, и все сказанное в листовке – правда. Второй: убийца провокатор, условно – антисемит. И, наконец, третий: убийство носит, так сказать, «частный» характер; листовка повешена для отвода глаз. Так?

– Так, – согласилась я.

– Поехали дальше. Мы бы, чего греха таить, предпочли третий вариант. Это, конечно, не очень прилично – рассуждать о предпочтениях в такой ситуации... ну да ладно. Так вот, беда в том, Ирка, что этот вариант наименее вероятен.

– Почему-у? – разочарованно протянула я и тут же подумала, что капризничаю, как ребенок, оттого что убийца – не тот, что мне надо. Полный абсурд!

– Против третьего варианта свидетельствует само наличие листовки, – изрекла сестра.

– Пардон, дорогая, – перебила я. – Это что-то уж слишком изысканно. Мой слабый ум не выдерживает...

– А ты слушай! Что значит: для отвода глаз? Это значит: для обеспечения личной безопасности. Но для личной безопасности ему должно было быть гораздо важнее как можно скорее оттуда смыться, а не возиться со скотчем, понимаешь?

«А ведь Чекалин говорил то же самое...» – подумала я.

– Больше того. Встает вопрос: не из-за листовки ли он вошел в квартиру, – словно прочитав мои мысли, продолжала она, почти в точности повторяя рассуждения заместителя прокурора. – Конечно, ее можно было пристроить и другим способом: например, сунуть убитому в карман, приколоть к одежде и т. п. То есть теоретически это можно было сделать, не входя в квартиру. Но только теоретически. Убийца, стреляющий где-нибудь в подъезде, ни в коем случае не станет задерживаться, да еще возиться с трупом. Ведь в любую минуту может кто-нибудь появиться. В этом смысле в квартире он был в большей безопасности. Но, повторяю, только в этом смысле. Если бы он мог позволить себе не связываться с листовкой, гораздо безопаснее было бы в квартиру не входить. А он, видимо, не мог. Похоже, что без листовки все мероприятие теряло смысл. Уф-ф! Поняла?

– Угу, – грустно кивнула я. – Значит, что же?

– Встает классический вопрос: *cui bono*? – важно сказала сестра. – Масонам – *bono*? *Bono*. Это все в листовке сказано. Патриотам – *bono*? *Bono*. Ажиотаж, ми-

тинги эти бесконечные, популярность возрастает во сто крат, вообще под эту марочку много чего провернуть можно. Так? Так. Но я тебе больше скажу. Патриоты – это только один вариант, а есть и другие.

– Например?

– Например... Шахтеры бастуют, учителя – тоже, зарплату не платят, рубль падает, кризис... ну и так далее...

– Ты хочешь сказать?..

– Я хочу сказать, что иногда Джек-потрошитель бывает власти очень кстати. Все отвлекаются... И вообще... Вдруг это он ворует зарплату?

В кухню вошла мама и остановилась у окна, слушая наш разговор.

– Ну и, кроме того, – продолжала сестра, – это могло быть *bono* ревнивым бабам, конкурентам, мафиози, маньякам и так далее и тому подобное.

– Знаешь, Мариша, – мрачно сказала я, – чего я никак не могу понять... Живет себе человек, живет... Ничего особенно плохого не делает. И вдруг выясняется, что убить его выгодно чуть ли не всем на свете. Получается, что он всем мешал...

– Нет, – неожиданно вмешалась мама. – Ты неправильно рассуждаешь. У убийства может быть два мотива...

– То есть как? – изумилась я. – Не два, а двадцать два. Жадность, ревность, зависть, месть... Маринка, помогай!

– Я не так выразилась, – отмахнулась мама. – Не два мотива, а два... не знаю, как назвать... два типа мотивов, что ли. Человека могут убить, чтобы устранить помеху, – это раз. А еще могут убить, если кому-то он нужен мертвым, а не живым.

– Стой, стой! Это здорово! – воскликнула сестра.

– Ну, знаете! – возмутилась я. – Послал мне бог семейку! Ты, – я ткнула пальцем в маму, – мисс Марпл, а ты – Ниро Вульф!

– Ты намекаешь на мой вес? – осведомилась сестра, которая ужасно боялась растолстеть.

– И на мой возраст? – подбросила жару мама, которая в свой полтинник выглядела нашей старшей сестрой.

– Я еще не так намекну, – бушевала я. – Хватит с меня ваших премудростей! Я ничего не понимаю! Если вы такие умные, то скажите – что мне делать?!

– Всему свое время, – авторитетно заявила сестра. – Перескажи мне еще раз ваш с Никитой телефонный разговор.

– Он спрашивал про записную книжку, – добросовестно начала я, – говорил про акrostих, про гастрологи... Тьфу! Я же забыла про Антона!

– Какого Антона? – удивилась сестра. Я забыла не только позвонить в Будапешт, но и рассказать сестре про Антона и пропавших агентов. А мне-то казалось, что я не упустила ни малейшей детали!

– Балда! – сказала я вслух. – Вот балда! Не ты, не ты, а я! Сейчас объясню...

Я поспешно изложила Маринке еще и этот сюжет.

– Ну так что же ты? – спросила она. – Иди звони.

– Поздно, наверное... – засомневалась я.

– Не поздно. У них на два часа меньше, чем у нас.

Я пошла звонить. Довольно долго никто не подходил, потом включился автоответчик. Приятный мужской голос сообщил, что я позвонила по такому-то номеру, и предложил оставить сообщение. Я назвала свое имя, сказала, что

звоню из Москвы, и попросила Ласло Лендела – точнее Лендела Ласло – перезвонить мне, если будет возможность. Потом я продиктовала свой телефон и положила трубку. Почему я оставила свой номер, а не Антона – убейте, не знаю! Возможно, подсознательно мне хотелось получать информацию из первых рук. Во всяком случае, Маринка меня не осудила, а даже похвалила.

Уходя спать, она сказала задумчиво:

– Ты подумай, я уже две недели не в курсе твоей личной жизни – и даже не спросила тебя, как Костя. Вот до чего доводят преступления!

– Об этом потом, – быстро проговорила я. У меня не было настроения рассказывать о Костином звонке.

– Хорошо, потом, – кротко сказала сестра. – Спокойной ночи. Пойду спать и думать.

– А о чем ты будешь думать в первую очередь?

– В первую? В первую – о «шантаже».

– Почему?

– По двум причинам. Понимаешь, во-первых, нам нужно развести две задачи, отделить их друг от друга. Одна задача – понять, кто убийца, вторая – очистить тебя от всех и всяческих подозрений. Решения первой для решения второй достаточно, но не необходимо. Так что лучше начать с того, что касается непосредственно тебя. А во-вторых... Как тебе сказать... Этот «шантаж» – загадка в чистом виде. Можно сколько угодно повторять, что эта запись – чистейшая нелепость. Но ведь она существует, а значит, этому должно быть какое-то объяснение.

То ли потому, что я свалила с себя часть ответственности, то ли еще по какой причине, но эту ночь я спала как убитая.

Глава 11

Проснувшись утром, некоторое время валялась в кровати, решая, идти мне на работу или нет. С одной стороны, пятница – мой свободный день. С другой – я и так прогуляла почти всю неделю. А с третьей стороны, они все там заняты Никитиной книжкой, а свой перевод я могу с тем же успехом править и дома. В конце концов приняла компромиссное решение: на работу пойти, но не с утра, а часам к двум. Успокоившись на этом, я вылезла из кровати, умылась и двинулась на кухню, прямо на дразнящий запах только что сваренного кофе. Мама с сестрой сидели за столом, пили кофе и чинно беседовали, причем сестра устроилась сразу на двух стульях: на одном – пятая точка, на другом – ноги.

– Всем привет! – сказала я, снимая Маринкины ноги со стула и усаживаясь на него сама. – Как спалось, как думалось?

– Спалось хорошо, думалось хуже, – призналась сестра.

– Значит, с «шантажом» никакого прогресса? – огорчилась я.

– Как тебе сказать... Скорее нет. Была у меня ночью одна мысль... Знаешь, как бывает: во сне ужасно доволен, а проснешься – нет, не то. Во всяком случае, не совсем...

– Но ты все-таки скажи! – попросила я.

– Скажу, скажу, не волнуйся! Мысль была философская. Ясно?

– Конечно нет.

– Сейчас разовью. А ты следи, хотя предупреждаю: по-моему, получается чепуха. Итак. Насколько мы можем судить, в реальном мире этой записи про шантаж ничего не соответствует. Так?

– Так, – согласилась я. – Только, пожалуйста, без мистики!

– Никакой мистики. Не перебивай. Итак: ничего не соответствует... Однако запись сделана, и с этим нельзя не считаться. Возможно, ей найдется соответствие в мире словесном. Ясно?

– Пока нет.

– Что если он имел в виду не шантаж как действие, а слово «шантаж»?

– Ага! – воскликнула я. – Слушай, это здорово! Значит, он хотел меня спросить... Что он хотел меня спросить?

– Вот! – грустно сказала сестра. – Тут опять начинается чепуха. Что он хотел спросить: что такое «шантаж»? Это, я думаю, он и сам знал. От какого слова он происходит? Возможно, но зачем? Как-то странно... Как будет «шантаж» на каком-нибудь иностранном языке?

– Вот именно! – радостно подхватила я. – Его шантажировал какой-нибудь иностранец. И, между прочим, тут опять всплывают эти пропавшие агенты! Все сходится!

– Что? Ну что тут сходится? – охладила мой пыл Маринка. – Как раз ничего не сходится. Я не знаю, на каком языке он с ними общался. Допустим, на иностранном. Допустим, ему понадобилось слово «шантаж». Он что, в словаре посмотреть не мог? Записать на бумажке, с тем чтобы когда-нибудь потом позвонить и спросить... Похоже на правду?

Пришлось признать, что совершенно не похоже. И вдруг меня осенило.

– Маринка! – воскликнула я в страшном возбуждении. – Тогда, по телефону, он сказал, что у него ко мне лингвистический вопрос!

– А говорила, что все рассказала! – возмутилась сестра.

– Забыла, прости дуру, всего не упомнишь!

– Ну ладно, шут с тобой! Рассказывай, что именно он сказал. Только уж, пожалуйста, постарайся ничего не забыть!

– Да там, собственно, и рассказывать нечего. Сказал, что у него вопрос, потом сказал: ладно, в другой раз, лень за бумажкой идти...

– Не годится, – помрачнела сестра. – Опять чепуха.

– Почему?

– Ты что, думаешь, он не в состоянии был запомнить слово «шантаж»? При чем тут бумажка? Значит, какая-то другая бумажка... Кстати, неплохо бы у него в квартире осмотреться. Вдруг что-нибудь... Но туда ведь не попадешь...

– Еще как попадешь. Я не только могу, но и должна туда попасть, – заявила я. – И хорошо, что ты мне напомнила, а то цветы бы засохли. Если уже не засохли... Их неделю не поливают.

В ответ на удивленный взгляд сестры я рассказала о Люськиной просьбе.

– И когда ты собираешься? – поинтересовалась Маринка.

– Категорически сегодня. Я тебе говорю: они вот-вот засохнут, если уже не засохли. Последний шанс. Поедешь со мной?

– Вечером я иду в театр, – сказала сестра. – Поедем прямо сейчас, хочешь?

– Не хочу, – подумав, ответила я. – Лучше поеду вечером, попозже, чтобы ни с кем не столкнуться.

– Девочки! – крикнула мама, которая минут пять назад вышла в гостиную. – Сейчас будут передавать обращение президента.

– У-у! – сказала сестра и включила телевизор.

Президент, сидевший на фоне государственного флага, сообщил, что сильно обеспокоен общественной атмосферой и настроениями сограждан, и минут пятнадцать рассуждал об уважении друг к другу, многонациональном обществе и цивилизованных нормах поведения. Сразу после его выступления начались новости.

– Члены американского Конгресса выразили озабоченность по поводу событий, происходящих в России, – сообщил ведущий. – Они призывают российские власти принять все меры, чтобы остановить поднимающуюся волну национальной розни...

– Ух ты! – сказала сестра. – «Все выше, и выше, и выше...»

Я взглянула на часы и пошла собираться. Не успела накрасить один глаз, как сестра снова позвала меня к телевизору. Глаза у нее были вытаращены от изумления.

– Ты послушай, что они говорят! – воскликнула она.

– ...произошло в среду, – сказал корреспондент. – Во всяком случае, со среды его никто не видел. В пять часов вечера он покинул редакцию газеты, сказав сотрудникам, что едет домой. Однако дома он не появился. До сего момента он не появлялся ни дома, ни на работе. Во вторник в газете «Курьер» была опубликована статья Кузнецова «Не верь глазам своим», в которой журналист доказывал, что тайные заговоры – не что иное, как досужие вымыслы. Сотрудники редакции выражают опасения, не связано ли исчезновение Сергея Кузнецова с фактом публикации этой статьи.

– Это ведь тот, который тебя спасал у прокуратуры? – спросила сестра.

– Тот! – сказала я. – Господи, ну мало ли куда он мог деться! При чем здесь статья?!

Подумать только – а я-то надеялась спокойно провести утро! И это еще что: в ближайшее время выяснилось, что сюрпризы только начинаются.

По дороге я заказала себе не думать о Кузнецове – ничего толкового я все равно бы не придумала – и стала размышлять, как бы мне выполнить Маринкино задание и выяснить, кто из наших девиц заночевал у Никиты. В голову лезли идеи одна абсурднее другой. Я бы очень удивилась, если бы знала, как это окажется просто.

Рабочий день складывался так же, как предыдущий. Вплоть до деталей – даже Лиля лезла ко мне со своими дурацкими вопросами, в точности, как вчера. Выглядела она – хуже некуда, осунувшееся лицо находилось в странном контрасте с роскошной «упаковкой». Вчера я не обратила на это внимания, а сегодня подумала: с чего бы? И тут, словно отвечая на мой вопрос, она наклонилась и быстро пробормотала мне в самое ухо:

– Нужно поговорить. Пойдем в курилку. Мы вышли в ту комнату, которая называется у нас в издательстве курилкой, а почему – бог весть: вообще-то курят у нас всюду, где хотят.

– Ира, – с ходу начала она, как будто боясь передумать, – я уже неделю мучаюсь, мне просто необходимо кому-то рассказать... Ты все-таки имеешь отношение...

– Валяй! – сказала я. Особого сочувствия она у меня не вызывала, чего греха таить. Нехорошо, конечно, быть злопамятной, но уж очень я тогда разозлилась.

– Понимаешь, – жалобно пролепетала она, – в ту пятницу я осталась у Никиты...

– Да ну! – радостно воскликнула я. Моя радость относилась к тому факту, что задачка решилась сама собой, но выглядело это, конечно, крайне неуместно. Лиля уставилась на меня в изумлении.

– Это очень важно! – я изо всех сил старалась говорить серьезно и даже строго, хотя при воспоминании о моей первой реакции меня начинал разбивать смех. – Ты что-нибудь знаешь? Может, он с кем-нибудь при тебе разговаривал? По телефону, я имею в виду...

«Кажется, допрос ведут как-то не так, – мелькнуло у меня в голове. – Чего это я наускаиваю?» К счастью, Лиля мечтала об одном – высказаться.

– Вот же, вот! – воскликнула она. – В том-то и дело! Кабы он просто разговаривал! Он не просто разговаривал, а договаривался о встрече, и не с одним, а с двумя.

Желание смеяться пропало.

– Рассказывай! – потребовала я.

– Сначала позвонил Потемкин.

– Кто?

– Какой-то Потемкин. Так Никита его называл: Потемкин и на «вы». Под конец сказал: «Жду вас примерно в половине третьего». И знаешь что? По-моему, он сильно этого Потемкина не любил.

– Откуда ты знаешь?

– Ну слышно же, как человек говорит. И лицо у него было такое какое-то...

перекошенное.

Что-то мне ужасно не понравилось в этой информации. Просто ужасно. Но это «что-то» нипочем не ловилось, не ухватывалось за хвост...

– А второй? – мрачно поинтересовалась я.

– А второму он сам позвонил. Разговаривал вежливо: господин такой-то, господин такой-то. Забыла, как звали. Как-то не по-русски. Прощения просил. Не могу, говорит, пойти с вами обедать, вы уж извините, планы, переменились. Не могли бы вы зайти ко мне домой, где-нибудь в три, минут на десять-пятнадцать... Тот вроде согласился.

«Еврей! – с тоской подумала я. – Это, конечно, тот самый «еврей», про которого он мне говорил. Но, позвольте, он же сказал, что идет с ним в ресторан! Соврал? Но зачем? Мне-то какая разница, в ресторане они встречаются или дома? Уму непостижимо! И потом – израильтянин у него в доме, и как раз в это время... И эта проклятая листовка! Хоть плачь! Может, этот еврей какой-нибудь сумасшедший? Псих-одиночка? Хотя... это мало что изменит... Правоверный еврей не станет стрелять в субботу... А откуда я знаю, что он правоверный? Господи, ну что за чушь лезет в голову!»

– А потом?

– А потом – ничего. Потом он сказал, что на площадке – никого, и я ушла.

– Ты видела меня, Субботину и Агнию? Я имею в виду – на мониторе.

– Нет, я – нет. Никита говорил, что вы стоите на площадке.

«Прокололись со своим алиби! – злорадно подумала я. – Так вам и надо!»

– Я знаю, что нельзя скрывать, – Лиля неожиданно всхлипнула. – Но к следователю я не пойду, хоть убейте! Чтобы в издательстве все узнали? Да ни за что! У меня, между прочим, жених есть... Если он узнает, он меня убьет, и получится эта... как ее?... эскалация насилия.

Я внимательно посмотрела на нее. Придуривается? Да нет, не похоже, плачет по-настоящему. Надо же такое придумать – «эскалация»! Честно говоря, я была совсем не уверена, что мне так уж хочется, чтобы она пошла к следователю. Конечно, терялась возможность доказать, что Алена и Агния врут, и это было плохо... Но с другой стороны, то, что она мне рассказала... Человек из Израиля в сочетании с листовкой... То-то будет вони! Ну хорошо, а если он и правда убийца? Тогда как? Запуталась я... Впрочем, все это были рассуждения в пользу бедных: посылать или не посылать ее к следователю было не в моей власти.

– Ну хорошо, – устало проговорила я. – Не плачь, пожалуйста. Чего ты от меня-то хочешь?

– А ничего, Ирочка, просто поговорить... Поделиться, понимаешь? Не могла я больше сама с собой... А ты этого Потемкина знаешь?

– Нет, – я покачала головой. – Ладно, Лиля, поглядим...

А сама подумала: «Пусть Маринка решает, что делать с полученной информацией. Я задание выполнила...»

Поговорив с Лилей, я заторопилась домой: мне очень хотелось застать сестру до театра и сообщить ей новости. Столкнувшись на выходе с Юрой, слегка смутилась, но он ласково погладил меня по голове и сказал:

– Иди-иди, не беспокойся. Вот кончим книжку, ты нам скажешь свое веское слово, а потом будем работать по нормальному графику.

– А вы думаете скоро закончить? – поинтересовалась я.

– Думаю, на той неделе. Надо успеть. Заказов уже сейчас тьма-тьмущая.

– Отлично! – сказала я, и мы распрощались.

Атмосфера на улицах и правда была какая-то странная. Чуть ли не на каждом углу толпились люди. Некоторые спорили до хрипоты, некоторые угрюмо молчали. Разговоры в транспорте тоже не радовали. Толстая женщина, сидевшая рядом со мной в метро, говорила, обращаясь ко всем сразу:

– Я их терпеть не могу, ненавижу, масонов этих! Сперва они в Ленина стреляли, потом – в Кеннеди, теперь – в Никитушку.

Я достала из сумки книжку и постаралась отключиться.

Сестры, к моему большому огорчению, дома не было – она ушла по каким-то делам и сказала маме, что потом поедет прямо в театр. Поливать цветы я собиралась поздно вечером, так что ехать было еще рано. Налила себе чашку чая и включила телевизор, чтобы узнать, не скажут ли чего-нибудь нового про исчезновение Кузнецова. Новости я, как выяснилось, пропустила. По первой программе передавали запись последнего Никитинового концерта, который прошел в среду, на той неделе. Огромный зал «Лужников» был забит до отказа. Публика – в основном однородная и молодежная. Может быть, именно поэтому камера вдруг выхватила из общей массы и показала крупным планом человека, сидевшего в первом ряду, перед самой сценой, и резко выделявшегося на общем фоне. Во-первых, ему было явно за пятьдесят. Во-вторых, он был не в майке, как все прочие, а в дорогом и элегантном костюме. Волосы у него были черные с проседью, как и усы, в которые он улыбался, что-то говоря своей спутнице на ухо. А спутница... Правда, на этот раз на ней было очень красивое вечернее платье изумрудно-зеленого цвета, и длинные черные волосы красиво ниспадали на плечи, и вообще вид был вполне шикарный, но... – хотите верьте, хотите нет – это была моя цыганка! Их показывали не больше секунды, и все-таки у меня не было ни малейших сомнений.

– Мама! – заорала я диким голосом, тыча пальцем в экран. – Иди сюда, смотри скорее! Там моя цыганка!

– Ирочка! – с тревогой сказала мама, подходя сзади и кладя руку мне на плечо. – Ты бы себя послушала! «Мой следователь», «моя цыганка»... Кто там у тебя еще есть?

– Что значит «еще»?! – рассердилась я. – Ты, например! Я тебе серьезно говорю: только что показали ту самую девку, которая рвалась мне погадать в Никитином дворе. Она сидела в первом ряду, с каким-то шикарным дядей... Никакая она не цыганка! То есть цыганка – может быть, но уж точно не уличная гадалка! Ну и что мне с этим делать?

– Подождем Марину, – предложила мама. – Вот приедет барин, барин нас рассудит...

Без чего-то десять я влезла в джинсы и кроссовки, проверила в сумке ключи от Никитиной квартиры, сунула туда газовый баллончик и двинулась в путь. У Никитинового подъезда, прямо на асфальте, лежало много цветов, частью уже подвядших, но людей, к счастью, не было. Аки тать в ночи, ни с кем не столкнувшись ни в подъезде, ни в лифте, я благополучно добралась до дверей Никитиной квартиры и вставила ключ в замочную скважину. Ключ не поворачивался. «Странно! – подумала я. – Неужели Люська перепутала?»

Я еще раз попыталась его повернуть, потянула дверь на себя, потом, наоборот, слегка нажала, пытаюсь найти правильное положение, и тут дверь откры-

лась. Любой нормальный человек на моем месте задумался бы, почему это произошло, но я была слишком занята мыслями о том, что увижу внутри: например, стерли ли рисунок с пола, и если нет, то как бы мне не смотреть в ту сторону. А дверь? Что дверь! – открылась и ладно! Может, я просто поймала нужное положение.

Войдя, я положила сумку на подзеркальник, зажгла свет в прихожей и сразу отправилась на кухню, где, по Люськиным словам, должна была стоять специальная лейка. Она действительно стояла под раковиной, рядом с мусорным ведром. Я наполнила ее водой и пошла в комнату. Включив свет, я убедилась, что рисунка нет, и занялась поливкой. Растения, надо сказать, были замечательные, и было их очень много. Я приехала как раз вовремя: земля в горшках была совершенно сухая, цветы уже заметно поникли, еще пара дней – и от них бы ничего не осталось. Один длинный, витой росток оказался зажат между дверцами стенного шкафа. Я хотела открыть шкаф и высвободить его, но дверца не поддавалась.

«Заперт», – подумала я, машинально нажимая на ручку еще раз.

И тут меня прошиб холодный пот. При чем здесь – заперт?! Ручка не поддавалась, ручка! Она не поддавалась, потому что кто-то держал ее с той стороны. В какую-то долю секунды я успела вспомнить все истории об убийцах, которых тянет на место преступления, моему внутреннему взору представился хилый юноша с горящими глазами, топчущийся у квартиры Алены Ивановны, – надо было бежать, но ноги прилипли к полу...

В некоторых языках есть такая грамматическая форма: *accusativus cum infinitivo*, – к примеру, вместо «я вижу, как она танцует» говорится «я вижу ее танцевать». Такой вот *accusativus* приключился со мной. Я не то что заорала – а услышала себя орать, орать отчаянно, на одной ноте

Дверцы шкафа распахнулись, оттуда вышел пожилой человек с крупным носом и нависшими бровями и сказал:

– Тише, деточка. Я не убийца, а вы?

Глава 12

От неожиданности я умолкла, больше того, я, кажется, вовсе утратила дар речи. Он подождал некоторое время, глядя на меня вполне приветливо, а потом напомнил:

– Вы не ответили на мой вопрос, деточка

– Н-нет, н-не убийца, – заикаясь, пробормотала я и подумала, что звучу неубедительно.

– А кто вы?

– Я бывшая одноклассница Никиты, пришла сюда полить цветы. Меня просила его сестра, она оставила мне ключи, – отрапортовала я, не понимая, что со мной происходит и почему я покорно даю ему отчет и даже как будто оправдываюсь.

«Совершенно бредовая ситуация! – пронеслось у меня в голове. – Но, по крайней мере, не похоже, что он собирается меня убивать». Теперь была моя очередь спрашивать. Я собралась с духом и приступила:

– А вы кто?

– Меня зовут Беньямин Маркиш, – сказал он. – Я приехал из Израиля, чтобы договориться о гастролях Добрынина и прочих.

– А-а, так это вы... – я чуть было не сказала «еврей», но вовремя спохватилась, что, пожалуй, это будет неуместно.

– Что – я?

– Ничего... Никита говорил, что собирается с вами встречаться. А скажите, как вы вошли в квартиру?

– Ну, деточка, – он махнул рукой, – это же такие пустяки!

«Домушник! – подумала я. – Хотя нет, скорее агент МОССАДа. Бывший».

– Что же вы не захлопнули дверь?

– Здравствуйте! – искренне изумился он, и я решила, что русский у него, наверное, родной. Акцент, правда, был, но еле заметный. «Мог уехать лет в семнадцать», – подумала я.

– Вы что, деточка, до сих пор не поняли, что дверь здесь не захлопывается, а только запирается на ключ? Поэтому убийца и оставил ее открытой.

– Я как-то не задумывалась, – призналась я. – Теперь ясно...

– Еще вопросы? – осведомился он.

– А как же! – заявила я, совершенно осмелев. – Например, такой: зачем вы пришли сюда сегодня?

– Я расскажу вам... – сказал он, заметно помрачнев. – Расскажу, хотя этот рассказ – история моего позора. Присядем?

Мы сели на маленький диванчик.

– Я расскажу вам... – задумчиво повторил он. – А как вы думаете, почему я готов вам все рассказать?

– Н-не знаю... – растерянно пробормотала я. И в самом деле – почему? Запросто мог бы плюнуть и уйти. А то получается, как в плохом кино... Хотя нет, постойте... Кажется, не мог бы...

Он не дал мне додумать эту мысль до конца.

– Но деточка, – сказал он не без некоторого удовольствия, – это же, как гово-

рится у вас в анекдотах: «Элементарно, Ватсон!» Если каждый из нас знает про себя, что он – не убийца, то нам обоим отсюда прямая дорога в органы – рассказывать друг про друга и про нашу интересную встречу. Для вас, деточка, это не трагедия. Вы в случае чего легко объясните свое присутствие в этом доме – у вас и ключ есть, и благословение хозяйки. А вот мне пришлось бы, прямо скажем, туговато. Так что я предпочитаю дать все необходимые объяснения вам прямо на месте – в надежде, что вы мне поверите и не пойдете по инстанциям. Понятно я объясняю, деточка?

– Понятно, понятно, – покивала я. – Чего ж тут не понять. Только вот почему вы думаете, что я вам поверю?

– Я не думаю, деточка, – серьезно ответил он. – Я не сказал: «Думаю». Я сказал, что у меня есть надежда. Вы согласны меня выслушать?

– Еще бы! – сказала я.

– Я приехал сюда в прошлую среду, – начал он, – чтобы окончательно обо всем договориться и подписать все бумаги. Все шло прекрасно, но тут этот малосимпатичный молодой человек, агент Добрынина, потребовал изменить ряд условий предварительного контракта. Я не мог на это пойти. Я позвонил Добрынину и спросил, какова его позиция. Он предложил встретиться и все обсудить. Мы договорились на субботу, я пригласил его пообедать и заказал столик в «Савое». Мы должны были встретиться в три, но в начале третьего он позвонил мне, извинился и сказал, что прийти не сможет. Объяснил, что у него внезапно изменились планы, что ему очень жаль, но это не от него зависит... Вообще он, в отличие от этого неприятного агента, казался вполне воспитанным молодым человеком. Потом он сказал, что не хочет в ближайшее время отлучаться из дому, и спросил, не соглашусь ли я зайти к нему сам. Я согласился – это моя работа.

Он немного помолчал и продолжил:

– Я пришел примерно без десяти три, на часы я, к сожалению, не посмотрел, – может, чуть позже. Дверь была открыта. Не настужь, но довольно заметно. Я позвонил, но мне никто не открыл. И тут, деточка, я хочу спросить вас: знаете ли вы, что делает Господь с человеком, когда хочет его погубить?

– Лишает разума... – машинально пробормотала я.

– Правильно. Лишает разума. И бдительности. Я потерял бдительность. У вас тут спокойно, палестинцев не видно... Ну с чего, скажите, пожалуйста, я надумал войти? Нет, сначала я, конечно, позвонил еще раз. Никакого ответа. Я удивился – мы ведь только что договаривались. В квартире играла музыка. Громкая музыка. Я подумал, что Добрынин не слышит звонка, а дверь нарочно открыл заранее, потому что знал, что может не услышать. Еще перед выходом я взял лист бумаги и набросал что-то вроде плана-сметы. Там были отмечены все наши расхождения с его агентом. Словом, я все подготовил заранее, чтобы не сидеть и не переливать из пустого в порожнее. В такси я достал этот листок и стал проверять, не упустил ли чего-нибудь, потому что, знаете, всякое бывает. Теперь, деточка, слушайте очень внимательно. Когда нелегкая понесла меня в эту квартиру, в одной руке у меня был портфель, а в другой – этот листок. В прихожей я на минуту остановился – достать носовой платок и вытереть лицо: в такси я ужасно вспотел, жара у вас тут, между прочим, как у нас... Портфель я поставил на пол, а листок положил на него. С того места комнаты почти совсем не видно. Помню, я еще подумал насчет двери вот что: мо-

жет, он нарочно открывает ее, чтобы устроить сквозняк, от духоты... Потому что в этот момент сильно подуло, и в кухне, справа от меня, взлетели занавески. Я сделал два шага вперед, а оттуда, деточка, большой кусок комнаты просматривался отлично. Я успел разглядеть все – и тело, и мерзкую бумажонку на стене. Помогать там было уже некому...

– В милицию вы звонить не стали... – продолжила я.

– А вы бы стали на моем месте, деточка? Вот – труп, вот – листовка, а вот – еврей! Славная картинка! Я быстро оценил обстановку и понял, что надо бежать. Я даже не стал срывать эту гнусную бумажонку – хотя у меня чесались руки, – потому что не хотел входить в комнату. Там трудно было не наследить и не испачкаться – там такое творилось!.. Я сделал те самые два шага назад... Портфель, разумеется, стоял на месте – куда бы он мог деться, а вот листочка на нем не было. Его сдуло сквозняком, и он наверняка валялся где-то рядом, но видно его не было, а я не мог терять ни минуты. Я схватил портфель и выскочил за дверь. Потом изобразил на лице спокойствие, вышел на улицу и поехал в гостиницу. Конечно, листок меня беспокоил, но не особенно. Почему не особенно? А все потому же. Кого Господь хочет погубить, делает ослом. Это был бланк нашей фирмы, сверху – шапка и все такое. Прямой путь ко мне. Но это меня не волновало. Старый осел! Я рассуждал так: ведь листок мог оказаться в квартире Добрынина когда угодно. О наших переговорах знала масса народа – никакого секрета тут не было. Ну, значит, когда-то где-то я передал Добрынину этот листок, а он принес его домой... Я не учел одной мелочи, – он горестно покачал головой. – Там был проставлен курс рубля к доллару по МВБ на тот злосчастный день. Мало того! Курс изменился утром этого дня, а на следующий день – еще раз. Этот несчастный листок становился прямым указанием на то, что я был в квартире убитого в тот самый день. Я понял, что, если его найдут, – конец! Все это дошло до меня через десять минут после того, как я оттуда ушел. Но не возвращаться же! Я пришел в гостиницу, быстро собрал вещи, выписался и переехал к друзьям. Проще всего было улететь в тот же день. Но тут я представил себе, что может из этого выйти: мои записи найдут, выяснят, что я уехал, и окончательно уверятся в том, что это сделал я... Мне-то будет все равно, а вот здешним евреям совсем не все равно! Нет, так я поступить не мог. Я решил пока пересидеть в тихом месте и посмотреть, что будет. В конце концов, израильского адвоката я всегда смогу добиться, а уж он разберется! Я был почти уверен, что криминалисты найдут мой листок, и...

– А почему вы думаете, что они его не нашли? – поинтересовалась я.

– Потому что меня никто не ищет, кроме этого, несимпатичного. Он ищет, я знаю. Но у него другие причины.

– Да, – сказала я. – Другие. Он даже думает, что вас тоже убили. Все равно я не понимаю. Ну вот, вы убедились, что листок не нашли, – значит, все в порядке. Зачем же вы сегодня-то пришли? Неделю спустя...

– Вот именно, – ответил он. – Неделю спустя. Первую неделю всем обычно не до квартиры. А потом квартирой могут заняться – сдать, продать, отремонтировать... При этом, как правило, двигают мебель. Ясно, что мой листок где-то валяется. Тут-то его и обнаружат. Может, порвут и выкинут, а может, и заинтересуются; шапка необычная, буквы чудные, то да се... Нет уж, деточка, лучше мне его все-таки забрать!

– Нашли? – спросила я.

– Нашел. В кухне, за радиатором центрального отопления.
– Здорово! А что вы делали в шкафу – от меня прятались?
– В шкафу? Нет, не прятался... То есть потом уже прятался. Ну не прятался, а машинально закрыл двери. Услышал, что кто-то возится с ключом, и закрыл.

– Испугались?

– О да, испугался! А кроме того, не хотел пугать вас, надеялся, что вы пройдете мимо.

– А почему вы думали, что я испугаюсь? То есть не я, а тот, кто вошел. Это же мог оказаться какой-нибудь громила...

– Шаги и духи, – коротко ответил он.

– Понятно. А зачем вы, если не секрет, вообще полезли в шкаф?

– Какие уж между нами секреты! – усмехнулся он. – Полез, потому что хотел заодно проверить одну догадку...

– Какую? – спросила я, умирая от любопытства. Мне уже казалось совершенно диким, что десять минут назад я орала как резаная при виде этого симпатичного лица. «Стоп, – сказала себе. – Охлони. Симпатичное лицо! Почему ты так уверена, что он не врет? Может, он сплел всю эту историю, причем сплел заранее, на случай, если его листочек обнаружат...»

Но если честно, то одергивала я себя скорее для порядка. Не то чтобы этого дядю невозможно было представить себе с пистолетом... Это как раз – пожалуйста... А вот чтобы он специально приехал из Израиля отстаивать русские национальные ценности, – извините, никак. И вообще у меня было полное ощущение, что он говорит правду.

– Я хотел проверить, – сказал он, внимательно глядя на меня, и снова усмехнулся, словно прочел мои мысли, – есть ли в этой комнате подсобное помещение и как оно расположено. Догадка у меня странная и... как бы это сказать... абстрактная. В том смысле, что она ни на чем не основана. Просто игра ума. Знаете, деточка, как собирают эти... не знаю, как по-русски... puzzles?

– По-русски так и говорят: пазлы, складывать пазлы, – сказала я.

– Ну вот. Если картинка не складывается, надо попробовать хорошенько повертеть кусочки и переложить их по-другому. Вот я и верчу в голове эти кусочки туда и сюда. Я теперь, знаете ли, чувствую себя в какой-то мере причастным... Так вот... Кое-что я успел заметить сам, и, кроме того, в газетах все подробно описано. Стреляли в затылок, с близкого расстояния... Я подумал: а вдруг убийца где-нибудь прятался и стрелял из укрытия? Допустим, он проник в квартиру ночью – обратите внимание: спальня в дальней комнате – и спрятался...

– Ерунда! – решительно возразила я. – Если он, как вы говорите, залез в квартиру ночью, то почему он не шлепнул его прямо в постели, а полез в шкаф, да еще застрял там до следующего дня? В прятки захотелось поиграть?

– Может, ему что-то помешало? – предположил Маркиш, которого я про себя упорно называла «господин Еврей».

– Не знаю... По-моему, выходит такая же чепуха, как без всякого шкафа. Что в лоб, что по лбу...

– Чепуха, деточка. Безусловно чепуха! – легко согласился господин Еврей. – Но заметьте себе, деточка, в тот раз я не видел этого шкафа. Я просто подумал: а нет ли там стенного шкафа или кладовки? И вот на тебе! А в остальном – я

же говорю: идея абстрактная, никаких оснований.

– А скажите, – спросила я ни с того ни с сего, – когда вы шли сюда в субботу, вам никто не встретился? Во дворе или в подъезде?

Я сама не смогла бы толком сказать, что имею в виду. Если кто-нибудь из моих лживых красоток – или Алена, или Агния, или обе вместе – вернулся туда после ухода Лили, то он мог их заметить – не заметить их просто нельзя. Но, пожалуй, в первую очередь меня интересовала цыганка.

– Встретился... – медленно проговорил он, как будто размышляя, стоит говорить или не стоит. – Нет, из квартиры никто не выходил. А вот из подъезда мне навстречу выскочил молодой человек, и вид у него был совершенно ошалелый. Конечно, на суде я бы этого утверждать не стал, но вам скажу откровенно: очень похоже, что он бежал именно отсюда, уж очень вид был нехороший...

– Какой он был из себя? – спросила я из чистого любопытства. Ну что могло мне дать описание внешности этого типа, если насчет мужчин у меня не было ровным счетом никаких предположений? Вот если бы он сказал, к примеру: выскочила знойная брюнетка, похожая на змею!.. Однако ответ меня несколько огорошил:

– Я видел его, как вы понимаете, мельком... Он был в синей рубашке с засученными рукавами, похож на цыгана.

«Так, подумала я. – Чудеса продолжаются. Похоже, на Никиту ополчился какой-то цыганский табор. Была же у Маринки мысль, что цыганка торчала там, чтобы всех отпугивать и расчищать территорию. Но, позвольте, я же только что убедилась, что никакая она не цыганка! Своими глазами, по телевизору... Может, это все-таки не она? Да нет, я же ясно видела, я же пока в своем уме. Хотя теперь уже, кажется, ненадолго... Может, она ведет двойную жизнь – то нормальную, то в таборе? Или, может, это близнецы? Одна ушла в «цивилизацию», а другая осталась в таборе... Одна другую презирает, потом в цыганку влюбляется граф, а тут появляется их мать, которая, конечно, потеряла память, ну и так далее... Отличный вышел бы сериал! А вот еще один вариант. Кто сказал, что масоны – только жидо-масоны? Может, это страшный заговор инородцев против России? Или наоборот: цыгане разозлились на евреев и кинули им такую подлянку... Нет, я больше не могу».

– Что с вами, деточка? – обеспокоенно спросил Еврей. – Вы что, знаете этого цыгана? У вас такой потерянный вид...

– Нет, цыгана я не знаю, – медленно проговорила я. – То есть не знаю, знаю или не знаю, но надеюсь, что не знаю. Тьфу, язык заплелся. Зато я знаю цыганку.

Маркиш молча смотрел на меня, ожидая объяснений, Я вкратце описала ему свою эпопею с записной книжкой, вплоть до странного гадания во дворе.

– Это нам с вами урок, деточка, – подытожил он. – Не нужно раскидывать бумажки, за бумажками нужно следить! Что до вашей цыганки, то я ведь вообще не утверждаю, что мой цыган был действительно цыган. И одет он был самым нормальным образом...

– И я не утверждаю, – сказала я, чуть не плача. – И моя была вроде и не цыганка, а так – черт-те что.

– Действительно, странно, – задумчиво проговорил он. – Непонятное совпадение. Но дело в том, деточка, что, если мы его обнаружим, достанется и евре-

ям, и цыганам. Славные, между прочим, возникают исторические параллели... Да, есть о чем подумать.

Тут я поймала себя на странной мысли: фактически я чуть ли не с самого начала кое-что утаиваю от следствия, и кое-что довольно существенное. Я ни слова не сказала Соболевскому про e-mail, в котором говорилось о таинственных угрозах; я скорее обрадовалась, что Лиля не собирается «сдаваться», а значит, следователь не узнает, что к Никите должен был прийти человек из Израиля, этот самый человек не собирается никому ни о чем докладывать, и я его вполне одобряю... А ведь когда я читала или смотрела детективы, то, как всякий нормальный человек, осуждала тех, кто скрывал от следствия важную информацию.

– Жизнь вносит свои коррективы, – эту мудрость я нечаянно изрекла вслух.

Как ни странно, он, по-видимому, понял, что я имею в виду, потому что ничуть не удивился и задумчиво подтвердил:

– Вот именно! Приходится считаться... Мы немного помолчали, думая более или менее об одном и том же, потом он трубно высморкался, словно ставя в этих размышлениях точку, и сказал:

– Ну что, деточка...

– Меня зовут Ира, – сообщила я.

– Очень приятно. Ну что, Ирочка, я вам все рассказал или еще есть вопросы?

– Нет, больше, кажется, нет, – ответила я, с сожалением подумав, что биографию свою он мне все равно не расскажет. – Хотя нет, пожалуй, есть, самый последний. Откуда вы знаете, что я не вру? Почему вы мне верите?

– Не вам, Ирочка, – снова усмехнулся он, хитро поглядывая на меня из-под нависших бровей, – не вам, а себе. Своему, так сказать, нюху, чутью. Кроме того, насчет поливки цветов – это чистая правда, доказательства налицо, сомневаться не приходится. Не говоря уже о том, – тут он весело хмыкнул, – что, если бы вы захотели, так сказать, сохранить инкогнито, вам пришлось бы запасть не маской, а шлемом.

Тут он был прав: таких рыжих, как я, – поискать!

– А теперь, Ирочка, – продолжал он, – если не возражаете, я отвезу вас домой. Друзья одолжили мне свою машину. Ни к чему юной девушке ходить одной по улицам в это время суток.

– Несмотря на отсутствие палестинцев? – ехидно поинтересовалась я.

– Увы, деточка, пороки и соблазны – абсолютно интернациональная штука, – серьезно ответил он.

На улице стояла приятная ночная прохлада, чему я немало подивилась. Вообще в последнее время, обнаруживая какую-нибудь приятность, я неизменно удивлялась, потому что мне казалось, что отныне мой удел – улики, подозрения, удушающая жара и прочая пакость.

Мой новый знакомый вел машину поистине артистично и всю дорогу мурлыкал себе под нос «Маленькую ночную серенаду». Минут через десять, не больше, мы были на месте. Прощаясь со мной у подъезда моего дома, господин Еврей сказал галантно:

– Иногда самые неприятные обстоятельства влекут за собой весьма приятные последствия. Я рад, Ирочка, что мы познакомились. Если вы не против, обменяемся координатами. Надеюсь, я не в последний раз в Москве, да и вы,

бог даст, когда-нибудь заедете в наши края.

С этими словами он достал из кармана визитку и вручил ее мне. Я полезла в сумочку, чтобы достать свою. Лампа над подъездом, как водится, не горела, ничего невозможно было разглядеть. Несколько секунд я шарила в сумке вслепую, а потом извинилась и попросила Маркиша зайти со мной в подъезд. Внутри было довольно светло. Я поставила сумку на батарею и начала методично перебирать ее содержимое. Визитных карточек не было. А между тем я совершенно точно знала, что они должны быть. Нельзя сказать, чтобы я раздавала их направо и налево, штук шесть как лежали у меня в сумке, так и лежат. То есть... не лежат. Черт знает что такое! Почему-то я ужасно расстроилась, хотя уж что-то, а потеря визиток не могла иметь к убийству решительно никакого отношения.

– Что-нибудь не так, Ирочка? – с беспокойством осведомился Маркиш.

– Да нет, ерунда. Визитки куда-то подевались. Давайте, я все напишу на бумажке, – предложила я.

Он протянул мне записную книжку и ручку, я вписала туда свой телефон и адрес, и мы простились самым сердечным образом.

Выйдя из лифта, я не стала открывать дверь, а остановилась на площадке и закурила. Я понимала, что дома сразу начну отвечать на вопросы, обо всем рассказывать, отвлекусь и уже не смогу сосредоточиться на интересовавшей меня проблеме визиток. А мне просто необходимо было понять, куда они могли деваться, хотя я вряд ли смогла бы ответить на вопрос: почему это меня так волнует? Надо было точно вспомнить, где они лежали и не могла ли я их куда-нибудь переложить. Надо вспомнить, как это было... Мне принесла их секретарша Вика. Итак... Вот она мне их приносит, вот я кладу их... Куда я их кладу? И тут меня осенило. Надо же быть такой идиоткой! Разумеется, они были вложены в ту самую записную книжку, а потому никоим образом не могли обнаружиться сегодня у меня в сумке. Казалось бы, теперь можно было успокоиться: записная книжка так или иначе уже сыграла свою нехорошую роль в этой истории, наличие в ней визиток ничего не меняло. Ан, нет, я не только не успокоилась, но завелась еще больше. У меня было странное чувство, как будто я вот-вот узнаю что-то такое, чего категорически не хочу знать. Как будто ко мне со всех сторон подкрадывается какая-то информация, а я ее что было сил отталкиваю и пытаюсь спрятаться. Было немного похоже на страшный сон. При этом Я ни за что не смогла бы объяснить, что имею в виду.

В конце концов я заставила себя встряхнуться и открыла дверь. Мама с Маринкой выскочили мне навстречу. Мы с господином Евреем здорово засиделись – они уже успели начать волноваться.

– Я думала, ты придешь раньше меня, – сказала сестра. – Пришла, а тебя все нет и нет. Мама начала психовать. Я даже подумывала позвонить, но потом представила, как ты там ходишь одна, и тут звонит телефон...

Я мысленно представила себе эту картину и вздрогнула.

– Правильно, что не позвонила, – одобрила я. – Хотя я там была не одна.

– То есть как – не одна?

– Погоди, – попросила я. – Дай отдышаться, сейчас все расскажу.

Мы дружной компанией отправились на кухню. Мама достала чашки, сестра стала заваривать чай. Я сидела, как королева, и соображала, с чего начать. Количество сюрпризов за сегодняшний день превысило все допустимые нор-

мы. Кончив колдовать над чаем, сестра уселась напротив меня и сказала:

– Ну, давай. – Весь ее вид говорил о том, что она готова сидеть хоть до утра, но не упустить ни одной крупицы информации. А у меня, как назло, наступила реакция – мной вдруг овладела полная апатия, язык отказывался ворочаться, хотелось не то спать, не то просто валяться, но так, чтобы никто не трогал и ни о чем не спрашивал.

– Не могу, – вяло проговорила я. – Не знаю, с чего начать.

– Начать с чаю, – посоветовала сестра.

– Может быть, отложим до завтра? – робко предложила мама.

– Какое – до завтра! – возмутилась сестра. – Я ни за что не засну!

– Ты посмотри на нее, – сказала мама. – Краше в гроб кладут.

– Нет, мама, – возразила я, – мне уж лучше сегодня. Сейчас чаю выпью и опомнюсь. Маринка, задавай наводящие вопросы.

– Хорошо, – обрадовалась сестра. – Начнем, пожалуй. Вопрос первый: мама говорит, тебе по телевизору показали кое-что интересненькое...

– Нет, – сказала я. – То есть да, но это было потом. Ну хорошо, в конце концов, какая разница, с чего начинать. Значит, так. Телевизор...

Я помолчала, собираясь с мыслями, и рассказала о таинственных метаморфозах моей цыганки.

– Что ж... Надо звонить этому, твоему... Соболевскому, – задумчиво сказала сестра. – Пусть едут в Останкино, достают пленку, остальное – дело техники. В первый ряд, кстати, могли быть какие-нибудь именнные пригласительные... Тогда это вообще – раз плюнуть. В общем, они разберутся. Надо ее все-таки найти, эту Азу, и понять, в чем дело.

– Соболевский такой же мой, как твой, – отпарировала я. – И звонить я ему не буду.

– А кто у нас смугленьких любит? – съехидничала Маринка. – Сама же говорила: он такой, он сякой... Ну ладно, если серьезно: почему ты не хочешь звонить?

– Ты бы видела, как он на меня смотрел, когда я о ней заговорила! Как будто я из Кащенко сбежала. Не хочу больше'

– Понятно, – кивнула сестра. – Но тут все-таки другое дело. Ты укажешь на конкретное лицо.

– Ну да, а он и слушать не станет! Или станет... Найдут они эту девку, а она, само собой, скажет, что знать ничего не знает и ни в каком Никитином дворе в субботу не была. Хватит с меня тех двух красоток.

– Нужно устроить вам всем очную ставку, – без особого энтузиазма сказала Маринка.

– И на этой очной ставке я снова окажусь в дураках! – отрезала я. – Они все скажут, что друг друга не видели и меня, разумеется, тоже. А если у меня галлюцинации, то надо ходить к врачу, а не в прокуратуру. Ты лучше скажи, у тебя есть какие-нибудь идеи? Кто она, по-твоему, такая?

– Шут ее знает! – сестра виновато пожала плечами. – Не могу понять. Может быть, какая-то чокнутая поклонница придумала способ отваживать от Никитино дома девиц? Знала, что похожа на цыганку, и решила эксплуатировать свою внешность. Оделась, как цыганка...

– Постой, – перебила я. – Про цыган я тебе сейчас еще кое-что расскажу. Нет, тогда надо начинать с господина Еврея...

– Ну и ну! – только и сказала Маринка.

– Да-да, с господина Еврея! И не смотрите на меня, ради бога, как на ненормальную. У Никиты в квартире был тот самый агент из Израиля, который приходил к нему в субботу. Ах да, я же про это еще не рассказывала, и про телефонный звонок – тоже... Нет, так я совсем запутаюсь. Субботу пока оставим. Один из тех агентов, которые, по словам Антона, исчезли, был сегодня вечером в квартире у Никиты.

– Зачем? – оторопела сестра. – И как он туда попал?

– Точно не знаю... Как-то сумел открыть. У него явно опыт. Но он не грабитель, нет. Скорее сотрудник спецслужб, который на старости лет сменил специальность. А зачем он там был, сейчас расскажу.

Я подробно изложила историю нашего с Маркишем знакомства и пересказала весь разговор в деталях. Когда я дошла до маркишевского цыгана, Маринка беспомощно развела руками и сказала классическое:

– Не может быть.

– Ну, знаешь! – возмутилась я. – Этак я и сама могу. «Не может быть»! Ты у нас Холмс или кто? У тебя должна быть концепция. У тебя есть концепция?

– Нет – так будет! – безапелляционно заявила сестра. – Твое дело – рассказывать. Ты ведь не все рассказала?

– Не все, – согласилась я. – Какое там! Не исключено, что я знаю фамилию этого цыгана, хотя, может, конечно, это не он... Значит, так, отъезжаем на несколько часов обратно.

– погоди, не отъезжай, – попросила Маринка. – Сначала скажи: ты не пробовала найти бумажку с «лингвистическим вопросом»?

– Конечно, нет. Во-первых, когда он вылез из шкафа, я от ужаса все забыла. А во-вторых, даже если б я не забыла, все равно мне не захотелось бы искать при нем.

– Принимается, – кивнула сестра. – Теперь отъезжаем, как ты предлагала, на несколько часов назад...

– И попадаем ко мне на службу, – закончила я. – А на службе разворачивается следующий сюжет...

Я начала пересказывать нашу с Лилей беседу и снова, как в игре «горячо-холодно», только я дошла до первого Никитинога разговора по телефону, как будто кто-то сказал мне: тут – горячо, и меня охватило то же противное ощущение, что какая-то информация, от которой я упорно прячусь, вот-вот меня настигнет, и информация крайне неприятная.

– Так что не исключено, что фамилия этого цыгана – Потемкин, – договорила я, стараясь подавить это странное ощущение.

– Маринка, ты что?

Сестра застыла, не донеся чашку до рта и вперив неподвижный взгляд в пространство.

– Что случилось? – дрожащим голосом повторила я.

– Потемкин, Ирочка, – медленно проговорила сестра, – это князь Потемкин Таврический, фаворит Екатерины Второй, счастливый соперник Орлова... Одно из двух: или Никитин телефонный собеседник и правда был Потемкин по паспорту, или...

Она могла не продолжать. Если он не был Потемкин по паспорту, то так Никита мог называть только одного человека... Впрочем, позвольте, почему

одного? Откуда такая железная уверенность? Не слишком ли это самонадеянно с моей стороны? Мало ли у него было дам! Вдруг какая-нибудь из них ему изменила? Мне так хотелось в это поверить, что я уже почти поверила, и даже открыла рот, чтобы изложить свои соображения сестре, но, видимо, моя броня уже дала трещину, и мысль, от которой я так долго пряталась, вдруг предстала передо мной во всей своей красе. Надо думать, вид у меня был еще тот, – во всяком случае, Маринка вдруг бросилась меня утешать:

– погоди психовать, Ириша. Во-первых, мало ли на свете Потемкиных! Во-вторых, мало ли кого он мог так называть!

Конечно, она ни одной минуты не верила в то, что говорила. Мне, впрочем, было уже все равно: то, что я осознала несколько секунд назад, отметало все сомнения и надежды. Это было уже не предположение, а факт – чистенький, аккуратненький, без всяких изъяснов.

– Помнишь, я отказалась говорить с тобой про Костю? – начала я, разрывая на мелкие части обертку от печенья и изо всех сил стараясь говорить спокойно. – Так вот... В субботу он должен был заехать за мной днем, но позвонил – сказал, что не успевает, – и приехал только вечером. В крайне встрепанном виде... Но не в том дело. Я рассказала ему про записную книжку и про то, что хотела ее забрать. Про то, что была в тот день у Никиты, то есть не у Никиты, а на лестничной площадке... В общем, все рассказала... Ты понимаешь, что я говорю? Я сказала ему про записную книжку...

– Понимаю, Ирка. Пожалуйста, не сходи с ума. Про записную книжку. Чего здесь не понять?

– Слушай дальше. В понедельник он улетел в Женеву. А я поговорила со следователем и стала «невыездная». В среду он позвонил, стал говорить про нашу поездку, и мне пришлось сказать ему, что дело швах... Он, конечно, очень расстроился и высказался примерно в таком духе: сама виновата, нечего оставлять визитные карточки где попало.

– Визитные карточки? – переспросила сестра.

– Вот-вот, я тоже удивилась. А он – слушай, Маринка, слушай внимательно, – он замялся – понимаешь?.. Замялся – и сказал: «Как собачка». А я обиделась... Я, дура, еще обиделась! Я думала, он мне хамит. А он не хамил, он выкручивался. Ляпнул – и выкрутился. Понимаешь?

– Ничего не понимаю, – растерянно сказала сестра. – При чем здесь визитные карточки?

– Вот! Вот именно! И я о том же: при чем здесь визитные карточки? Сейчас, когда мы прощались с господином Евреем, я хотела дать ему свою визитку. Полезла в сумку – а визиток нет. И быть не может. Они лежали в записной книжке, понимаешь? В той самой записной книжке... Но ведь Костя-то об этом не знал! Черт побери! Неоткуда ему было об этом знать! Помнишь, ты сказала: вы и убили, Родион Романович... Дескать, никому другому моя книжка не нужна. А вот нужна! Он бы обязательно ее забрал – просто так, на всякий случай, чтобы моих следов в той квартире не было. Понимаешь? И Потемкин этот... Это так на Никиту похоже! О господи, и цыган!.. Ну, конечно! Все одно к одному... Чем Костя не цыган? Смуглый, черный, курчавый... Он мне сам говорил, что его часто за цыгана принимают. И был он в тот день как раз в синей рубашке!..

– Сильный номер! – растерянно пробормотала сестра.

Какое-то время мы молчали, бессмысленно глядя друг на друга. Потом Маринка вздохнула, потерла рукой лоб, словно просыпаясь, и заговорила негромко, обращаясь не столько ко мне, сколько к самой себе:

– Значит, что у нас получается?.. Без чего-то два Никита поговорил с Потемкиным, позвонил Еврею, потом выгнал Лильку, пошел в ванную и позвонил тебе. Причем зачем-то наврал, что обедает с Евреем в ресторане, – и это уже решительно ни на что не похоже, тут ты абсолютно права... Остается лишь гадать, был ли в этом вранье какой-то смысл, или он просто болтал невесть что... Около половины третьего к нему должен был прийти... э-э... – она замялась, – ну да, ничего не попишешь... Костя, а без чего-то три Еврей уже обнаружил Никиту... Н-да... Мотив – ревность... Ревность – это, конечно, мотив... Но что это, скажите на милость, за африканские страсти? До чего же надо было дойти, чтобы все поставить под угрозу! Всю жизнь... Чем ему так уж мешал Никита? Ты-то при нем, так или иначе... Не вижу смысла. Нет, не получается. Уж больно странно! Шантаж? Могла ли эта нелепая запись иметь какое-то отношение к Косте? Допустим, Никита что-то о нем узнал и грозился сообщить тебе...

– Допустим, – тупо согласилась я.

– Ничего не «допустим»! – перебила сестра. – Зачем ты со мной соглашаешься? Ты должна спорить, чтобы стимулировать мой мыслительный процесс. Спроси, например, какого черта он все-таки написал это на бумажке? Чтобы не забыть?

– Какого черта? – послушно спросила я.

– Да ну же, Ирка, очнись! – с досадой воскликнула сестра. – Я по-прежнему считаю, что с этим «шантажом» что-то не так, что мы чего-то не понимаем. Причем, возможно, чего-то очень простого.

– Девочки, – неожиданно вмешалась мама, которая до этого сидела молча и только с ужасом переводила взгляд с меня на Маринку и обратно, – вы забываете про листовку...

– А ведь правда, – спохватилась Маринка. – Смотри, что у нас получается. Мы никак не можем удержать в голове одновременно любовь и политику. Ты можешь себе представить, что Костя повесил эту штуковину?

– Это неважно, – мрачно сказала я. – Что я могу себе представить и чего не могу – значения не имеет. Я, допустим, никак не могу себе представить, что он был в этой квартире – ну и что? Это дела не меняет. Ясно, что он там был. Мало ли что мне представится! Больше я своим представлениям не доверяю. Между прочим, про e-mailмы тоже забыли. Если Никиту убил Костя, значит, он не поленился до этого устроить Никите какой-то цирк с угрозами. Конечно, мне это кажется странным, но опять-таки – мало ли что мне кажется!

У меня действительно было такое ощущение, что я больше не имею права говорить по какому бы то ни было поводу: «Мне кажется». Мое «кажется» решительно шло вразрез с фактами. Дай бог, чтоб основные пять чувств не подвели, чего уж говорить о шестом...

– Да, ведь еще e-mail... – задумчиво проговорила сестра. – Жалко, что я не могу его прочесть своими глазами...

– Почему не можешь? – удивилась я. – Запросто! Хотя читать там вообще-то нечего – я тебе все рассказала.

С этими словами я полезла в сумку, висевшую на спинке стула, и вынула

оттуда распечатку Никитинового письма.

– Оно все это время было у тебя, и ты молчала?! – возмутилась сестра.

– Ну да, ты ведь не спрашивала, – объяснила я. – И потом, говорю же, я тебе и так все рассказала.

– Все равно, если не возражаешь, я его перед сном поизучаю, – попросила сестра.

– Да ради бога! – я пожала плечами и вручила ей листок с письмом.

В другое время я непременно проехала бы насчет ее шерлок-холмсовских замашек – «Ошибаетесь, Ватсон, здесь можно обнаружить много интересного!», – но сейчас мне было совершенно не до того.

– Между прочим, девочки, – снова вмешалась мама, – вы знаете, который час?

– Полтретьего, – взглянув на часы, сказала сестра. – Действительно... Пошли-ка, Ирка, спать! Утро вечера мудренее.

Мама, ни слова не говоря, поставила передо мной рюмку с каплями.

– Чтобы спать, – пояснила она и налила себе точно такую же.

– А мне не надо, – сказала Маринка. – Чапай думать будет. Ты ложишься?

– Ложусь, ложусь, – ответила я. – Что-то я хотела спросить... Да, мама, скажи мне вот что... Ты телевизор смотрела? Про Кузнецова что-нибудь говорили?

– Ничего нового, – сказала мама. – Пока не нашелся.

– А ты не знаешь, его ищут? – спросила Маринка. – Я имею в виду – официально. Он объявлен в розыск?

– Н-не знаю, – смущенно ответила мама. – Я как-то не поняла... По-моему, об этом не говорили.

– Митинговали? – поинтересовалась Маринка.

Мама махнула рукой.

– Как всегда. Говорят, на субботу-воскресенье намечено что-то грандиозное.

– Так ведь запретили вроде...

Мама снова махнула рукой.

– И еще, мамочка, последнее... – сказала Маринка. – Я забыла спросить: кто-нибудь звонил?

– Господи! – виновато воскликнула мама. – Как Ирка начала рассказывать, так сразу все из головы вон. Тебе, Ирочка, звонил человек с иностранным акцентом. Сказал, что перезвонит завтра или послезавтра.

– Уж не Лендел ли? – предположила сестра. Я пожала плечами.

– И еще звонил Левочка, – продолжала мама. – Хотел пригласить вас завтра на пикник. Я сказала, что вы позвоните утром.

– А знаешь что, Ирка? – неожиданно вдохновилась сестра. – Поехали! По крайней мере, ящик до вечера смотреть не будем. Воздухом подышим. Поедем?

– Поедем, – кивнула я. – Опять же Левочке радость... Левочка – константа нашей с Маринкой жизни, наш «одноколясочник», сын маминой ближайшей подруги. На вид – типичный хилый интеллигент из советской кинокомедии, по сути – явление на редкость многоплановое. Левочка всегда был круглым отличником, читал все, что попадалось под руку, и поражал взрослых обширными познаниями в самых разных областях. Носил очки и не любил заниматься спортом. С другой стороны, не было человека, более изобретательного по части разного рода проделок и хулиганств, в которых мы с огромным удо-

вольствием принимали участие. Когда терпение взрослых иссякало и начиналось разбирательство, Левочка, не колеблясь, брал вину на себя. Несколько лет после того, как наш папочка отчалил, оставив маму с очаровательными близняшками, она снимала дачу вместе с Левочкиными родителями, и, видит бог, для нас это было совершенно замечательное время.

Новые экономические времена застали Левочку сотрудником НИИ. И тут он в очередной раз поразил всех родственников и знакомых, как-то на удивление быстро сделавшись бизнесменом, причем очень и очень преуспевающим. Как у него все это получалось – не знаю. Полная загадка! Иногда мне приходило в голову, что он играет на несоответствии внешности и деловой хватки. «Акулы» видят перед собой хилого, неприспособленного юнца – и расслабляются, а тут он их – хватать! Впрочем, не знаю... Новый статус, конечно, сказался на внешних атрибутах его жизни: от роскошной иномарки до недвижимости; возможно, он изменился и внутренне, но, к счастью, незаметно для нас. С нами он был прежним Левочкой – очкастым, сублильным, немного нелепым Левочкой, много лет безнадежно влюбленным в Маринку.

Идея пикника с Левочкой меня вполне устраивала. Это означало, что нас отвезут в красивое место, уложат на травку, накормят и напоят, не дав при этом ударить пальцем о палец. Левочка все сделает сам. Среди прочих его достоинств имелось и это: он умел жарить шашлыки и вообще – готовить. По этому поводу я не раз заявляла Маринке, что она дура и счастья своего не понимает. С чем она неизменно соглашалась и беспомощно разводила руками.

Левочка часто звал нас куда-нибудь, а мы далеко не всегда соглашались, предпочитая другие компании. Он обижался, но ненадолго, а потом неизменно звонил и снова куда-нибудь звал. На этот раз его приглашение оказалось очень кстати. Если где и можно было надеяться хоть немного отвлечься – так это на пикнике с Левочкой. Ну не отвлечься – отвлечься мне вряд ли удалось бы, – так хоть чуть-чуть расслабиться.

Я была уверена, что после всех этих цыган и Потемкиных меня ожидает очередная бессонная ночь. Но мамины капли, к счастью, начинали действовать. Я вяло пробормотала:

«Спокойной ночи, разбуди меня не очень поздно», – и побрела к себе в комнату.

Мне приснился совершенно идиотский сон. Костя водил по улицам большого, лохматого медведя с кольцом в носу. Но в то же время он сам и был этот медведь... Мы собирались уезжать, но было непонятно, пустят ли медведя в самолет. «Кроме того, – говорила я, если ты – это медведь, то без тебя с медведем я ни за что не поеду».

Глава 13

Утром я проснулась оттого, что Маринка вошла в комнату и села в кресло. Она вошла и села совершенно бесшумно, но я все-таки почувствовала, что в комнате кто-то есть, – и проснулась.

– Привет, – тихо сказала она, увидев, что я открыла глаза.

– Слушай, – спросила я, со сна плохо соображая, что к чему, – медведь-оборотень – это из Мериме?

– Не только, – сказала Маринка. – Это много у кого есть. И у Мериме тоже. А что?

– Ничего, – я помотала головой, пытаюсь разогнать сонную одурь. – Сон дурацкий приснился.

– Ясно, – кивнула сестра. – Знаешь что, Иришка, ты давай вставай. Я позволила Левке, он скоро приедет, а мне еще нужно тебе кое-что показать.

– Плохое? – насторожилась я.

– Н-не знаю... скорее чудное, – неуверенно проговорила она. – Вставай, пойдем кофе пить.

Я вскочила с кровати и отправилась в ванную. В зеркале была все та же неутешительная картина: взъерошенное, перепуганное существо с синевой под глазами. «Наплевать! – подумала я. – Левочка переживет. Даже краситься сегодня не буду. А когда вся эта история кончится – если она, конечно, когда-нибудь кончится, – тогда приведу себя в порядок. Постараюсь, по крайней мере». Щетка для волос куда-то запропастилась. Пришлось взять расческу, которая в моей гриве немедленно сломалась. Я вышла на кухню, неся в руке две половинки, и с ходу налетела на сестру:

– Это ты взяла мою щетку?

– погоди ты со своей щеткой, – отмахнулась сестра. – Ничего я не брала. Лучше садись и смотри.

С этими словами она выложила передо мной хорошо знакомый мне листок с Никитиным письмом Люське. Я машинально отхлебнула кофе и вопросительно посмотрела на нее.

– Прочешь еще раз? Но я вроде бы все помню... Письма, угрозы, странные типы...

– А ты смотри внимательно, – посоветовала сестра. – Ничего не кажется странным?

– То есть как – не кажется? – искренне изумилась я. – Да здесь что ни слово, то странность! Мы же об этом уже говорили...

– Я про форму говорю – понимаешь? – про форму, а не про содержание.

– И что ты про нее говоришь? – недоумевала я.

– А то, – торжественно объявила сестра, подняв указательный палец, – что это письмо писал не один человек.

– То есть как?!

От неожиданности у меня дрогнула рука, и на столе образовалась большая кофейная лужа. Сестра удовлетворенно кивнула, взяла тряпку и стала вытирать стол.

– А вот слушай. Ты помнишь, что такое транслитерация?

– Ясное дело, помню, – удивилась я. – Что за дурацкий вопрос? Слова из одного языка передаются на письме буквами из другого.

– Помнишь, у нас в университете был профессор, помешанный на проблемах транслитерации? Как же его? Ну да, Вознесенский... Помнишь, он все время доказывал, что все транслитерируют как попало, без всякого смысла и логики?

– Помню, конечно, – кивнула я, все еще не догадываясь, к чему она клонит. – Он еще сам придумал какую-то непротиворечивую систему и все пытался нас обучить. Отличная была система, совсем непротиворечивая, только прочесть было ничего невозможно... Да к чему ты это?

– Слушай. Итак: русские буквы, как ты понимаешь, можно передавать латиницей по-разному. Одному нравится один способ, другому – другой. Опыт показывает, что человек чаще всего передает одну и ту же букву одним и тем же способом. Во всяком случае, способ передачи, как правило, не меняется в рамках одного письма.

Маринка сама говорила, как лектор с кафедры. Лекция, впрочем, обещала быть жутко интересной. Такой интересной, что не оторваться...

– Постой, Мариша, – робко возразила я, все еще не заглядывая в листок, – почему ты так говоришь? Я, например, запросто могу где-то вместо «е» написать «je», а где-то – просто «е». Ну и так далее...

– Верно, – кивнула сестра. – Все, что я говорю, совершенно ненаучно. И все-таки... Есть такие буквы, которые человек пишет всегда одинаково. Ну не всегда, но с большой вероятностью. Например «ц». Как ты передаешь «ц»?

– Как латинское «с», – ответила я.

– Ну вот, а многие пишут «ts», – сказала Маринка. – А кое-кто – «z», это из немецкого. Потом – «х». Пишут и «h», и «kh». И так далее. Ну вот, а теперь загляни в листок.

Я послушно взяла письмо в руки. Вот как оно выглядело:

«Privet, dorogaja sestriža! Znajū, znajū, ja svinja, ne pisal tebe tysjatschu let. Ne serdis'! V etih pis'mah tolku malo, vot povidat'sja by – eto drugoje delo! Kak vy tarn zhivjote? Ja rad, tschto Charle sobirajetsja v avguste v Moskvu. Tschego by vam ne prijehat' vsem vmeste? Ja dumal zajehat' k vam vo vremja gastrolej, uvu – ne vyhodit, grafik slischkom plotnyj. Mozhet byt', zajedu srazu posle – dolzhen zhe ja poobschat'sja s plemjannikami! U menja vsjo neprosto. Posledneje vremja za mnoj po pjatam khodjat strannyje tipy, ja poluchaju pis'ma s ugrozami. Im nuzhno, chtoby ja perestal pet' ili, po krajnej mere, ubral iz pesen vsjo russkoje. Za nimi stoit real'naja, strashnaja sila. No ty ne volnujsja, my tozhe ne lykom shity – kak-nibud' razberjomsja! Tseluju tebja, privet Charle i plemjannikam. Brat».

После Маринкиной лекции несоответствие настолько бросалось в глаза, что невозможно было понять, как это ни я, ни Люська не обратили на него внимания. Конечно, после того, как тебе все разжуют и положат в рот, остается только удивляться... Но Маринка-то, Маринка!.. Холмсовские задатки – налицо!

Никита транслитерировал своеобразно. Тут была смесь более или менее общепринятых обозначений, идущих из латыни и английского, и явных реликтов изучения немецкого языка. Немецкий мы все учили в школе, а после школы Никита иностранными языками не занимался. Письмо начиналось со слов: «Привет, дорогая сестрица!», а кончалось так: «Целую тебя, привет Шар-

лю и племянникам. Брат». Это я прекрасно помнила и без бумажки. Я вообще помнила этот несчастный e-mail почти наизусть. Но кое-что в этих фразах – приветственной и прощальной – прошло мимо моего внимания. В слове «сестрица» буква «ц» выглядела как «z»; для человека, учившего в своей жизни только немецкий, это было совершенно нормально. А вот в слове «целую» буква «ц» выглядела совсем по-другому – как «ts». Буква «х» превращалась ближе к концу из «h» в «kh», «ш» из немецкого «sch» – в английское «sh», «ч» из «tsch» (опять-таки немецкого) – в «ch». При желании наверняка можно было найти еще ряд чудесных превращений, но мне вполне хватило и этих.

– Что скажешь? – нетерпеливо спросила сестра.

– Все верно, – сказала я. – Ты гений. Но я все равно ничего не понимаю. И потом, послушай... Ведь это, наверно, не доказательство?

– Не доказательство для кого?

– Для суда, например... – неуверенно пробормотала я.

– Окстись, Ирка, какой суд! – воскликнула сестра. – Нам бы самим разобратся! Я спрашиваю: для тебя это убедительно?

– Для меня – вполне. Хотя бы потому, что я сама всегда пишу одинаково.

– Конечно, бывает всякое, – задумчиво сказала сестра. – И все-таки очень похоже, что это письмо начал один человек, а закончил другой... И я, кажется, даже догадываюсь, где проходит граница.

– погоди, но как же?.. – начала я, чувствуя, как мороз пробирает по коже. – Он сказал: надо дописать...

Тут я застыла, бессмысленно уставившись в пространство.

– Давай-давай, Ирочка! – понукала Маринка. – Я понимаю, как тебе неприятно, но что поделаешь... Обязательно нужно вспомнить, что именно он сказал. И как можно точнее. Пожалуйста, постарайся.

– Постараюсь, – сказала я. – Хотя, чего мне особенно стараться? Я, кажется, и так помню... Он сказал: сейчас выйду из ванной и допишу письмо Люське, начал еще вчера, а закончить – так и не закончил. Сказал: нехорошо, я ей уже два месяца не писал. В этом духе... Постой, Маринка, что же получается?.. Он поговорил со мной, положил трубку, пошел к компьютеру и...

Тут я снова застыла с раскрытым ртом.

– Вот именно, – подтвердила сестра. – Он сел к компьютеру, открыл начатое письмо, возможно, что-то напечатал, а возможно – и нет. А убийца, сделав свое дело, сел на его место – или не сел, неважно! – допечатал письмо и отправил, благо адреса для этого знать не надо – компьютер сам все знает.

Она помолчала и добавила:

– Совершенно неправдоподобная картина! И тем не менее очень возможно, что именно так и было.

– Но зачем? – воскликнула я. – Это же бред – вместо того чтобы быстренько смыться, сесть за компьютер и немного попечатать! Неужто мало листовки?

– Ты не права, – возразила сестра. – Тут подтверждение, так сказать, из первых рук, от самого пострадавшего. Это сильный аргумент в пользу масонской версии. Не доказательство в точном смысле, но аргумент. Этот человек не мог предположить, что Люська никому ничего не скажет. В смысле – никому, кроме тебя. Он был уверен, что она первым делом сообщит куда следует. Об этом он подумал, а о латинских и русских буквах – времени не хватило. Или нервов. Или ума.

– Ты сказала, что знаешь, где проходит граница, или мне приснилось?

– Нет, не приснилось. Головы на отсечение не дам, но вообще-то я почти уверена, – сказала сестра и потянула к себе листок. – Вот смотри. Он пишет: «... пообщаться с племянниками!» До этого места все нормально. И с буквами все в порядке, и по смыслу. А теперь смотри дальше. «У меня все непросто». И следом – все эти «ужастики». Бьюсь об заклад, что этого «непросто» он не писал. Он мог вообще не писать этой фразы, мог написать, скажем: «у меня все», имея в виду «хорошо», или «отлично», или «в порядке», или что-нибудь в этом роде. Он мог даже написать: «У меня все не», имея в виду «неплохо», но вот на этом «не» все обрывается, вместо «не-плохо» получается «не-просто», а дальше идет уже совсем другой текст, во всех отношениях странный и с другим способом передачи букв. В результате складывается такая картинка: убийца стреляет, потом видит на экране письмо и понимает, что это письмо можно использовать. Убийца-импровизатор, мать его...

– Послушай, – сказала я, – до какой же степени ему приспичило убедить всех и вся, что он – масон! Сидеть и печатать над трупом!..

– Знаешь, если человек умеет печатать латинскими буквами, то это у него займет не больше минуты. Он ведь и напечатал-то всего три фразы. Но вообще-то ты права – ему это было чертовски важно. Самое забавное, что это работает как раз против «масонской» версии.

– Ты думаешь?

– Ну, конечно, – кивнула сестра. – Настоящий масон не стал бы фабриковать дополнительных доказательств. Зачем ему самоутверждаться? Он-то знает, кто он такой. А чтобы все остальные узнали – есть листовка. Повесил – и ладно! А вот если это провокация или ложный след, тогда – да, тогда такая штука очень даже сгодится. Свидетельствует не кто-нибудь, а сам убитый – это вам не шутки.

– Слушай, – вдохновенно предположила я, – а вдруг это сделали разные люди? Один выстрелил и убежал, а другой пришел, увидел письмо и допечатал...

– А листовку кто приклеил? – поинтересовалась сестра. – Третий?

– Почему – третий? Второй.

– Который заранее ее заготовил на случай, если Никиту вдруг пристрелят. Ты что, еще не проснулась? Пей кофе!

Я послушно налила себе еще чашку. Действительно, надо же было сморозить такую глупость!

– Кстати, – осторожно спросила сестра, – ты случайно не знаешь, как транслитерирует Костя?

– Откуда? – я пожалала плечами. – Мы с ним не переписывались.

– Ну да, конечно, – вздохнула сестра. – Между прочим, нам пора идти. Я обещала Левке спуститься во двор.

– Погоди, Мариша, – спохватилась я. – Надо же чего-нибудь взять с собой. Еды какой-нибудь, что ли.

– Левочка сказал: ничего не брать, кроме купальников и полотенец. Все, что нужно, уже в багажнике.

– Неудобно как-то... – засомневалась я.

– Ладно тебе, Ириша! – сказала сестра. – Все равно сейчас уже ничего не успеть. Мы его в другой раз пригласим. Когда никого из знакомых не убьют...

Я взяла купальник, полотенце и сигареты, и мы спустились во двор. У на-

шего подъезда стояли три машины, одна другой краше. Левочка ехал на пикник не один, а с приятелями. При каждом приятеле была либо жена, либо подруга.

– А ты почему без барышни? – бесцеремонно поинтересовалась Маринка, устраиваясь на заднем сиденье. – У тебя что, барышни нет?

– Как это – нет? – возмутился Левочка. – Конечно, есть! Сколько хочешь!

– О, даже так! Что же ты их не взял?

– А зачем? – искренне удивился Левочка. – Сегодня, девочки, я с вами. Зачем нам еще барышни? Только путались бы под ногами...

Не знаю, как Маринка, – а я была искренне тронута.

– Куда мы едем? – спросила я, откидываясь на мягкую серую спинку сиденья и открывая окно.

– В лес, – ответил Левочка. – Есть одно хорошее местечко по Ярославской дороге. Ирочка, ты предпочитаешь открытые окна или кондиционер?

– Открытые окна, – сказала я.

Минут через двадцать мы выехали на окружную.

– Через центр было бы быстрее, – мрачно заметил Левочка. – Но через центр сегодня не проедешь.

– А что такое? – удивилась сестра.

– Как – что? – в свою очередь удивился Левочка. – Вы телевизор-то когда-нибудь смотрите?

– Еще как смотрим! – сказала Маринка.

– Еще как! – поддакнула я. – Хотя, слушай, мы же со вчерашнего утра не включали...

– У нас было много других дел, – сурово заявила сестра. – Так что там?

– Манифестация, митинг, демонстрация трудящихся – хрен знает что, – нахмурившись, пояснил Левочка. – Вся эта радость идет по Тверской и вообще с разных сторон к Кремлю и на Красную площадь. Причем все это – несанкционировано. Милиции там – тьма-тьмущая, ОМОН и все такое прочее. По идее, должны разогнать. А там – кто его знает...

– Чего они, собственно, хотят? Я имею в виду – чего конкретно?

– Спасения русского народа, объективного расследования убийства Добрынина, разоблачения жидо-масонского заговора... А кто-то вроде собирался выступить против них, но пришли или нет – не знаю. Хотел бы я знать: это когда-нибудь кончится?

– Когда-нибудь, наверное, кончится, – без особенной уверенности проговорила сестра. – Знаете, что я подумала? Если кто от всей этой истории не выиграл – так это евреи. Простые евреи, не масоны.

– Не совсем так, Мариша, – возразил Левочка. – Американский Конгресс, как известно, размышляет, не отменить ли все льготы по части эмиграции для российских евреев. Как рассуждает американский Конгресс? Страна демократическая – какие беженцы! А вот если в стране разворачивается очередное дело Бейлиса, тогда все понятно. Понятно, откуда берутся беженцы и зачем им статус. Так что все не так просто.

– Вот, вот! Видишь! – воскликнула я. – Я же говорила! Получается, что убить Никиту было выгодно всем, – понимаешь, всем! Ведь это кошмар какой-то! Всем на руку, куда ни плюнь... Ну и страна!.. Не гангстер вроде, не наркобарон, не террорист...

– Откуда ты знаешь? – резонно возразила сестра.

– Ладно, девочки, – вмешался Лева. – Давайте о чем-нибудь веселом.

Машина въехала в лес и, попетляв по лесным дорогам, остановилась на берегу озера. Левочка не соврал, пообещав «хорошее местечко». Местечко было чудное – даже странно, что такие еще остались в ближнем Подмосковье. В двух шагах за нами был густой смешанный лес. Именно такой лес я больше всего люблю: и хвоей пахнет волшебно, и под ногами – не колючки, а мягкая зеленая трава. Озеро, на берегу которого мы остановились, показалось неправдоподобно прекрасным и притягивало, как магнит.

Я плаваю, как рыба, и могу торчать в воде часами, теряя чувство времени, забывая обо всем, растворяясь. «Человек-амфибия», – говорит сестра, которая тоже плавает прекрасно, но ей это гораздо быстрее надоедает.

Мужская часть компании занялась приготовлением шашлыков. Мы предложили свою помощь, но нам вежливо указали на то, что «шашлыки – дело мужское», и предложили пока прогуляться. Решительно, нравы этой компании были мне по душе! Я воспользовалась моментом, быстренько переоделась и побежала купаться. Вода была теплая, парная – еще бы, при такой-то жаре! – она несла меня, обнимала, гладила...

Не знаю, сколько прошло времени, – я опомнилась, случайно увидев, что сестра машет мне с берега. Я повернула и поплыла к ней, по ходу дела возвращая в себе патриотические чувства. «Черт с ним, с синим морем, – говорила я себе. – В другой раз съезжу. Здесь тоже отлично плавается. Вот только Костя...» Я имела в виду: «Костя расстроен», но в ту же секунду до меня дошло, что с Костей теперь связаны проблемы более серьезные, чем его огорчения и обиды. Просто удивительно, что, думая об этой истории, я никак не могу собрать мысли воедино. Начинаешь думать в одном направлении – и все прочее тут же вылетает из головы.

Выйдя на берег, я первым делом поделилась этим наблюдением с сестрой.

– Точно! – подтвердила она. – Мысли все время идут по двойным рельсам. Начинаешь думать про «шантаж» – забываешь про листовку; начинаешь думать про листовку – забываешь про Костю и так далее. А знаешь, что это значит?

Я покачала головой.

– Это значит, мы думаем «не туда». Должен быть какой-то вариант, в котором все сцеплялось бы воедино. А мы его не видим, хотя наверняка он у нас под носом. И это не дает мне покоя. Ладно, давай переодевайся и пойдем разделим трапезу.

– Сейчас. – сказала я. – Хотя мне и есть чего-то не хочется...

Мы присоединились к остальной компании. На траве уже была раскинута скатерть-самобранка с пластиковой посудой, привезенными из дома закусками и бутылками красного вина. Шашлыки истекали соком и источали восхитительный запах. По дороге к «столу» я еще предавалась печальным размышлениям, но при виде всего этого великолепия у меня вдруг проснулся зверский аппетит. Я еле дождалась своей порции шашлыка и тут же начала жадно рвать его вилкой, ножом и зубами.

– Подумала – и стала кушать, – ехидно прокомментировала сестра.

За едой все время шел довольно оживленный треп ни о чем. Кроме нашей троицы, там было восемь человек – четыре пары. Из этих восьми я помнила

только одного, и то смутно. Но это было совершенно неважно. Компания оказалась на редкость легкой в общении.

После еды все разбрелись кто куда. Трое Левочкиных приятелей, прихватив своих спутниц, отправились «за земляникой».

– И землянику не забудьте! – напутствовал их Левочка.

Четвертый приятель, по имени Митя, еще за обедом смотрел на меня заинтересованно, а тут, видимо, решил перейти к делу, несмотря на присутствие белокурой и немного смахивающей на куклу спутницы Кати. Сперва они явно собирались «за земляникой», но Митя вдруг передумал и подсел к нам. Катя переминалась с ноги на ногу в некотором отдалении, потом села, достала какой-то яркий журнал и принялась его рассматривать, время от времени бросая в нашу сторону красноречивые взгляды. Митя поговорил о погоде и красоте здешних мест и наконец решил взять быка за рога.

– Ирочка, – сказал он, – здесь так хорошо, а вы какая-то невеселая. О чем вы все время думаете?

Он был довольно симпатичный, этот Митя, и в принципе вполне можно было бы с ним пофлиртовать. Можно было бы, если бы не эта Катя с ее журналом, в котором она ни разу не перевернула страницы, если бы не исходившие от нее волны ярости. Терпеть не могу наживать врагов на пустом месте. Я внимательно посмотрела на Митю и спросила:

– Вы действительно хотите знать, о чем я думаю?

Он кивнул:

– Конечно!

– Ну смотрите! Я думаю о том, кто убил моего поклонника – не мой ли жених?

Ну и вид сделался у этого Мити! Не знаю, может, он подумал, что я ненормальная или что я происхожу из мафиозного клана, а может быть – что я его таким образом отшиваю. Во всяком случае, он немедленно встал, промычал что-то вроде: «Спасибо, я понял» – и удалился в сторону Кати.

– Ну, Ирка, – восхитилась сестра, – с тобой не соскучишься! То меня ругаешь за жесткость, а то сама...

– Ничего, ничего, правильно, – одобрил Левочка. – Так ему и надо! Что это за манера!.. А кстати, Ирочка, чего это вы такая грустная? Не хотите ли, девочки, рассказать мне, что такое происходит в вашей жизни? Про Никиту я знаю только из газет и из телевизора. Кажется, это имеет к вам гораздо более непосредственное отношение, чем я думал? При чем здесь Ирочкин Костя? Если, конечно, это не секрет...

– Да нет, Лева, – махнула рукой сестра, – Какие от тебя секреты! А при чем здесь Костя – это хороший вопрос. Вот и мы с Иркой хотели бы знать...

Она растянулась на подстилке, сосредоточенно жуя травинку, и ни с того ни с сего брякнула:

– Вот скажи, Левочка, если бы мы с тобой решили пожениться...

«Вот свинья! – с негодованием подумала я. – Зачем же она над ним издевается?!»

Левочка грустно молчал.

– Я говорю, если бы мы решили пожениться, – как ни в чем не бывало продолжала Маринка, – а у меня был бы поклонник, еще с давних времен... Скажи, во-первых, тебя бы это волновало?

– Некорректно, – послушно включился Левочка. – Я бы, допустим, был абсолютно счастлив и плевать бы хотел на всех и вся. Но ведь ты, как я понимаю, говоришь о Никите и Косте? Костю я совсем не знаю... Мало ли какие у него могут быть комплексы! А тут такой соперник – знаменитость, звезда! Это, знаешь ли, не так просто... На этом элементарно можно свихнуться. Вы что, думаете – Костя его убил? Из ревности?

– погоди, Левочка, не спеши, – попросила Маринка. – Вот представь себе: вдруг этот самый хахаль узнает про тебя что-то такое, что мне, то есть невесте, наверняка ужасно не понравится... Как ты думаешь, что это могло бы быть?

– Что я – импотент? – вдохновенно предположил Левочка.

– Ну насчет этого, думаю, я сама была бы в курсе.

– Что я – голубой, или нет, лучше – бисексуал?

Сестра красноречиво взглянула на меня. Я отрицательно покачала головой.

– А ты уверена? – поинтересовалась она.

– Уверена. Отстань.

Левочка почесал в затылке и выдвинул следующую версию.

– Может, он узнал про мое темное прошлое? Что я убил кого-нибудь или ограбил? Стойте, а вот еще лучше: может, я женат?

– Знаете что, – сказала я, – подите-ка вы куда подальше со своими идеями! Никита впервые услышал от меня о Косте в пятницу вечером. А убили его в субботу днем. Когда же он, по-вашему, успел собрать информацию?

Левочка смутился.

– Да, действительно... Тогда я, пожалуй, за ревность, осложненную комплексами. Слушайте, чем это мы здесь занимаемся? С чего вы взяли, что это Костя?

Маринка вкратце объяснила ему, что к чему. С каждым словом глаза у Левочки все больше вылезали на лоб. Тем не менее в конце не последовало ни ахов, ни охов. Вместо этого он сказал задумчиво:

– Странно, что именно в этот промежуток времени там перебивало столько народу. Прямо сходка какая-то! А вам не кажется, девочки, что вы слишком доверчивы? Скажем, почему вы с ходу отмечаете этого господина Еврея? Потому что он симпатичный? Или, к примеру, эту девицу с Ирочкиной работы?

– Лильку? – изумилась я.

– Никита звонил Ире после того, как она ушла, – напомнила сестра.

– Вернулась! Сперла у него ключи из кармана, ушла, встретила с кем-то, кто передал ей пистолет, и вернулась. Дверь открыла ключом, застала врасплох...

– Лилька – мокрая курица, – твердо заявила я. – А Еврей действительно очень симпатичный, и убивать Никиту ему не было никакого резона.

– Вот я и говорю – вы слишком доверчивы, а доверчивость здесь неуместна!

– Это не доверчивость, Левочка, – пояснила сестра. – Это психология и интуиция. Но вообще-то спасибо, мы подумаем над твоей версией. А ты пока можешь написать детектив.

«Опять ехидничает!» – огорчилась я.

– Психология – так психология, – покорно сказал Левочка. – Тебе, Мариша, виднее. Но вот что я хочу вам сказать – если вам понадобится какая-нибудь помощь, то я всегда к вашим услугам. В любом качестве – хоть подопытного кролика, если надо...

И тут Маринку наконец проняло.

– Спасибо, дорогой, – сказала она совершенно серьезно и поцеловала его в щеку.

Домой мы вернулись гораздо позже, чем предполагали. Мама пришла незадолго до нас – из ресторана, куда водил ее один из поклонников, между прочим, довольно известный художник. Она еще не успела переодеться и сидела перед телевизором в безумно элегантном летнем костюме и туфлях на каблучках, вертя в руках «переключалку» и явно решая для себя вопрос, который в последнее время приобрел для нас масштабы гамлетовского, – включать или не включать? Ее чувства мне были вполне понятны. С одной стороны, ей наверняка не хотелось портить впечатление от приятного вечера, с другой – она боялась упустить что-нибудь важное.

Наша мама является нам в двух ипостасях – то в уютной, домашней, «плюшечной», то в элегантно-роскошной, «дамской». Казалось бы, уже можно к этому привыкнуть – за столько-то лет! И все-таки каждый раз, когда она является нам «при параде», мы с сестрой просто шалеем от того, что у нас такая элегантная мать. О чем мы немедленно ей и сообщили, перебивая друг друга.

– Ну я рада, что вы мной довольны! – сказала мама. – Но, знаете, у меня такое чувство, что нас в комнате не трое, а четверо: вы, я – и телевизор.

– Да-да, – с досадой кивнула Маринка. – Ты смотрела перед уходом?

– Смотрела, – вздохнула мама.

– Ну и что там?

– Кошмар! – мама махнула рукой. – Сначала был митинг на Манежной площади. Им дали наораться вволю, непонятно почему – митинг-то несанкционированный. Тут они на радостях двинули на Красную площадь. Туда их все-таки не пустили, и началась очередная потасовка. Сколько-то человек увезли в больницу. Собирались завтра громить синагоги, но тут начальство опомнилось, нагнали в город внутренних войск, все оцепили...

– Почему это нельзя было сделать вчера или сегодня утром? – спросила я.

– Все потому же, – мрачно сказала сестра. – Отчасти властям все это выгодно, до определенного предела, конечно. Это мы уже обсуждали. И, пожалуйста, пожалуйста, не заводись снова на тему, что это убийство всем на руку! Я и так нервничаю.

Она угадала: я уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь в этом роде. Дело в том, что эта мысль решительно не давала мне покоя.

Телевизор мама все-таки включила.

– Я только быстренько пробежусь по всем программам, – сказала она отчасти даже виновато и стала нажимать кнопки одну за другой.

Перед глазами, как в сумасшедшем калейдоскопе, замелькали лица. У меня возникло странное чувство – что-то вроде *deja vu*. Как будто все, что я видела по телевизору за последнюю неделю, собрали воедино и показали одновременно по разным программам. «Заговор!», «Провокация!», «Ребята, давайте жить дружно!» Тьфу!

– Ну вот что! – решительно заявила я. – С меня хватит! Вы как хотите – а я пошла.

– Я тоже, – сказала сестра. – Мама, кто-нибудь звонил?

Звонили, как выяснилось, только Маринке. Мама честно перечислила всех звонивших, причем я с удивлением обнаружила, что одно из имен – муж-

ское – мне ничего не говорит. Не укрылся от моего внимания и тот факт, что Маринка при упоминании этого имени явно оживилась. Она поймала мой наполовину удивленный, наполовину возмущенный взгляд и быстро проговорила:

– Познакомились в Риге. Все расскажу.

– Проверьте автоответчик, – сказала мама. – Я включила перед уходом.

Маринка подошла к телефону и нажала кнопку.

– Ирочка, – сказал Костин голос, – я прилетаю в понедельник. Если не смогу дозвониться, приду вечером без звонка. Целую. До встречи.

Не то чтобы я думала, что он останется в Швейцарии навсегда. Нет, этого я не думала. Но мне было так страшно представить себе, что будет, когда он вернется, что я предпочитала вовсе об этом не думать. В точности как страус – прав был без вести пропавший Сергей Кузнецов. В понедельник я должна буду встретиться с Костей, посмотреть ему в глаза, что-то сказать... Невозможно!

– Надо подумать, как с ним разговаривать, – сказала сестра. – Завтра, на ясную голову... Ладно?

– Ладно, – уныло кивнула я и отправилась спать.

Человек, как известно, предполагает... Не зря Маринка называла это дело «двухколейным». Стоило нам сосредоточиться на линии «Костя–ревность–шантаж», как нас перебросило в другую колею. И как!

В воскресенье ведущий двенадцатичасовых новостей объявил:

– Только что мы узнали, что журналист Сергей Кузнецов вернулся домой. Пока нам не удалось поговорить с ним подробно. Мы выяснили только одно: Кузнецов был похищен неизвестными лицами и все эти дни находился у них в плену. Более подробная информация – в следующих выпусках.

Стоит ли говорить, что, когда подошло время следующего выпуска, мы рванули к телевизору наперегонки.

– К сожалению, Сергей Кузнецов не смог приехать сегодня к нам в студию, – сообщил ведущий. – Он обещал приехать завтра и дать подробное интервью. А сегодня он согласился побеседовать с нашим корреспондентом Еленой Галкиной у себя дома.

Камера показала комнату с письменным столом и компьютером – по-видимому, рабочий кабинет, хотя с потолка свисали спортивные кольца, в углу была шведская стенка, а на полу под ней – мат. За столом сидел мой недавний знакомец. На этот раз он был в спортивном костюме и шлепанцах. Камера показала его крупным планом. Вид у него был не такой веселый и победный, как в момент нашего знакомства, а растерянный и как будто немного смущенный.

– Он? – зачем-то спросила сестра.

– Он самый, – подтвердила я.

– Сергей, – обратилась к нему корреспондент Елена Галкина, маленькая, кудрявая и восторженная, – если можно, расскажите, пожалуйста, о том, что с вами произошло.

– Знаете, я пока еще не очень в состоянии... – сказал Кузнецов. – Не собрался с мыслями. Я уже говорил вашему коллеге. Впрочем, расскажу, но только вкратце, так сказать, основную канву...

– Да, конечно, пожалуйста, – поспешно согласилась Галкина. – Насколько я понимаю, это случилось в среду?..

– В среду, – подтвердил Кузнецов. – В среду вечером я вышел из редакции очень поздно, в начале одиннадцатого. Подошел к своей машине, сел, и тут мне на голову набросили мешок. То есть я думаю, что это был мешок... Потом связали и положили на заднее сиденье. Кто-то сел за руль. И повезли... Привезли в какой-то подвал – не подвал, а прямо-таки подземелье. Ну и продержали там три дня, а потом выпустили.

– Сергей, – жалобно взмолилась Галкина, – я понимаю, вам не до того, нужно прийти в себя... Но, может, хоть чуть-чуть поподробнее?.. Насколько мне известно, похитители не вступали ни с кем в переговоры, не ставили никаких условий, не просили выкуп... Какова же была цель этого похищения, и почему они вас все-таки отпустили? У вас есть ответ на этот вопрос?

– Да, я знаю ответ. Знаю от них самих. Им действительно не нужен был выкуп. Они преследовали совершенно другую цель. Вы помните мою статью «Не верь глазам своим»?

Галкина промывчала что-то неопределенное. Кузнецов продолжал как ни в чем не бывало:

– Она вышла во вторник. В этой статье я доказывал, что международных тайных заговоров не существует... Так вот – эти люди похитили меня с единственной целью: доказать мне и через меня всем прочим реальность собственного существования.

– Вот это номер! – воскликнула сестра.

Что до меня, то я просто утратила дар речи и беспомощно ловила ртом воздух. Галкина тоже выглядела крайне изумленной.

– Вы хотите сказать, что они объяснили вам прямым текстом?..

– Именно так. Вы спрашиваете, почему они меня отпустили... Потому и отпустили. Зачем я им там? Я был им нужен только как передаточное звено, как провод, что ли... Или, если хотите, как почтовый голубь. Они вложили в меня определенную информацию и отправили обратно, чтобы я нес эту информацию дальше. Вам, например...

– Скажите, Сергей, – продолжала Галкина, – вы видели этих людей?

– И да, и нет. Я их видел, но они были в масках, все до единого, и в одинаковой одежде, вроде балахонов.

– Как они с вами обращались?

– Неплохо. Можно даже сказать, хорошо. Если, конечно, не считать того, что держали взаперти. Кормили-поили, как в ресторане. Газеты давали.

– Какие газеты?

– «Общую», «Сегодня» и «Завтра».

– И «Завтра»?

– И «Завтра».

– Как происходило ваше общение с ними?

– Сначала никакого общения не было. Весь четверг я сидел один, и никто мной не интересовался. Это было, пожалуй, хуже всего. Я не понимал, что происходит. Честно говоря, я впал даже в панику. Стал стучать в дверь, кричать и все такое... Тогда вошел охранник и сказал, чтобы я потерпел до завтра – завтра мне объяснят, что к чему. В пятницу меня отвели к Магистру. Он-то мне и растолковал, что им от меня нужно.

– Что именно он сказал?

– Примерно так: «Не волнуйтесь, мы не причиним вам зла. Мы прочитали

вашу статью и привезли вас сюда, чтобы доказать вам ошибочность вашей точки зрения. Завтра вас доставят домой. Мы не сомневаемся, что, вернувшись, вы найдете способ сообщить публике о том, что вам стало известно. В этом – единственный смысл вашего пребывания здесь». Примерно так.

– Скажите, как все это выглядело? Хотя бы в самых общих чертах. Знаете, вокруг этого столько накручено...

– Между прочим, все это не так уж далеко от действительности. Вот, например, когда меня привели к Магистру... Представьте себе: сначала темнота, пока глаза не привыкнут, только свечка какая-то горит где-то сбоку или лампочка. Но если лампочка, то о-очень слабая. В чем-то белом. Потом, когда глаза привыкли, я разглядел: это белое, это был череп. Там стол был, сбоку, покрытый черным, на нем этот самый череп, а перед ним – Евангелие. Около стола – открытый гроб с костями. И семь подсвечников.

– О господи! – выдохнула Галкина.

– Да... Потом инструменты всякие... Молоток, лопата, отвес... Вот, собственно, и все. В субботу вечером, поздно, опять надели мешок, посадили в машину – не в мою, а в чужую – и привезли к самому дому. Высадили и в ту же секунду умчались.

– А машина? Ваша машина, я имею в виду?

– Стояла во дворе, на обычном месте.

– Как вы думаете, где может находиться подвал, в котором вас держали?

– Понятия не имею. Скорее где-то за городом – мне показалось: деревья шумели. Но точно не скажу. Мог быть дом в каком-нибудь сквере, здесь же, в Москве. Мне казалось, что мы очень долго ехали. Но я, честно сказать, так обалдел, что потерял чувство времени. И потом, они вполне могли кружить по улицам, чтобы сбить меня с толку. Хотя вроде ехали мы по прямой... Не знаю.

– Хорошо, Сергей, спасибо большое, – сказала Галкина. – У меня к вам, конечно, еще куча вопросов, но не стану вас больше мучить. Ждем завтра у нас в студии, где, я надеюсь, состоится более подробный разговор.

– Ну, так, – сказала я. – И что, спрашивается, из этого следует? Что убийца – не Костя или что Костя – масон?

В самом деле, как просто! Вот оно, то самое звено, которое объединяет личное с общественным, любовь – с политикой. Я добросовестно попыталась представить себе Костю в балахоне и в маске. Что ж, не более странно, чем Костя с пистолетом. Я уже ничему не удивлюсь.

– Маринка! – взмолилась я. – Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь!

Она посмотрела сквозь меня и проговорила тоном сомнамбулы:

– Евангелие? Он сказал: Евангелие? Но это же очень интересно! Я хочу видеть этого человека!

– Кого, Кузнецова?

– Его, его...

– Зачем он тебе сдался?

– Поговорить.

– Что ты хочешь от него услышать? Он уже все сказал. А чего не сказал – скажет завтра.

– Нет, – решительно возразила сестра. – Я хочу сама задавать ему вопросы. Понимаешь? Вот увидишь – завтра они очень быстро перейдут к размышле-

ниям по поводу, а у меня совсем другие задачи.

– Да что говорить, – сказала я. – Все равно нам до него не добраться.

– Почему не добраться? – невозмутимо заявила сестра. – Ты же говоришь, у тебя есть его телефон.

Я пожала плечами.

– Ну и что? Что ты будешь с этим телефоном делать? Позвонишь и скажешь: я поклонница вашего таланта? Или – я вас видела по телевизору, вы мне очень понравились?

– Почему я? – удивилась сестра. – Не я позвоню, а ты! Тут опешила я.

– Но я вовсе не собиралась ему звонить! Что я ему скажу?

– Скажешь, что хочешь поговорить. Уверяю тебя, он клюнет! Во-первых, он наверняка подумает, что ты собираешься откровенничать насчет Никиты, а во-вторых, ты ему явно понравилась.

– С чего ты взяла?

– Не знаю. Чувствую.

– Но я совершенно не хочу с ним разговаривать!

– Тебе и не нужно. Разговаривать буду я.

– Транзит? – догадалась я.

– Транзит, – подтвердила сестра. Систему «транзита» мы разработали сто лет назад, в восьмом классе. Дело было так. Я влюбилась в мальчика из десятого класса, но совершенно не знала, как к нему подступить. Маринка, разумеется, была в курсе. И вот, войдя в мое бедственное положение, она протянула мне руку помощи. Ее саму мой «объект» нисколько не интересовал, поэтому она чувствовала себя куда более независимо, чем я, и ни капельки его не стеснялась. Под каким-то предлогом – уж не помню каким, – она подошла к нему и завязала знакомство. Они начали общаться, а через пару дней Маринка представила ему свою любимую сестру и потихоньку отошла в тень. Далее следовала моя партия, с которой я справилась уже сама, без посторонней помощи.

Со временем мы развили эту систему и усовершенствовали, снабдив множеством мелких деталей. Разумеется, при осуществлении «транзита» большое внимание уделялось внешней стороне дела. В решающий момент та, ради которой все это затевалось, должна была выглядеть как можно лучше, а та, которая выполняла роль Серого Волка при Иване-Царевиче, наоборот, должна была иметь вид как можно более невзрачный. Конечно, нельзя сказать, чтобы успех был гарантирован – нет. И все-таки из пяти случаев – а мы с Маринкой прибегали к этой системе ровно пять раз – «транзит» сработал в четырех, что, согласитесь, очень и очень неплохо.

Звонить Кузнецову мне не хотелось ужасно. И просто не хотелось, и непонятно было, чего Маринка надеется от него добиться. С другой стороны, я привыкла считать, что она знает, что делает. Кроме того, мне совсем не улыбалась перспектива сидеть сложа руки и ждать Костиного приезда. Пусть уж лучше хоть что-то происходит – даже если я не верю, что от этого будет толк.

Я откопала в сумке кузнецовскую визитную карточку и решительно набрала номер. К телефону подошел он сам.

– Сергей, – сказала я, – добрый день. Это Ира, знакомая Добрынина, та, которую вы спасали от журналистов...

– О! – воскликнул он. – Привет! Позвонила все-таки! Вот здорово!

А я-то, честно говоря, опасалась, что он скажет что-нибудь вроде: «Простите, не помню» – и мне придется долго и нудно объясняться и рассказывать историю нашего знакомства. Вместо этого он явно обрадовался, и я почувствовала себя куда более уверенно. Теперь надо было срочно «ковать железо».

– Сергей, – решительно сказала я, боясь утратить запал, – мне хотелось бы с вами встретиться

Я собиралась добавить что-нибудь туманное насчет того, что «нужно поговорить», но он моментально меня перебил избавив от лишних трудов;

– Отлично! Когда и где? Сегодня можешь?

– Могу, – сказала я, удивляясь, до чего все легко получается.

– Отлично! – повторил он. – Скажем, через час, в той же кафешке, в которой мы с тобой были. Идет?

– Договорились, – сказала я.

Через час. Значит, выйти нужно через полчаса. Что ж, времени на сборы достаточно. От меня, собственно говоря, вообще ничего не требовалось – разве что сменить домашнюю обувь на уличную. Никакой косметики и костюм, максимально соответствующий образу серой мышки. Но и Маринке получаса должно было хватить за глаза. Как только я сообщила ей о результатах нашей беседы, она удалилась в ванную, прихватив с собой ворох тряпья. Я села, взяла книжку и стала ждать. Когда минут через двадцать она вошла в комнату, я охнула и уронила книжку на пол. Она вошла, и в комнате запахло апельсиновыми деревьями, зазвучали серенады, которые пели смуглые испанские гранды, аккомпанируя себе на гитарах. Карие глаза в пол-лица полыхали нездешним пламенем, золотистый прибалтийский загар придавал смуглой коже совершенно потрясающий оттенок. Да еще яркие, безукоризненной формы, губы, да еще темные, густые волосы, разбросанные по плечам, да еще высокая, стройная фигура в платье из темно-вишневого шелка... Словом, было на что посмотреть! И все это ради того, чтобы вытянуть из малознакомого типа пару-тройку полезных сведений! Жалко, честное слово! А в волосах у нее, между прочим, мерещилась темно-красная роза. Но розы не было, и испанских грандов тоже. Впрочем, российские мужики, хоть серенад и не пели, но пялились на нее так, что было прямо неловко. Всю дорогу мы чувствовали себя, как на подмостках, – в роли королевы и служанки. Оставалось надеяться, что Кузнецов не окажется исключением.

– А вдруг он питает слабость к блондинкам? – шепнула сестра перед самым входом в кафе.

Я вздохнула и развела руками.

Кузнецов не питал специальной слабости к блондинкам. Это я поняла сразу, как только он нас заметил. Впрочем, «нас» – это сильно сказано. Меня он, можно сказать, не замечал вовсе, разве что в самый первый момент, когда мы подошли к столику, за которым он сидел, и раскланялись.

– Сергей, – сказала я, – это моя сестра Марина...

Дальше я собиралась сказать, что она составила мне компанию совершенно случайно, от нечего делать, – чтобы он, не дай бог, не насторожился; но все это оказалось совершенно излишним. Он смотрел сквозь меня и, кажется, не очень понимал, при чем здесь я и какого черта я торчу здесь и путаюсь под ногами. Словом, результат превзошел все ожидания. Мне оставалось только взглянуть на часы и пробормотать:

– Я, пожалуй, пойду...

После чего я подмигнула сестре и немедленно удалилась.

Дома я в очередной раз попыталась, пользуясь словами «моего Еврея», «покрутить пазлы». Итак, какие-то типы, именующие себя масонами, похитили Кузнецова, чтобы он увидел их воочию и убедился, что они существуют и что Никиту убили именно они. Хотя нет, постойте, про убийство вроде бы в данном случае речи не было. Или это подразумевается? Кстати, масоны, насколько я помню, никогда не стремились к публичности. Скорее наоборот... Чего же это их теперь разбирает? Ну хорошо... Никита каким-то образом узнал про Костю что-то такое, что решил его шантажировать... Скорее всего, требовал, чтобы он на мне не женился. Допустим, он узнал, что Костя... ну, скажем, не обязательно масон, а член какой-нибудь тайной секты... И тогда Костя его убил, совместив, так сказать, приятное с полезным...

Отсюда мысли мои перескочили на Костю и предстоящий разговор с ним. Я стала прокручивать в голове разные варианты этого разговора. Маринка считала, что его нужно как-нибудь подловить – поймать на каком-нибудь несоответствии или на знании того, чего он знать не должен. От этих размышлений мне захотелось плакать. Я вскочила, закурила и стала ходить взад-вперед по комнате. Меня все больше охватывало нетерпение. Я начисто забыла, что всего несколько часов назад считала встречу с Кузнецовым бессмысленной тратой времени и не понимала, что Маринка надеется у него узнать. Теперь мне казалось, что она узнает что-то страшно важное и из этого сумасшедшего клубка высунется хоть какой-нибудь кончик.

Сестра пришла часов около шести, с видом задумчивым и отрешенным, так что если бы я не была уверена, что Кузнецов совершенно не в ее вкусе, то заподозрила бы неладное. На все мои вопросы она отвечала:

– Подожди – мне надо подумать.

Что ж, подумать – так подумать, «пошевелить серыми клеточками», как говаривал один яйцеголовый бельгиец, это я понимаю и уважаю. Но вот когда она встала, взяла из шкафа какую-то книжку и стала читать – это было уже выше моих сил.

– Марина, – укоризненно сказала я, все еще стараясь говорить вежливо, – ну как тебе не стыдно? Я же нервничаю...

– Пожалуйста, потерпи, – последовал ответ. – Я работаю.

Это было уже слишком! Работает она! Я же прекрасно видела, что за книжка у нее в руках – томик «Войны и мира». Похвальная любовь к классике, но, между прочим, русская классическая литература проповедует гуманизм и любовь к ближнему, а она ведет себя, как свинья! Я вышла из комнаты, хлопнув дверью, и уселась на кухне с сигаретой, чуть не плача от злости.

Сестра появилась минут через пять. Она подошла ко мне сзади и тихонько потрогала за плечо. В руках у нее был все тот же томик с заложенной пальцем страницей.

– Ну что ты за человек, Ирка! – вздохнула она, укоризненно качая головой. – Ну чего ты надулась, скажи на милость? Я же сказала: я работаю. Мне нужно было кое-что проверить.

– Проверила? – скептически поинтересовалась я. – И что же ты проверяла, хотелось бы знать? Женился ли князь Андрей на Наташе?

– Нет, – спокойно ответила она, не реагируя на мои подначки. – Это я знаю.

Он помер. И вообще дело не в нем, а в Пьере Безухове.

– А с ним что?

– Сейчас объясню. Ты помнишь, что говорил Кузнецов по телевизору?

– Вроде помню. А что именно?

– Насчет того, как все это выглядело. Череп, гроб, подсвечники... А теперь слушай, – она раскрыла книгу и стала читать. – «В комнате было черно-темно: только в одном месте горела лампада в чем-то белом». Заметь: лампада нашему другу не годилась – слишком архаично, и он переделал ее в гибрид свечки с лампочкой. И дальше: «Лампада стояла на черном столе, на котором лежала одна раскрытая книга. Книга была Евангелие...» Заметь: Евангелие! И у кузнецовских масонов тоже Евангелие, хотя уж кузнецовским-то это никак не пристало, они ведь жидомасоны все-таки. Наш Кузнецов не учитывает нюансов, а может, не отличает Библии от Евангелия. Поехали дальше: «...то белое, в чем горела лампада, был человеческий череп с своими дырами и зубами. Пьер обошел стол и увидел большой, наполненный чем-то и открытый ящик. Это был гроб с костями». И так далее. Про молоток, отвес и лопату там тоже есть. Ну как?

Я молча развела руками.

– Мне еще тогда, во время передачи, показалось, что я это где-то слышала, – сказала сестра. – Сначала никак не вспоминалось. Разговариваю с ним, а сама думаю: знаю! Знаю ведь, черт возьми! А откуда знаю – не помню. И на обратном пути все мучилась, чуть с ума не сошла. Главное – чувствую, что это что-то простое и очевидное... Дома стала перебирать, где и что я читала про масонов, и тут меня осенило. Проще пареной репы! У тебя есть соображения?

– Какие тут могут быть соображения? – со злостью сказала я. – По-моему, все ясно. Поздравляю вас, гражданин, соавраи. Все придумал, от начала до конца.

Маринка покачала головой.

– Необязательно. Есть как минимум два других варианта. Во-первых, какие-то люди могли его разыграть и сами использовать «Войну и мир» как источник информации...

– Значит, все-таки провокация? – воскликнула я. – Ну правильно, тогда и поддельный e-mail укладывается! А при чем здесь Костя, я так или иначе не понимаю...

– погоди, – остановила меня сестра, – есть еще второй вариант. Толстой ведь знал, что описывал. Ритуал мог остаться без изменений. Вполне вероятно, что именно так все это и выглядит на самом деле.

Тут я совершенно растерялась. Что же это такое, в конце-то концов! Получается, что любой факт может быть истолкован по меньшей мере тремя разными способами, причем каждый из этих способов начисто отрицает другой. Интересно, это специальное свойство этой истории или в жизни всегда так, а раньше я этого просто не замечала?

– У меня голова лопается, – пожаловалась я. – У тебя есть точка зрения? Если есть, пожалуйста, скажи!

– Ну, полной уверенности у меня нет... – задумчиво протянула сестра. – Но если тебя интересует мое мнение... В общем, я думаю, он все врет.

– Но как же... Почему ты думаешь?

– Понимаешь, дело не только в том, что он говорит прямо по Толстому... Он

не говорит ничего, кроме того, что есть у Толстого, – вот что интересно! Я пыталась расспрашивать его про детали. Он рассказывает охотно, но все время более или менее одно и то же, только слова разные, да и то не всегда... Это раз...

– А два?

– А два – это мое ощущение. Мне кажется, что он врет, – и все тут! Разве ты не знаешь, что иногда это бывает заметно?

– Знаю... Я только не могу понять: если тебе заметно, то и другим тоже может быть заметно. А он ведь собирается надуть посредством телевизора весь российский народ. Если, конечно, ты права и он действительно врет.

– Я не знаю, на что он рассчитывает, – пожалала плечами сестра. – Мало ли... Может, на то, что никто не станет вдаваться в подробности – эфирное время дорого. А может, собирается до завтра чего-нибудь подчитать на масонскую тему. Кто его знает... А главное – все это совершенно неважно..

– Что неважно? – удивилась я. – Поверят ему или нет?

– Конечно! – кивнула сестра. – Я думаю, это его мало волнует. Поймать его за руку, как я понимаю, нельзя... А шуму вокруг его имени будет – можешь себе представить!

– Значит, рекламная акция?..

– Только не забывай, – сказала сестра, – что мы не можем на сто процентов исключить два других варианта. Хотя вообще-то очень похоже. Он думал, что статья про масонов его прославит, а ее мало кто заметил. Вот он и решил взять дело в свои руки. Или еще похлеще: писал эту статью с дальним прицелом...

– Маринка! – воскликнула я. – Но если это правда, то как же он не боится? Ведь могут разоблачить!

– Ничего уголовно наказуемого, – сказала сестра. – Никакого официального заявления о пропаже, никакого розыска... Слова, слова, слова... Да и некому разоблачать. Одни поорут: «Масоны!» Другие: «Провокация!» Ну а третьи, может быть: «Вранье!» Так все и так орут. А он теперь в центре внимания. Что и требовалось.

– Маринка, – ни с того ни с сего проговорила я, – а помнишь, мама как-то сказала, что, может, дело не в том, что Никита кому-то мешал, а в том, что кому-то он был нужен мертвым?..

– Помню, – кивнула сестра. – Ну и что?

– Ничего, – пробормотала я. – Сама не знаю...

В эту минуту зазвонил телефон.

– Не пойду, – заявила я, с ненавистью глядя на телефонный аппарат. – Это Костя.

– Почему именно Костя? – удивилась сестра. – Как будто, кроме Кости, и позвонить некому!

– Подойди, я тебя прошу, – прошипела я. – Меня нет дома.

Сестра покорно сняла трубку. Через минуту она протянула ее мне и, прикрывая рукой микрофон, сказала:

– Это тебя. Какой-то мужик. Незнакомый. Иностранец.

Я взяла трубку.

– Добрый день, – сказал удивительно приятный мужской голос с ярко выраженным венгерским акцентом. – Моя фамилия Лендел.

– Добрый день, – растерянно ответила я. Надо же – я ведь опять успела забыть о нем напрочь!

– Могу говорить по-венгерски? – спросил он.

– Да, пожалуйста, – я перешла на венгерский.

– Вы оставили сообщение...

– Да, – сказала я. – Но я звонила не от своего имени. Меня просил об этом агент Добрынина – Антон. Он был напуган вашим исчезновением, пытался позвонить вам в Будапешт, но ему отвечали по-венгерски. Если не возражаете, я дам вам его телефон...

– У меня есть его телефон, – сказал Лендел. Потом он немного помолчал и внезапно огорошил меня следующим вопросом: – Скажите, Ирина, у вас рыжие волосы?

– Да, – тупо ответила я. – А что? Какое...

– Не сердитесь, ради бога. Я просто хочу понять, с кем говорю... Значит, вы – та самая Ирина... это про вас Добрынин пел: «Костер твоих волос»...

Я молчала, ожидая продолжения.

– Он говорил мне, что у него есть... э-э... подруга, – кажется, так он выразился, – которая знает венгерский язык. М-да... Костер... Значит, это с вами разговаривала моя дочь...

«Ненормальный? – пронеслось у меня в голове. – Какая еще дочь?»

– Так может быть, вы позвоните Антону? – робко предложила я. – Он волнуется: думает, с вами что-то случилось...

– Позвоню обязательно, – твердо пообещал он. – Потом. А пока, если можно, поговорю с вами. Аги меня просила. Она чувствует себя виноватой. Особенно перед вами...

«Аги? Господи, кто это – Аги?» – лихорадочно соображала я.

– Да я и сам хотел, – продолжал он. – Видите ли, мне кажется, вы тот самый человек, с которым мне нужно поговорить...

Интересно, почему это именно со мной? Может, дело в том, что я говорю по-венгерски? Людей, которые его знают, на свете не так уж много, и к ним у венгров особое отношение...

– Говорите, – недоумеваю, согласилась я.

– Я понимаю, что мой внезапный отъезд мог показаться странным, если не подозрительным, но у меня не было выхода. Антон, вероятно, сказал вам, что я приехал в Москву, чтобы окончательно договориться о гастролях Добрынина. С нашей стороны все было готово. Мы даже издали что-то вроде либретто – перевод самых известных песен на венгерский. Я привез ему показать... Программа была готова. Собственно, все дела можно было кончить в один день... Но я решил задержаться... Дело в том, что я приехал в Москву не один, а с дочерью... Она школьница, ей шестнадцать лет. Моя жена была русская, она умерла десять лет назад. Аги говорит по-русски, но плохо. Пока жена была жива, они каждое лето ездили в Россию, а после ее смерти девочка не была там ни разу. Поэтому я решил взять ее с собой. На свою голову... Понимаете, у нее к России совершенно особое отношение. Россия для нее связана с матерью, с детством, со сказками... Не просто страна, а какое-то тридевятое царство... Теперь представьте себе: приезжает она в это тридевятое царство и видит настоящего русского богатыря из сказки... Словом, Добрынин произвел на нее неизгладимое впечатление. Иначе и быть не могло, и я, дурак, должен был предви-

деть это заранее. Но я оказался дураком вдвойне: я не только этого не предвидел, но и ничего не заметил. В субботу утром она отказалась идти со мной гулять, сказала, что устала и хочет побыть в номере. Когда я вернулся, она лежала на кровати и читала. Потом мы включили телевизор и услышали эту кошмарную новость... С Аги такое творилось – не могу вам передать. Она плакала, билась, умоляла ее увезти. Только тогда я наконец понял... Но мало того... Она призналась мне, что днем не сидела в номере, как я думал, а ходила к дому Добрынина...

И тут я догадалась. Так вот что казалось мне знакомым! Акцент. Она говорила с венгерским акцентом.

– В костюме цыганки? – спросила я. – Она нарочно отпугивала от него женщин?

– Теперь вы поняли? – ответил он вопросом на вопрос. – Мне необходимо было ее увезти – я просто не мог поступить иначе. Она была в таком состоянии... Я всерьез опасался за ее психику. Нужно было срочно увезти девочку из этого кошмара. Я надеялся, что дома она придет в себя. И кроме того... Если бы как-нибудь всплыло, что она тогда болталась около того самого дома, с ней наверняка захотели бы побеседовать, а она, видит бог, была не в том состоянии, чтобы отвечать на вопросы. Она могла просто не выдержать. Вот почему я уехал. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – ответила я. – Вполне. И как она сейчас?

– Очень сильно потрясена. И все-таки дома она немного пришла в себя – мне так кажется по крайней мере. Правда, время от времени повторяет, что накликала беду своими пророчествами... С Антоном она разговаривать побоялась и притворилась, что не понимает по-русски.

– Все ясно, – сказала я. – Ну что ж... Спасибо за информацию.

– Не за что, – ответил Лендел. – Не знаю, какой в этой информации толк... Во всяком случае, я свое дело сделал. Спасибо вам, Ирина, что выслушали.

Я собиралась попрощаться и положить трубку, но в этот момент сестра, успевшая по моим репликам реконструировать картину, быстро написала что-то на бумажке и подсунула ее мне под нос. «Спроси, видела ли кого-нибудь. И про концерт», – прочитала я. В самом деле – могла бы и сама догадаться!

– Господин Лендел... – начала я.

– Просто Ласло, – перебил он.

– Хорошо – Ласло. Скажите, пожалуйста, Ласло, ваша дочь... она видела кого-нибудь, кто выходил бы из дома после меня?

– Нет, Ирина. Она ушла сразу следом за вами. Иначе она не успела бы к моему приходу.

– И еще одно... Вы были на последнем концерте Никиты?

– Да. Он пригласил нас. Мы сидели в первом ряду.

– Ну так, – сказала я, положив трубку и пересказав сестре подробности разговора. – Еще одна исповедь. Сперва – еврей, потом – венгр... Отчего это мне так везет, хотела бы я знать? Может, во мне есть что-то от исповедника? Ну, ладно... Хоть что-то прояснилось, слава тебе господи. А то – одни загадки и ни одной разгадки! Неизвестно, правда, что с этой разгадкой делать, но все-таки... И как это я сразу не сообразила, что у нее венгерский акцент! Вот растяпа! А, между прочим, заметь, сколько в этой истории всяких лингвистических шту-

чек: цыганкин акцент, потом этот e-mail с разной транслитерацией... Погоди, что-то я должна была сделать?.. Ах да, Антону позвонить, я обещала...

– Постой, как ты сказала? – изменившимся голосом переспросила сестра. – Лингвистических штучек? Транслитерация?..

– Ну да, – удивилась я, – а что?

Она никак не реагировала на мой вопрос и продолжала бормотать, глядя в пространство:

– Гастроли... Венгрия... Транслитерация... Лингвистический вопрос... Ты говоришь, у Никиты был к тебе лингвистический вопрос?

– Ну да, он так сказал, – ответила я в полном недоумении. – Да что такое?

– А то, что... Дай-ка мне что-нибудь, чем писать!

Я пожалала плечами, но покорно пошла за ручкой. Маринка тут же выхватила ее у меня из рук и принялась что-то лихорадочно писать на газетном обрывке.

– У Никиты есть песня под названием «Пашня»? – вдруг спросила она, не поднимая глаз.

– Есть, конечно, – ответила я. – Только, по-моему, не «Пашня», а «Пахота». Впрочем, названия у него всегда условны. Неужели не помнишь? Один из его знаменитых русских народных рок-шлягеров. С символическим, между прочим, подтекстом... Пахота – жизнь, вспаханное поле – прожитые годы. И так далее... Все рыдают... Может, скажешь, в чем дело?

Вместо ответа она протянула мне клочок бумаги, на котором писала. Там было написано, одно под другим, всего два слова, но их было вполне достаточно для того, чтобы я пришла в крайнее возбуждение. На первый взгляд это могло показаться тарабарщиной: слово «пахота» по-венгерски, а под ним по-русски – «шантаж». Но я-то была уже подготовлена, – во-первых, историей с поддельным письмом, а во-вторых – Маринкиным бормотанием насчет транслитерации и лингвистики... Как это сказал Лендел?.. «Мы даже издали что-то вроде либретто... Я привез ему показать». Ну, конечно! Господи, как просто!

А ведь я всерьез пыталась строить на этом «шантаже» какие-то теории! Впрочем, не я одна. Следователь Соболевский тоже не обошел этого «шантажа» своим вниманием... Я представила себе, как буду объяснять ему, что к чему. «Вот смотрите, слово «пахота» пишется по-венгерски так: «szantas». Теперь попробуйте переписать его русскими буквами. Надстрочных знаков в русском языке, как известно, нет, поэтому на них придется просто плюнуть. «Sz» по-венгерски читается как русское «с», но тот, кто не знает венгерского, об этом, конечно, не догадывается. Как же передать это «sz» по-русски? Уверяю вас, что многие носители русского языка передали бы его как «ш». Скорее всего, это идет из польского, который нам все-таки куда ближе и понятнее, чем венгерский. С буквами «а», «п» и «t» все понятно, тут никаких проблем нет. А вот с последним «s» – опять сложности. В венгерском языке это – «ш». Но русский, естественно, напишет в этом случае «с». Соединяем все буквы вместе и получаем: «шантас». Вы помните, что последняя буква в Никитиной записи была мало похожа на «ж»? Ее вообще невозможно было прочесть. Она была похожа на загогулину, плавно переходящую в вопросительный знак. Дайте-ка сюда эту бумажку – я вам покажу...»

Тут я обнаружила, что чересчур увлеклась. Передо мной сидел не следователь Соболевский, а сестра Марина, которая ждала моей реакции. «А ведь она

с самого начала угадала, что речь идет не о действии, а о слове, – вдруг подумалось мне. – Вот тебе и «серенькие клеточки»! А я-то еще подсмеивалась...»

– Вот только последняя буква... – с сомнением проговорила сестра, не дождавшись моей реплики.

– Ты, Мариша, правда, гений сыска, – сказала я с искренним восхищением. – Последняя буква была в виде закорючки и сливалась с вопросительным знаком. Вот тебе и весь шантаж! Я бы ни за что не догадалась! Так бы и думала, что он вынашивал коварные планы. Знаешь, ведь остальные песни у него либо вовсе без названий, либо называются попроще, постандартнее; это все можно найти в любом разговорнике, а слово «пахота» – вряд ли.

– Ну да, – подтвердила Маринка, – можно предположить, что разговорник он приобрел из-за предстоящих гастролей... «Пахоту» он не нашел и решил спросить у тебя. Похоже, так оно и было, хотя точно мы этого уже не узнаем. Видимо, спрашивать он собирался по телефону – иначе зачем бы ему делать русский «конспект»?

– Правильно! – подхватила я, получая большое удовольствие от происходящего. Первый раз за все это время мы не ставили вопросы, а давали ответы – эта процедура нравилась мне куда больше. Наш диалог немного напоминал музыкальный дуэт: как только замолкала одна, тут же вступала со своей партией другая. – С иностранными языками у него всегда был напряг, отсюда – русские буквы, так ему было проще... И, знаешь, ведь в этом случае становится понятно еще кое-что. Помнишь, ты удивлялась, зачем писать на бумажке слово, которое и так знаешь?

– Ну, конечно, – вступила сестра. – Это мы увидели слово «шантаж». Точнее, вы с Соболевским. Не исключено, впрочем, что я бы тоже купилась... А Никита никакого «шантажа» не видел. Просто бессмысленный набор букв... Ну что, дорогая, давай, звони своему Соболевскому.

– Когда?

– Как это – когда? – удивилась сестра. – Чем скорее, тем лучше. Звони прямо сейчас!

– Нет, – сказала я, стремительно мрачней. – Не буду я ему звонить, пока не поговорю с Костей.

Стоило мне вспомнить про Костю – и настроение упало так же быстро, как поднялось. Конечно, это замечательное ощущение – понимать, что происходит. Я ведь давно уже перестала считать, что это – в порядке вещей. Но пока мне удалось вытянуть из болота бессмыслицы только кончик носа. В самом деле, чего это я разрезвилась? Ну ладно, с «шантажом» от меня теперь, надо надеяться, отстанут... Но визит-то этот субботний, злополучный поход за записной книжкой все равно на мне. Да и не в том дело. Какое там путешествие!.. Если Костя... И шантаж обернулся пшиком, и Кузнецов, если верить Маринке, все наврал, но ведь Костя был там в субботу! Не знаю, зачем, не могу себе представить – но был! Кажется, тут ошибки быть не может. Он обманул меня – и пока я не пойму, что все это значит...

– Пока я не пойму, что все это значит, – сказала я вслух, – не могу разговаривать с Соболевским.

– Почему? – удивилась сестра. – Какая связь? Тебе в любом случае нужно снять с себя подозрения – вне зависимости от того, зачем Костю понесло к Никите. Это отдельная история.

– Не знаю, – я покачала головой. – Сама не знаю. За один день ничего не изменится, бог даст, не посадят... Не дави на меня, Мариша. Может, завтра мы что-нибудь узнаем...

Хлопнула входная дверь.

– Мама пришла, – сказала Маринка. – О, кстати, надо бы телевизор включить. А то, неровен час, чрезвычайное положение объявят, а мы и не узнаем.

Каково же было мое удивление, когда появившийся на экране пресс-секретарь президента сказал слово в слово следующее:

– Если так пойдет дальше, президент вынужден будет объявить чрезвычайное положение.

Я посмотрела на сестру с суеверным ужасом.

– Пугает! – авторитетно успокоила она, неверно истолковав мою растерянность.

Глава 14

Весь следующий день прошел под знаком ожидания Костиного приезда, и, видит бог, это был не лучший день в моей жизни. Я бесконечно прокручивала в голове разные сценарии нашего с ним разговора, один другого замысловатее, а в глубине души лелеяла бессмысленную надежду, что он вдруг возьмет и не появится и разговор не состоится.

Сотрудница и приятельница Анечка, увидев меня, с тревогой спросила:

– У тебя все в порядке? – и это несмотря на все мои усилия вести себя как ни в чем не бывало. Лиля наконец оставила меня в покое. Я видела ее только мельком, по дороге из одной комнаты в другую, и отметила про себя, что вид у нее по-прежнему не лучший. Выходит, не помогла ей исповедь. Впрочем, откуда мне знать, какие у нее проблемы!

В редакции весь день шло оживленное обсуждение истории с Кузнецовым. Вечером все как один собирались смотреть его интервью. Меня так и подмывало рассказать о Маринкиных экспериментах и выводах, но, по некотором размышлении, я решила, что делать этого не стоит – и удержалась, хотя у меня страшно чесался язык. Вообще-то мне было довольно интересно узнать, кто что скажет по «масонскому вопросу». Но, как это обычно бывает, когда в споре участвует сразу много народу, ничего нельзя было понять. Только одна реплика запала мне в память – потому что удивила. Шеф сказал: «Дыма без огня не бывает». Это был ответ на чье-то скептическое высказывание, и это было странно и совсем на него не похоже. С другой стороны... откуда я знаю – похоже или не похоже? Скажем так: это не соответствовало моему о нем представлению. Во-первых, я не думала, что он верит в тайные заговоры. Во-вторых, мне казалось, что он – из тех, кто не удовлетворяется присказками насчет «дыма и огня», предпочитая им конкретные доказательства.

«Вот и Юра купился, – с грустью подумала я. – Наверное, все скоро купятся. А мы будем последние могикане...»

Я заткнула уши и сделала вид, что напряженно работаю, а сама вновь переключилась на Костю и нашу неуклонно надвигающуюся встречу. Сначала я пыталась представить себе эту встречу в лицах. Потом мысли мои плавно съехали на историю нашего знакомства...

Мы познакомились несколько месяцев назад при вполне стандартных обстоятельствах – на дне рождения у одной общей знакомой. Не вполне стандартно было, пожалуй, то, что знакомая явно сама имела на него какие-то виды. Во всяком случае, еще за неделю до дня рождения она стала загадочно намекать, что в числе приглашенных есть один о-очень интересный, молодой и талантливый, надежда российской экономики, который уже сейчас дает советы самому...

«Молодой и талантливый» сразу показался мне чрезвычайно симпатичным, но мне было ужасно неловко перед хозяйкой, поэтому я не стала предпринимать никаких шагов и даже решила поскорее уйти – от греха подальше. Я понимаю, что это может показаться странным, но такой уж у меня нелепый характер. Тут дело совсем не в суперблагородстве – просто я, как уже было сказано, отчаянно боюсь наживать врагов без крайней необходимости. «Молодой

и талантливый» вел себя вполне нейтрально, поэтому, когда он догнал меня на улице, это оказалось для меня полной неожиданностью. Но тут уж я, чего греха таить, ужасно обрадовалась: все сделалось так, как мне хотелось, а я вроде и ни при чем. Так начался наш с Костей роман, в последнее время вступивший в предбрачную фазу.

Вот что меня сильно смущало... Все эти месяцы я практически не сомневалась, что Костя – это именно то, что мне нужно. Но если это так, то почему я с такой легкостью сдаю позиции? Разве так должна себя вести настоящая женщина? Настоящая женщина должна твердо верить в невиновность своего возлюбленного (если, конечно, он невиновен) и помогать ему доказывать это всем прочим. Но, даже если он виновен, ей тоже совсем необязательно от него отрекаться. Бывали ведь и такие, которые шли за убийцами на каторгу и там их спасали. Как Сонечка Мармеладова... Для меня же совершенно очевидно: если это сделал Костя, то между нами все кончено раз и навсегда. Никаких объяснений, пониманий и спасаний. Теперь спрашивается: что это значит? Что мне далеко до Сонечки или что я не люблю и не любила его по-настоящему? Может, я вообще этого не умею?

Он опередил меня минут на пятнадцать. Когда я пришла домой, они с мамой сидели на кухне. Маринки дома не было. Мама поила его чаем и вела светскую беседу, старательно делая вид, что все в полном порядке. Когда я вошла, они обсуждали тайну вклада в швейцарских банках. В воздухе висело напряжение – непонятное, если учесть, что он не знал, что я знаю... Увидев меня, мама сделала было движение уйти, но спохватилась и посидела еще несколько минут для приличия, после чего поспешно ретировалась.

У меня было заготовлено по меньшей мере пять хитроумных подходов. Однако, оставшись с ним один на один, я совершенно неожиданно для себя ляпнула:

– Костя, верни мне, пожалуйста, мою записную книжку!

Он побледнел. Ох, как он побледнел! Я никогда не видела, чтобы люди на глазах так бледнели. Как в романах: «Краска сбежала с его лица». Я смотрела на него не отрываясь. Это был очень важный момент. Он мог начать отпираться, мог сказать что-нибудь вроде: «Ты с ума сошла! Откуда она у меня?» Он мог спросить: «Откуда ты знаешь?» – и тем самым признать мою правоту. А мне нужно было в эту самую секунду понять по выражению лица и по тону самое главное...

Он не стал спрашивать: «Откуда ты знаешь?» Он сказал:

– Она у меня дома. Отдам в следующий раз.

Следующий раз? Значит, он уверен, что он будет, этот следующий раз?..

Я выжидательно смотрела на него и молчала. Он взял сигарету и заговорил чужим, монотонным голосом:

– Он позвонил мне в пятницу, поздно вечером, и предложил встретиться. По-моему, он был пьян... Говорил что-то о Екатерине Второй и ее фаворитах, называл меня счастливецом Потемкиным...

– Откуда он знал твой телефон? – перебила я.

– У него же была твоя записная книжка.

– Он не знал твоей фамилии.

– Фамилию можно было узнать у кого-нибудь из твоих сотрудников, после твоего ухода. Он, кстати, знал, кем я работаю. Так вот... Он предложил встре-

титься, я согласился.

«Почему?! – возопила я мысленно. – Почему ты согласился? Зачем тебе нужно было его видеть?» Ладно, этот вопрос отложим на потом.

– Мы договорились встретиться на следующий день, продолжал он. – С утра у меня были переговоры – я не мог точно сказать, сколько они продлятся. Он стал ерничать по поводу работы в выходные – что-то вроде: «Ну вы прямо горите на работе, я спокоен: наша экономика в надежных руках...» Я перебил его и спросил, не случилось ли ему записывать дисков по воскресеньям. Он понес какую-то ахинею насчет творчества без выходных, я же говорю: он был пьян... Я снова прервал его и сказал, что позвоню, когда освобожусь. Переговоры кончились около половины второго – не помню точно. Значит, я позвонил ему без чего-то два. На этот раз он был трезвый... по-моему. Но все равно называл меня Потемкиным... Я сказал, что могу приехать около половины третьего, очень ненадолго.

«А Никита положил трубку, позвонил господину Еврею, выгнал Лильку и позвонил мне... – прокомментировала я про себя. – Теперь я понимаю, почему он соврал и сказал, что обедает с Евреем в ресторане. Он боялся, что я захочу заехать за записной книжкой и столкнусь с Костей. А это не входило в его планы».

– Но я опоздал, – сказал Костя. – Один из швейцарцев поймал меня в дверях и попросил обсудить еще кое-что с глазу на глаз. Потом я попал в пробку на Кольце... В общем, я приехал не в половине третьего, а около трех, точно не помню. Я нарочно не смотрел на часы, чтобы не нервничать, – хотел явиться в форме...

Он замолчал, сделал несколько глубоких затяжек, раздавил окурок и зажег новую сигарету. Пальцы у него заметно дрожали. После минутной паузы он заговорил снова:

– Дверь была не заперта и даже не плотно закрыта. Но на звонок никто не реагировал. В квартире играла музыка, очень громко. Я подумал, что он нарочно оставил дверь открытой, зная, что может не услышать звонка.

«В точности, как «мой Еврей», – подумала я.

– Я вошел, – продолжал Костя. Взгляд у него совершенно остекленел и уперся куда-то в стену, словно на ней были нарисованы какие-то ужасные и неизвестные мне картины. – Вошел и крикнул: «Есть кто-нибудь?» Никто не ответил, только музыка орала так, что хотелось уши заткнуть. Из прихожей там ничего не видно... Я вошел в комнату. Нет, не так. Кое-что я в прихожей все-таки увидел. Мне сразу оросилась в глаза записная книжка на подзеркальнике – точь-в-точь такая же, как твоя. Твою я хорошо помнил. Рядом валялась визитка. Я посмотрел – твоя. Еще несколько штук торчало из книжки. Вот тут я двинул в комнату... Это была жуть... Он... Я видел убитых только в кино. В жизни это оказалось так страшно, что я... Чего там скрывать... Я чудовищно перетрусил и драпанул со всех ног. На бегу прихватил твою записную книжку – на всякий случай, чтоб там не валялась. Тебя бы, конечно, все равно в покое не оставили, но все-таки... Валялась там на самом виду... Сразу ехать к тебе я не мог. Сидел в машине, курил, потом шатался по улицам...

– Костя, – спросила я дрожащим голосом, – почему ты сбежал? Почему не вызвал «скорую», милицию – не знаю кого?..

– Не понимаешь? – с раздражением сказал он. – А ведь ты могла бы понять.

Именно ты и могла бы... Я ведь вижу, по глазам вижу, о чем ты думала, пока меня не было. Ты думала, это я его... Может, ты и сейчас мне не веришь. Если даже ты не веришь, то что уж о других говорить! Я, между прочим, чуть было не позвонил – уже с улицы, из автомата. А потом подумал: у меня ведь и мотив есть, ни за что не отмоюсь, лучше не связываться, и без меня обнаружат... А «скорая» там была уже ни при чем – никаких сомнений, одного взгляда хватило, – его передернуло. – Можешь мне поверить...

Я слушала его и чувствовала, как в душе все начинает двоиться. В самом деле, верю я ему или не верю? Нет, это неправильная постановка вопроса. Зачем обманывать самое себя? А если себя не обманывать, то придется признать вот что: конечно же, я с самого начала ждала и надеялась, что он скажет что-нибудь в этом роде, и поверила ему при первой возможности. Другой вопрос: почему я ему верю. Почему я верю каждому, кто говорит мне: я этого не делал? Это глупо... Так невозможно добраться до истины.

Ладно Костя – это еще можно понять. А Лендел? Что я о нем знаю? Он позвонил мне и рассказал трогательную историю про дочку-сироту, а я развесила уши. Почему я думаю, что он говорил правду? Между прочим, переодеться цыганкой – не вполне стандартный поступок; откуда мне знать, на что еще могла толкнуть девушку ревность?

И про Еврея мне ровным счетом ничего не известно... Действительно, глупо... Не я ли пару дней назад утверждала, что более не смею доверять своей интуиции? И все-таки я ничего не могу с собой поделать. Моя интуиция с такой постановкой вопроса не согласна. Вот что, однако, странно... Сколько же народу ухитрилось побывать в означенном месте в означенный промежуток времени, причем совершенно невинно! (И я в том числе.) Убийце прямо-таки некуда втиснуться. Как же ему удалось прийти и уйти незамеченным? Кто-то на днях уже отмечал, что это столпотворение выглядит странным. Маринка? Нет, кажется, Левочка...

Я настолько погрузилась в размышления, что едва не забыла о Костином существовании. Подняв глаза, я встретила его странный, напряженный взгляд и поняла, что он пристально за мной наблюдает. Не знаю, что там отражалось на моем лице, – во всяком случае, он тяжело вздохнул и повторил с мрачной уверенностью:

– Мне бы никто не поверил. Не поверили бы, что я его не убивал. И если бы я сказал, что знаю, кто был там до меня, – мне бы тоже не поверили.

– Что?! – вздрогнула я. – Что ты хочешь сказать?

– Да, – подтвердил он. – Я видел. Мы столкнулись в дверях лифта.

– Откуда ты знаешь, что он шел именно оттуда?

– Табло, – пояснил он. – Я смотрел на табло, пока ждал. Лифт приехал с третьего этажа.

– Там ведь две квартиры...

– Две... Но у нее был такой вид... Я еще подумал что-то вроде: «Эк тебя скрутило!» Идиот – сам через пять минут был ничуть не лучше!

– У нее? – пролепетала я. – Это была женщина?

– Это была женщина, – бесстрастно подтвердил он. – Точнее, юная девица.

– Ты... Ты ее знаешь?

– Как тебе сказать... – неуверенно пробормотал он. – Мне кажется, я ее видел, но точно не скажу. Не помню ни где, ни когда...

«Наверно, видел в кино или по телевизору», – подумала я, по-прежнему греша на Алену с Агнией.

– Какая она из себя?

– Блондинка, миниатюрная, стрижка такая дикая, знаешь – короткая-короткая, ежиком.

– Одежда? – продолжала допытываться я, чувствуя странный холодок под ложечкой.

– Черт ее знает... Что-то песочное, с голым пузом. Топ, что ли, или как это там называется...

«Лилька! – мысленно воскликнула я. – О господи!»

Костино описание не оставляло ни малейших сомнений. Именно так она была одета в пятницу. «Никита сказал мне по телефону, что она уже ушла, – лихорадочно соображала я. – Соврал? Зачем? Позвольте, что же это получается?» Я представила себе, как Никита, поговорив со мной, выходит из ванной, садится за компьютер, а Лиля за его спиной достает из сумочки пистолет... Ну и ну! Или, скажем, так: крадет ключи, уходит, встречается с сообщником, берет у него пистолет, возвращается, потихоньку открывает дверь, незаметно входит в квартиру...

И опять-таки кто-то на днях уже выдвигал эту версию. Левочка? Левочка! Надо же, какой проницательный...

Тут из путаницы мыслей внезапно вывалилась такая: а ведь это, пожалуй, значит, что Костя говорит правду! Он же не мог знать про Лильку заранее. А вдруг... А вдруг он видел, как она выходит от живого Никиты, и теперь нарочно катит на нее бочку, чтобы сбить меня, а в перспективе и всех прочих? Да нет, ерунда! Ничего ведь не стоит проверить, когда кончились переговоры. Если он действительно сидел там почти до двух, а Никита звонил мне тоже около двух, и было это после Лилькиного ухода... Значит, Костя мог видеть ее только в том случае, если она возвращалась... Так, правильно, не потерять бы нить... И тут я сообразила, что могу задать ему «контрольный» вопрос, а заодно выяснить еще одну интересующую меня вещь.

– Костя, – осторожно начала я, – а когда ты уходил от-туда, ты кого-нибудь видел? Ну, во дворе или в подъезде...

– К сожалению. В подъезде налетел на какого-то...

– На какого-то кого? Как он выглядел?

– Черт его знает, как он выглядел!.. Носатый, импозантный... Ты думаешь, я его разглядывал? Я же говорю – я летел сломя голову, как очумелый. Зачем это тебе?

«Носатый, импозантный» – это мог быть только господин Еврей. Костя видел труп до его прихода. Тем самым Еврей полностью реабилитирован. Получается так: встреча с Костей реабилитирует Еврея, а встреча с Лилей – Костю. Остается Лиля...

– О чем ты думаешь? – подозрительно спросил Костя.

Я совсем уж было открыла рот, чтобы сказать ему о Лиле, но в последнюю минуту передумала, а почему – сама не знаю.

– Так... – неопределенно пробормотала я. – Про эту, с ежиком...

Теперь нужно было задать еще один вопрос, и хотя по сравнению с вопросом об убийстве все это была суцая чепуха, язык одеревенел и нипочем не хотел поворачиваться.

– Костя, – наконец выдавила я из себя, – объясни мне, пожалуйста... Объясни мне, зачем ты к нему пошел? Зачем это было нужно?

– Ну, во-первых, он меня звал и очень настаивал... – проговорил он. И умолк.

Я старалась поймать его взгляд, но он упорно отводил глаза.

– А во-вторых, Костя? Что во-вторых?

– Да, во-вторых... – хмуро пробормотал он. – Я не хотел тебе говорить... Если ты думаешь, что этот сюжет меня не волновал, то ошибаешься. Он меня не то что мучил, а задевал, раздражал – не удавка, нет, но гвоздь в ботинке... Тоже, знаешь... Я поймал себя на том, что смотрю на Добрынина в телевизоре, а сам себя с ним сравниваю. Очень хотелось пообщаться лично и понять... твои зоны. Сам бы я, наверно, не стал напрашиваться, но раз уж он предложил...

– Ты же говорил... – начала я, изо всех сил стараясь оставаться спокойной. – Ты же говорил, что тебя это не волнует, что в наши отношения он не влезет... Ты говорил, что мне веришь... Значит, ты такой же, как все! Почему ты обманул меня? Почему не сказал с самого начала, что был там? Не доверяешь?

Я очень старалась говорить спокойно, но мой голос все повышался и повышался независимо от моей воли, так что последние слова я почти прокричала. В ту же секунду на пороге кухни возникла сестра. Это было настолько кстати, что у меня мелькнуло подозрение, не стояла ли она все это время под дверью «на стреме». Она вошла, поздоровалась с Костей, заговорила, засуетилась: извините, что нарушила ваше уединение, не беспокойтесь, я сейчас уйду, я вообще ухожу в гости, вот только налью себе чашечку чаю и тут же уйду...

Пока она наливала себе эту чашечку чаю, я немного опомнилась и взяла себя в руки.

– Прости меня, – сказал Костя, как только Маринка удалилась. – Прошу тебя...

– Знаешь что, Костя... – ответила я. – Я тебя прощу... Я тебя уже почти простила. Но сейчас ты все-таки лучше уйди. Я позвоню тебе завтра... или послезавтра.

Он молча кивнул и встал. Я вышла вместе с ним в прихожую. Когда дверь за ним захлопнулась, я присела на ящик для обуви и глубоко задумалась. Если бы кто-нибудь спросил меня, о чем я размышляю, я бы, пожалуй, не знала, что ответить. Тут были и Костя, и его мелкое предательство, и убийство – и любовь, и кровь, – но все это как-то нечетко, обрывками, без всякого смысла. В таком положении и застала меня сестра, выскочившая в прихожую минут через пять после Костиного ухода. К моему удивлению, она была в домашнем халате.

– Изваяние «Скорбь», – сказала она, окинув меня придирчивым взглядом.

– Ты же вроде бы собиралась в гости? – удивилась я.

– Передумала, – отмахнулась она. – Ну что?

Я пересказала ей нашу с Костей беседу.

– Ладно тебе, Ирка, – сказала сестра, выслушав меня. – Не будь максималисткой, иными словами: не гневи бога. Ну пошел человек на поводу у комплекса – бывает... Мы теперь как рассуждаем? Не убил – и ладно, уже хорошо! Такая жизнь пошла...

– Ага! – встрепенулась я. – Значит, ты тоже считаешь, что он не убивал? Значит, я рассуждаю правильно – насчет того, что про Лильку он знать не мог,

и все такое!..

– Абсолютно, – кивнула сестра. – Мы, между прочим, еще кое-чего не учли... Попробуем разобраться... Никиту убили, как мы знаем из телевизора, между двумя и тремя. Так сказали эксперты. Кстати, мы с тобой, как ни странно, можем эти данные немного уточнить. Я бы сказала: между самым началом и двадцатью минутами третьего.

– Откуда ты знаешь? – изумилась я.

– Посуди сама: ты кончила говорить с ним в начале третьего. Он вышел из ванной, сел к компьютеру, и тут его...

– Постой! – перебила я. – Он сказал: «Сейчас выйду из ванной», но это же не значит, что он вышел в ту же секунду. Он мог просидеть там еще хоть час...

– Ты забываешь, – возразила сестра, – что в половине третьего к нему должен был явиться Потемкин, Костя то есть. Вряд ли он собирался при нем вытираться и одеваться. Бьюсь об заклад, что в двадцать минут третьего, ну, может, в двадцать пять, он был уже в комнате...

– Пожалуй, – мне пришлось признать ее правоту.

– Так. Поехали дальше. Костя знает заключение экспертов насчет времени смерти. В разговоре с тобой он подчеркивает, что опоздал и приехал не около половины третьего, а около трех. Можно проверить, когда он выехал с переговоров, посредством опроса его партнеров, а вот пробку на Садовом проверить труднее... Пробки у нас на каждом шагу, не думаю, чтобы в ГАИ это фиксировалось. Тут он мог и присочинить. Зато он никак не мог сочинить встречу с Евреем...

– Если только они оба не в сговоре, как масоны, – нервно хихикая, вставила я.

– Это само собой. Так что ушел он оттуда, похоже, около трех. А вот прийти мог и раньше. Теоретически. И вот тут-то и выступает на арену Лилька. Опять-таки теоретически можно допустить, что она ушла оттуда не около двух, а около трех и Никита звонил тебе при ней. Скажем, ушла в два двадцать пять от живого Никиты. Тогда Костя остается под подозрением. Но если ты хочешь знать мое мнение, то, по-моему, это чепуха. Потому что в этом случае выходит, что Никита не только соврал тебе неизвестно зачем, сказав, что она уже ушла, но еще и подбил ее с неизвестной целью настаивать, что она ушла именно до двух, что, согласись, совсем уж бессмысленно. Не мог же он, в самом деле, создавать ей алиби на случай собственного убийства! Так что этот вариант можно условно исключить. А вот эту твою Лильку пока исключать нельзя. Уф-ф...

– Наверное, мне стоит с ней поговорить? – предположила я без особого энтузиазма. – Хотя толку от этого все равно не будет...

– Почему ты так уверена? – удивилась сестра.

– У меня уже есть кое-какой опыт, – печально пояснила я. – Хочешь, я прямо сейчас расскажу тебе, как все будет? Очень может быть, она не станет отпираться, а разрыдается у меня на груди и скажет: «Да, я солгала тебе – я была у него еще раз. Я забыла свои трусики и вернулась за ними... Но его не убивала!» И я ей, конечно, тут же поверю. Я, видишь ли, почему-то всем верю...

– Вот я и думаю... – проговорила сестра. – Не лучше ли обратиться к профессионалам? В смысле – рассказать Соболевскому все как есть, тем более тебе так или иначе с ним встречаться...

– Нет, – подумав, сказала я. – Так я тоже не могу. Что-то вроде доноса получается. Вдруг она не виновата, а я ее подставляю! Жених узнает... Он у нее какой-то такой... убить может. Все-таки попробую для начала сама...

– Ну смотри! – Маринка старательно изображала сомнение, но я-то не сомневалась, что она только и ждет, чтобы я продолжала проявлять инициативу. И точно: – Вообще-то ты права, – пробормотала она. – И потом, знаешь, обидно... Мы-то им расскажем, а вот они нам потом уже ничего не скажут. Знаю я их...

– Вот и ладненько, – кивнула я.

– Постой! – спохватилась сестра. – Но Соболевскому-то ты все-таки позвони. Надо же рассказать ему про «шантаж». Будем интегрировать по частям, как договаривались! Для нас главное что? Для нас главное – снять с тебя все и всяческие подозрения. Раскрытие преступлений – на закуску.

– Не хочется мне звонить ему домой, – задумчиво проговорила я, посмотрев на часы. – Позвоню завтра утром, с работы или из дома. Кстати, почему мы не смотрим телевизор? Кузнецов уже давным-давно выступает.

– Чего там смотреть! – махнула рукой сестра. – Небось все то же самое. Разве что успел заглянуть в библиотеку... Мама, впрочем, смотрит. Хочешь присоединиться? Ну пойдём, глянем.

Но мы опоздали. К моменту нашего прихода кузнецовское выступление уже закончилось. Вместо Кузнецова на экране красовалась какая-то безумного вида тетка, истерически вопившая:

– Людей похищают среди бела дня, дожили! В затылок стреляют, гады!

– Это еще что? – изумилась я.

– Это корреспондент беседует на улице с российскими гражданами, – пояснила мама, тяжело вздыхая. – В рамках передачи «Без чинов и званий».

Корреспондент, которого за минуту перед тем не было видно, заслонил собой орущую тетку, развел руками и сказал:

– Без комментариев.

Тетка, улица, корреспондент – все исчезло. На экране появился огромный стол в форме буквы «о», уставленный микрофонами. Это был обычный антураж передачи «Без чинов и званий», но ранг участников явно повысился – по видимому, это было как-то связано с последними событиями.

– Я позволю себе продолжить... – произнес гладко выбритый, respectable господин, кажется, вице-спикер Государственной Думы, а впрочем, я вполне могла ошибиться: в этой передаче такой принцип – называть только имена и фамилии. – То, что произошло с журналистом Кузнецовым, подтверждает наши худшие предположения. Пора взглянуть правде в глаза. Нам говорят: обвинения в адрес масонов выдвигались от века. Правильно, выдвигались. То-то и оно, что выдвигались! Хватит с нас так называемой «политической корректности», хватит прятаться от правды! Эта женщина на улице – мы все ее сейчас видели... Да, она выражает свои мысли грубо и просто... Но ведь в ее простых и грубых словах есть доля истины. Подлый, хитрый прием – стрелять в затылок!..

– Дался им этот затылок! – с досадой рявкнула я. – В затылок, в живот – можно подумать, это что-то меняет, когда у одного есть пистолет, а у другого нет! И вообще – не могу я этого больше смотреть! И вообще ничего больше видеть не могу! Пойдемте лучше чай пить! Ты что, Маринка, заснула? Ты меня

СЛЫШИШЬ?

– Слышу, – ответила сестра, кивая, как китайский болванчик. – Чай. Слышу. В затылок. Да. Очень интересно. В затылок.

Глава 15

Соболевскому я позвонила утром, перед самым уходом на работу. Объяснять, в чем дело, я не стала – просто сказала, что хотела бы с ним поговорить. Я не собиралась его интриговать, просто не было ни малейшей возможности растолковать всю эту катавасию с латинским и русским алфавитом по телефону. Некоторое время он шуршал бумагами, негромко с кем-то переговаривался – мне, грешным делом, показалось, что он про меня забыл, – а потом произнес неожиданно отчетливо и решительно:

– Сегодня в три. Вас устроит?

– Устроит, – ответила я, мысленно сказав шефу, что не виновата.

Почему-то я думала, что Соболевский назначит встречу на утро, а на работу я попаду только потом. Конечно, принципиального значения это не имело. Вот только одна деталь... Поход в три означал, что беседу с Лилей придется провести утром, а я все еще не успела морально подготовиться. Впрочем, если честно, за эти полдня все равно ничего бы не изменилось. Даже наоборот: чем раньше – тем лучше. По дороге на работу я лихорадочно перебирала в уме разные варианты начала разговора и настолько увлеклась, что проехала свою остановку. Это меня разозлило, но и отрезвило. Я перестала выстраивать сложные комбинации, наподобие шахматных, и сказала себе: «Как получится...»

Придя в издательство, я, не давая себе расслабиться, чеканным шагом направилась к компьютерщицам. Лиля стояла у стола и копошилась в сумочке.

– Надо поговорить! – объявила я и, не дожидаясь ответа, двинулась в курилку. Лиля, ни о чем не спрашивая, покорно последовала за мной. «Как на закляние!» – промелькнуло у меня в голове.

Дальнейший ход событий до такой степени напоминал сценарий, рассказанный мною Маринке, что я не знала, смеяться мне или плакать. Разница состояла только в одном – никаких трусиков Лиля у Никиты не забывала. Она вернулась к нему не за забытыми вещами, а по совершенно иной причине.

– Понимаешь, – всхлипывала она, как и предполагалось, у меня на груди, – я ушла, а он ни слова, понимаешь? Ни слова не сказал насчет того, чтобы еще встретиться или что-нибудь такое... Сказал: «Пока!» – и дверь захлопнул... А я то, дура... Мне-то... О господи! Вроде как звездный час свой упустила. Иду, и реву, и думаю: «Больше никогда, никогда...» И телефона его не знаю. Целый час по улицам шлялась, не могу домой идти – и все, тошно... Ну и повернула обратно. Хуже, думаю, не будет – и так погано, терять мне нечего. Попробую, как эта... как Татьяна. Пошлет – так пошлет, а вдруг не пошлет!

«Какая еще Татьяна? – в панике подумала я, чувствуя, что вот-вот потеряю нить. – Не знаю никакой...» – и тут же меня осенило: ну как же – не знаю! Знаю, конечно! Знаю Татьяну Ларину, проявившую инициативу. Лилка явно толковала о ней.

Дальше пошел текст, который был мне уже хорошо знаком. Если быть точной, я слышала его, ни мало ни много, в третий раз.

– Я позвонила – никто не открывает. В квартире музыка гремит. Тут я дверь толкнула, машинально... А она незаперта... Ну я и вошла...

Она долго всхлипывала, сморкалась, потом как-то совершенно неожиданно перестала плакать и, глядя на меня сухими воспаленными глазами, прошептала:

– Он там лежал... Господи, умирать буду – не забуду...

«Дура! – сказала я себе. – Опять за свое?!» Так оно и было – увы! Ну что я могла с собой поделать? В главной части все совпало со сценарием тютелька в тютельку: она сказала, что к ее приходу Никита был уже мертв, и я немедленно поверила ей. Ну почему, почему я не могу допустить простую возможность, что человек может мне соврать? Прямо патология какая-то! Дурацкое инфантильное сознание. Конечно, ужас у нее в глазах выглядел абсолютно неподдельным, но ведь кто знает – может, это был ужас от ею же содеянного. Кроме того, на свете существуют хорошие актеры... Кстати, один раз она меня уже обманула. Стоило мне об этом вспомнить – и для меня прояснилась еще одна мелкая деталь.

– Лилька! – сказала я. – Так вот почему ты в прошлый раз рвалась побеседовать! Чтобы я, в случае чего...

– Ну да! – подтвердила она с виноватым видом. – Я подумала: вдруг как-нибудь узнают, что я там была в субботу. Мало ли какие у них способы! А ты уже будешь знать про мою ночевку и скажешь следователю, как дело было...

– А как же жених? – машинально поинтересовалась я.

– А что – жених? Это ж я на крайний случай – если узнают... А тут уж знаешь – пусть прибьет, пусть хоть бросает, лишь бы в тюрьму не сесть! У меня же алиби нету... Я по улицам шаталась, никто меня не видел...

Значит, идея тюрьмы у нее где-то маячит... Впрочем, это как раз ни о чем не говорит. Но вот что любопытно... В квартире после убийства перебивала куча народу, и ни один из них не вызвал милицию. Все тут же сбежали. У всех причины... Один – еврей, у другого – столкновения с убитым на личном фронте, у третьей – жених и алиби нету... Мотивы, улики – детективов все начитались, рассуждают грамотно. Ну хорошо, а я бы как поступила? Я бы... Нет, я бы, пожалуй, все-таки позвонила... И влипла бы, между прочим, очень и очень основательно.

В общем, как я ни старалась возвращать в себе недоверчивость и подозрительность, особого толку не было.

– Лиля, – спросила я напоследок для порядка, – ты кого-нибудь встретила, когда уходила оттуда?

– Внизу налетела на какого-то чернявого, – сообщила она. – Он мне вслед хмыкнул. Вот его я тоже боюсь... Ты думаешь, он меня запомнил?

Ну слава богу! С Костей все ясно окончательно и бесповоротно. А про Лильку я все-таки Соболевскому не скажу. Не могу...

На этом наш разговор закончился. Теперь мне предстояло – в который раз! – отпроситься с работы. Шеф сидел у себя в кабинете.

– Юра, – начала я, все-таки испытывая некоторую неловкость, – я должна в три часа быть в прокуратуре...

– Опять?! – проревел он, как по команде приходя в ярость. В первый момент я растерялась, но тут же сообразила, что ярость относится не ко мне. – Сколько можно?! Чего они от тебя хотят?

– Да нет, Юра, – успокоила я, – не волнуйтесь. Наоборот, все неплохо. Я поняла, что к чему, и теперь могу снять с себя подозрения. Не все, наверно, но

большую часть. Мне важно поговорить со следователем лично. В общем, я хотела бы уйти...

– О чем ты говоришь! – он прямо-таки просиял, что меня, честно говоря, ужасно тронуло. – Иди на все четыре стороны! Лишь бы эта петрушка скорее кончилась! Кстати, ты не хочешь спросить, как с книжкой?

– Хочу, конечно! – спохватилась я.

– Завтра, бог даст, покажу тебе выведенный макет. Готовься сказать свое веское слово!

– Отлично! – воскликнула я.

По дороге к Соболевскому я попыталась подвести некоторые итоги. Разговор с Лилькой, как и предполагалось, ничего не дал. Ну и ладно! В конце концов теперь я знаю не так уж мало. Я знаю, что Костя не убивал Никиту и что Еврей его тоже не убивал. Я знаю, что никакого шантажа не было и в помине, а была дурацкая лингвистическая путаница. Я знаю, откуда взялась загадочная цыганка и почему исчезли заграничные продюсеры. Уже неплохо. Надо бы успокоиться...

Соболевский мне не понравился. Нет, он по-прежнему был несказанно хорош собой и обаятелен, и вкус мой за истекшую неделю не претерпел существенных изменений... Он не понравился мне в том смысле, в каком заботливые мамы говорят: «Что-то ты мне сегодня не нравишься» – если их чада плохо едят и вообще недостаточно радуются жизни. Скучный он был какой-то и вялый...

«Ничего, сейчас я тебя повеселю», – подумала я, усаживаясь напротив него и вооружаясь бумагой и ручкой. Он выслушал меня очень внимательно, потом достал из папки недоброй памяти записку про «шантаж», положил ее рядом с моими записями и какое-то время сидел молча, переводя взгляд с одной бумажки на другую. Минуты через три он, не поднимая головы, пробормотал что-то вроде «елки-палки!», потом почесал в затылке и уставился на меня совершенно бессмысленным взглядом.

«Не понял, что ли?» – подумала я и ужасно расстроилась: в этом случае мне пришлось бы резко менять свое к нему отношение – ни смуглая кожа, ни черные глаза не в силах были бы исправить положения. Выражение лица у него было странное. Прошло еще несколько секунд, прежде чем я поняла, что он изо всех сил пытается побороть приступ хохота. В конце концов мы расхохотались оба.

– Ой, не могу... – с трудом выговаривал он, вытирая слезы. – Ревность, шантаж, мотив... Пахота! Ну и ну! Вот глупость-то!

Наверняка ему припомнились все совещания, на которых обсуждался этот мотив и тактика его разработки. Да, если кто-нибудь из сотрудников проходил в это время мимо кабинета Соболевского, ему было чему удивляться. Не думаю, чтоб у них тут часто хохотали во время допросов.

Разумеется, совместное веселье нас сблизило. Ему, бедному, крайне трудно было вернуться к официальному тону. В конце концов он все-таки сумел с собой справиться, сделал серьезную мину и сказал:

– Ну что ж, звучит убедительно. Да, Ирина Григорьевна, сюрприз вы мне приготовили отменный, ничего не могу сказать. Но и у меня для вас кое-что есть.

Мне стало немного не по себе. Стереотипы, что ни говори, – жуткая штука.

Обычно после таких слов следователь предъявляет подозреваемому последнее и убойное доказательство его вины. В фильмах, разумеется, или в книжках. И вот ведь глупость какая: кому, как не мне, знать, что предъявлять мне нечего, – а все-таки я дернулась! Может, у подозреваемых происходят необратимые изменения в сознании?

– Сегодня утром здесь была Субботина, – сообщил Соболевский.

Я молча ждала продолжения.

– Она призналась, что ее алиби – липа, и во всех подробностях рассказала о том, как вы все стояли под дверью. Ее рассказ полностью совпадает с вашим. Она подтвердила, что вы ушли первой. Вот, собственно, и все, Ирина Григорьевна. Все, что касается вас.

– С чего это вдруг? – вырвалось у меня.

– Что «с чего»? – удивился Соболевский.

– С чего это она призналась?

– У нас, Ирина Григорьевна, как вам, вероятно, приходилось слышать, есть свои методы, – сообщил он.

– А Агния? – тупо поинтересовалась я.

– Что – Агния? Теперь у нее просто нет другого выхода, как сказать правду.

Тут у меня в голове случился еще один психологический выверт. Я с трудом удержалась, чтобы не процитировать Маринку и не напомнить Соболевскому, что любая из нас могла вернуться. Но он меня опередил:

– Конечно, вы могли вернуться... Точно так же, как любой человек мог прийти туда после того, как вы ушли. Короче говоря, у нас нет оснований интересоваться вами больше, чем кем бы то ни было из знакомых Добрынина. Вот так, Ирина Григорьевна. Я более не смею просить вас задерживаться в Москве. Вы абсолютно свободны, и мне остается только пожелать вам счастливого романтического путешествия.

Произнеся все это, он вдруг снова совершенно скис и стал таким же унылым, как в начале нашего разговора. Конечно, *post hoc* вовсе не означает *propter hoc*, то есть: «после» не означает «из-за», и вообще я, кажется, слишком самонадеянна... На языке у меня вертелся еще один вопрос, но я была далеко не уверена, что имею право его задавать. И тут Соболевский прямо-таки потряс меня своей пронизательностью.

– Вам, наверное, хочется спросить, как продвигается следствие? – сказал он, внимательно глядя на меня.

Я тупо кивнула.

– Следствие продвигается плохо, – мрачно объявил он, – Масонская версия побеждает. К делу подключилась ФСБ. Работать невозможно. Мой прогноз? Пожалуйста! Скоро это дело повиснет на той же веточке, где уже висят многие прочие. Висяк с политическим душком – трудно придумать что-нибудь гаже! Плюс специфическая общественная атмосфера, плюс ощущение собственной профессиональной несостоятельности, плюс кое-что еще...

Я беспомощно переминалась с ноги на ногу. Я не знала, как утешают следователей, которые жалуются на то, что не могут раскрыть преступление. «Ничего, в другой раз раскроете», что ли? К тому же я видела его всего третий раз в жизни, причем два из них, включая сегодняшней, – в прокуратуре. Обстановка не идеальная для душевных бесед.

– Ладно, Ирина Григорьевна, – вздохнул он. – Вот ваш пропуск. Спасибо, из-

вините и всего хорошего.

Выйдя на улицу, я обнаружила, что в душе моей царит полное смятение. Итак, я свободна и могу ехать на все четыре стороны, то есть в предсвадебное путешествие. Я не спрашивала Костю насчет билетов и путевок, но и без того была на девяносто – да что там на девяносто! – на все сто процентов уверена, что ни того, ни другого он не сдавал. Значит, можно паковать чемодан... Беда, однако, в том, что я решительно не знаю, хочу я этого или нет. Неплохо бы для начала хотя бы помириться с Костей... И опять-таки я не уверена, что так уж этого хочу. Нет, пожалуй, все-таки хочу. Наверно, я просто еще не пришла в себя... И эти жуткие типы в черных рубашках – на каждом шагу попадаются... Не замечала я их, что ли, раньше, или они так расплодились?

Дома я взглянула на себя в зеркало и ужаснулась. На драную кошку – вот на кого я была похожа. Зеленые глаза, горящие шальным светом, только дополняли это сходство. Маринка вышла из своей комнаты и внимательно посмотрела на меня.

– Все в порядке, – сообщила я ей. – Даже более чем. Алена рассказала, что была там в субботу и что я ушла раньше. Ума не приложу, с чего это она вдруг раскололась. Соболевский говорит: у них свои методы...

– Ну это как раз можно понять... – протянула сестра. – Есть у меня на этот счет кое-какие предположения...

– Например? – полюбопытствовала я.

– Например, твой Соболевский – ну хорошо, хорошо! – не твой Соболевский – сильно захотел тебе помочь и занялся этой проблемой вплотную. Агнию, судя по ее виду, на кривой козе не объедешь, вот он и начал с Алены... Она, судя по твоему описанию, внушаема и вообще – не Спиноза... Можно запутать, можно припугнуть, да мало ли...

– Ну не знаю, – сказала я. – Как бы там ни было, я больше не представляю специального интереса для следствия и могу мотать на все четыре стороны. Вполне успеваю помириться с женихом и собраться...

– Что дальше? – спросила сестра, не сводя с меня пристального взгляда. – В чем теперь дело? Почему у тебя такой безумный вид? Основную задачу мы выполнили. Позвони Косте, помирись с ним и забудь всю эту историю. Что с тобой? Чего ты теперь хочешь?

– А теперь... – медленно проговорила я. – Ты будешь очень смеяться, но теперь я, кажется, хочу вступить за поруганную честь еврейского народа.

Сестра вытаращила глаза.

– Не смотри на меня так, – попросила я. – Ну что я могу с собой поделать! Я сама себе говорю, что я дура, что надо успокоиться – а не выходит. Не выходит – и все. Косте я, конечно, позвоню... Хотя... Понятия не имею, надо мне это или нет. Что-то со мной творится. Я тебя очень прошу: давай попробуем еще раз. Проговорим все с самого начала. У тебя ведь были ценные идеи, помнишь? Например, про то, что кому-то Никита мешал, а кому-то был нужен мертвым...

– Это не у меня, а у мамы, – поправила сестра. – Идея, правда, хорошая. В принципе. Но что с ней делать в данном случае – ума не приложу. Могло быть так, а могло и этак. А дальше что?

– Маринка!.. – умоляюще проговорила я.

– Пас, – задумчиво сказала сестра. – Боюсь, что я – пас. Огромное количество

вариантов и ноль информации. Лилька тебя, конечно, убедила?

– Как и было обещано, – уныло кивнула я. – Сказала, что застала его в виде трупа.

– Да, Лилька... – пробормотала сестра. – Может, и врет... Та-ак... Давай-ка, что ли, проговорим все с самого начала еще раз. Около двух Никита звонит тебе – сразу после Лилькиного ухода. Потом, скажем, от пяти до двадцати пяти минут третьего он выходит из ванной, садится за компьютер, и тут его убивают. В районе трех один за другим приходят и уходят: сначала Лилька, потом Костя, потом Еврей. Если, конечно, все они говорят правду. Разумеется, Лилька могла уйти без чего-то два и к половине третьего вернуться... Прямо беда! Ни одной толковой идеи, хоть ты тресни. Вот разве что...

– Говори! – вцепилась я. – Ну же! Что – разве что?

– Помнишь, по телевизору все время твердили: «в затылок», «в затылок»?

– Помню, ну и что?

– Я еще тогда подумала, что все это как-то странно. Смотри, что получается. Из телевизора мы знаем, что ему выстрелили в затылок, когда он сидел за компьютером. Само по себе это не странно. То есть странно в какой-то мере, но, в общем, еще куда ни шло... Никита впустил этого человека в квартиру, а сам сел что-то писать. Убийца, стоя за его спиной, вытащил пистолет и выстрелил. Ладно, это в конце концов можно себе представить... Но ведь мы-то с тобой знаем, что он писал! Он писал письмо Люське, которое потом дописала за него эта скотина. Так что же получается? Он впустил кого-то в квартиру, а сам немедленно плюхнулся за компьютер и стал сочинять письмо сестре?

– Ну и что? – неуверенно возразила я. – Сказал: «Подожди, сейчас письмо допишу» – и сел дальше писать...

– Правильно, – кивнула сестра. – Я же говорю, что у меня – ни одной серьезной идеи, а так – одни ощущения. Но раз уж мы начали... Никита только что выгнал Лильку, поговорил с тобой и ждал Костиного прихода. Если кто-то пришел к нему в это время, он должен был постараться как можно скорее его выпроводить. Так?

– Так, – кивнула я.

– Ну вот. А он вместо этого попросил его подождать и сел писать письмо. Если бы ему оставалось написать: «Целую. Пока» – тогда ладно, тогда это еще как-то можно понять... Но он ведь явно был где-то в середине. «У меня все не...» – помнишь?

– Помню, – передернулась я.

– Ну вот. Это, собственно говоря, все. Ты согласна, что это странно?

– Еще как! – задумчиво сказала я. – Но... Я не понимаю, что это значит. Ведь получается, что все именно так и было.

– Не знаю... – покачала головой сестра. – Пожалуй, есть один вариант, совершенно бредовый. Ты помнишь, что говорил твой Еврей?

– Мой Еврей говорил много разных вещей...

Мне очень хотелось угадать, что она имеет в виду, не дожидаясь подсказки. Однако не вышло. В голове вертелось: «деточка», «деточка» – и ничего более путного.

– Ты спросила его, что он делал в шкафу... – подсказала сестра.

– Да. И он ответил, что проверял одну смутную догадку... Искал подсобное помещение. Так вот оно что!

– Ничего определенного! – ледяным тоном отрезала Маринка. – Никаких «вот оно что!». Гадание на кофейной гуще. Просто Никитино поведение гораздо легче понять, если исходить из того, что он не знал о присутствии этого человека в доме. Иными словами, если этот тип где-то прятался. Например, в шкафу, который, насколько я понимаю, расположен как раз так, как надо.

– Что значит: как надо?

– Как надо – значит за спиной у человека, сидящего за компьютером, – пояснила сестра.

– То есть он сидел в этом шкафу, а в определенный момент открыл дверцу и выстрелил? Я не помню, скрипят там дверцы или не скрипят, но неужели можно не услышать шороха? Не почувствовать движения у себя за спиной?.. Сидеть и печатать как ни в чем не бывало...

– Ты забываешь, что там играла музыка, – сказала сестра.

Тьфу ты, пропасть – ведь мне говорили об этом три человека! Ну почему я не в состоянии запомнить ни одной важной детали?

– Ну хорошо, – сказала я. – Но ведь в квартиру-то он все равно должен был как-то попасть. Забрался ночью? Открыл дверь отмычкой?

– Не исключаю, – ответила сестра. – Не думаю, чтобы Никитину дверь легко было открыть, но, с другой стороны, отмычки тоже бывают разные. Так что это – один из возможных вариантов. Вопрос в том, почему он не пошел в спальню и не выстрелил, а полез в шкаф. Это странно. Если человек ведет себя странно, этому могут быть разные объяснения...

– Например, он рехнулся, – высказалась я.

– Например, – согласилась сестра. – Или, например, что-то нарушило его планы...

– Что могло нарушить его планы?

– Ну мало ли... – пожалала плечами сестра. – Что, например, нарушило твои планы в ту субботу утром?

– Не что, а кто, – ответила я. – Никита нарушил. Он не открыл мне дверь... То есть, позвольте, скорее даже не Никита, а Лилька... В общем, оба нарушили. Их внезапно вспыхнувшая страсть.

– А ты не допускаешь, – сестра многозначительно подняла вверх указательный палец, – что эта самая, как ты метко выразилась, страсть могла нарушить не только твои планы, но и планы убийцы? То есть, грубо говоря, он не рассчитывал на присутствие в квартире бабы.

– Нет, постой! – меня начал разбирать азарт. Стоило сделать над собой маленькое усилие, и все эти, по сути дела, кошмарные вопросы оборачивались захватывающей интеллектуальной игрой – этот эффект был мне уже знаком. – Ну баба... Ну и что? Что ему мешало убить обоих? Соображения морали? Очень сомнительно! Раскольников, между прочим, убил Лизавету и не поморщился. То есть поморщился, конечно, но ведь все-таки убил!

– Дался тебе этот Раскольников! – в раздражении воскликнула сестра. – Если уж на то пошло, то он убил Лизавету после того, как убил Алену Ивановну. Понимаешь – *после!* Он убрал случайного свидетеля, а это совсем другое дело. Если бы он, предположим, пришел к старухе, а дома и она, и Лизавета... Думаешь, он стал бы топором махать?

– Думаю, не стал бы... – я была вынуждена признать ее правоту.

– И вообще – к черту Раскольникова! – в гневе потребовала сестра. – Ты ме-

ня сбиваешь!

– Молчу, молчу, – кротко согласилась я.

– Нет, ты не молчи, – возразила сестра, – ты помогай мне думать. Только Достоевского не трожь! А то я запутаюсь. Так вот... Можно предположить, что он не хотел убивать двоих...

– Да, – сказала я. – Предположить-то, конечно, можно... Но чтобы такой, который свободно орудует отмычкой, так уж беспокоился по поводу второго трупа... Ну не знаю... Конечно, всяко бывает...

– Есть еще один вариант, – произнесла сестра с видом фокусника, вынимающего кролика из шляпы. – Возможно, он не орудовал отмычкой.

– Это как? – удивилась я, чувствуя, что успела сжиться с образом таинственного ночного взломщика.

– А так, – негромко проговорила сестра, водя пальцем по столу. – Он мог прийти накануне.

Вот тут, признаться, я онемела. Мне потребовалось не-сколько секунд, чтобы опомниться, обдумать практическую сторону дела и осознать, что как раз практически это было вполне осуществимо. Я представила себе пьяную суматоху в момент коллективного отвала и поняла, что проскользнуть незамеченным в шкаф абсолютно ничего не стоило. Кто-то из наших? Зачем? Нет, необязательно из наших. Там были и другие люди. Приходили, уходили... Ничего не помню.

– Дальше! – потребовала я.

– А дальше – ничего. Тупик, – грустно сказала сестра. – И все сначала. Его могли убить евреи и антисемиты, левые и правые, белые и красные... Правительство и оппозиция... Рэкетеры и милиционеры... Его могли убить из-за денег, из-за политики, из-за любви и из ревности... Et cetera... Кто угодно мог проникнуть в квартиру в пятницу вечером, пока шла гулянка... Кстати, – мрачно хмыкнула она, – не заметила ли ты там каких-нибудь подозрительных личностей?

– Я вообще никого не помню, кроме наших и ведущего программы «Ладушки», – сокрушенно призналась я.

– Между прочим, этот, который «Ладушки», теперь ведет Никитину музыкальную программу, – мрачно сообщила сестра.

– Неужели ты думаешь... из-за программы?.. – пролепетала я.

– Нет, я не думаю, это я так, к сведению... – сказала Маринка. – Из-за программы-то вряд ли, но вообще, кто их знает, какие там у них на телевидении разборки... Вот так, дорогая сестричка. Видишь, что получается? Тем, кто делил с ним деньги или сферы влияния, нужно было его просто убрать. Масонам или антимасонам он был нужен в качестве покойника. Все в равной степени вероятно. Так что идея ценная, а толку от нее никакого. Ничего-то мы с тобой не знаем. Но самое глупое... – она замолчала и забарабанила пальцами по столу.

– Что? – тут же прицепилась я. – Ну что? Что самое глупое?

– Самое глупое то, – задумчиво проговорила она, – что меня не покидает нелепое ощущение, будто разгадка где-то рядом. Откуда оно берется – ума не приложу, честное слово... Как будто мы что-то все-таки знаем или, может быть, вот-вот узнаем, а что – сами не знаем... В общем, ты меня лучше не слушай. Это уже не дедукция, а чистая мистика... И кузнецовская история у меня

почему-то из головы не выходит. Что-то в ней такое есть...

– Ты что имеешь в виду? – переполошилась я. – Господи, ты что – про масонов?..

– Да нет! – отмахнулась сестра. – Совсем не то... Что-то меня в ней цепляет, но где-то на уровне желудка, а до головы, хоть ты тресни, не доходит...

– А как ты думаешь, – ни с того ни с сего поинте-ресовалась я, – если бы это было убийство как убийство, без всякого антуража, все равно поднялась бы такая волна?

– Как тебе сказать... – сестра пожала плечами. – Подняться-то она, наверное, поднялась бы – как-никак национальный символ... Другое дело, что она бы как поднялась, так и опустилась, а теперь все можно раздувать до бесконечности. Почему ты спрашиваешь?

– Сама не знаю, – устало вздохнула я. – Так...

– Давай Косте позвоним, – робко предложила сестра. – Ну чего ты, в самом деле? Он же волнуется... И потом, с поездкой надо что-то решать...

Честное слово, она говорила со мной, как с неразумным младенцем. Я чуть было не взбунтовалась и не проехала насчет ее личной жизни... И тут же мне стало стыдно. Она была совершенно права: конечно, я веду себя неадекватно. Не радуюсь тому, чему надо радоваться, интересуюсь общественным в ущерб личному и вообще сильно нервничаю. Вполне естественно, что меня хочется увещевать, опекать и призывать к благоразумию.

– Позвоню обязательно, – пообещала я. – Завтра. Сегодня еще не созрела. А завтра непременно позвоню. Век воли не видать...

– Лексика, подходящая к случаю, – ехидно констати-ровала сестра. Мы помолчали.

– Девочки! – крикнула мама из кухни. – Идите ужинать!

Мы молча направились в кухню.

– Вы что, поссорились? – мама подозрительно уставилась на нас.

– Еще не хватало! – фыркнула Маринка. – Так просто, рассуждаем на разные темы... Расскажи, пожалуйста, про телевизор. Не отстать бы от жизни!

– Вряд ли... – невесело усмехнулась мама. – Разгромили кладбище. Идут митинги. Хасиды хотят к президенту. Президент обратился к средствам массовой информации с просьбой не раздувать... Западные страны выразили протест. Мы тоже выразили протест...

– А мы-то кому? – удивилась я.

– Как – кому? – в свою очередь удивилась мама. – Всем, кто смеет делать нам замечания.

Глава 16

Есть такой момент, сразу после того как проснешься... *tabula rasa*... Тело уже проснулось, глаза открылись, а память все еще – чистый лист. Белый пустой лист, не заполненный ни вчерашними событиями, ни планами на сегодня. Все это длится какие-то доли секунды – этот момент страшно трудно поймать. Белый лист с бешеной скоростью заполняется узором событий и намерений. Зато если этот момент поймать... Если его все-таки поймать, то из этого можно извлечь кое-какую пользу. Рисунок изменить невозможно, больше того, даже с красками уже ничего не поделаешь, но вот оттенки... Оттенками, право же, стоит заняться.

Что я и сделала. Просыпаясь, я изо всех сил постаралась – и успела, ухватила это мгновение за хвост. Я напомнила себе, что меня более никто ни в чем не подозревает, что Костя хоть и разочаровал меня как следует, но, по крайней мере, никого не убил, а ведь всего пару дней назад у меня были все основания предполагать обратное... Еще я сказала себе, что если не имеешь возможности влиять на события, то лучше всего обращать на них как можно меньше внимания, и закончила свой сеанс психотерапии магической формулой: «Как-нибудь рассосется». Кое-какого успеха мне удалось добиться. Окончательно проснувшись, я почувствовала себя значительно спокойнее, чем вчера, и пепел Клааса в моем сердце тоже немного поутих. Осталась смутная тревога, но и та свернулась клубочком и притаилась в недрах чего-то там. Так что на нее в принципе можно было вовсе не обращать внимания.

На работу я пришла с твердым намерением «начать новую жизнь» – то есть внутренне покончить с этой историей. Конечно, мне еще не раз и не два про нее напомнят: в лучшем случае – по телевизору, в худшем – прямо на улице. В этом смысле я не питала никаких иллюзий. Хорошо бы, однако, перестать воспринимать ее как элемент собственной личной жизни. Вот этого я твердо решила добиться. Увы, не учла одной мелкой детали, хотя можно было догадаться, что Никитина книжка не сегодня-завтра будет готова.

Макет ждал меня на столе. Анечка на минуту оторвалась от компьютера и сказала:

– Юра просил тебя посмотреть.

– А сам он где? – поинтересовалась я, прикидывая, удастся ли потянуть время. Мне нужно было собраться с духом и подготовиться, чтобы Никитина книжка не поколебала моей решимости смотреть на все это дело со стороны.

– У себя в кабинете, – ответила Анечка. – Принимает заказчиков и распространителей. Между прочим, там не только наши, но и иностранцы. Сказал, что потом сразу зайдет.

Так... Значит, времени «перекурить и оправиться» нету. Ладно, перед смертью не надышишься. Я села за стол и придвинула к себе макет. С обложки смотрело улыбающееся Никитино лицо. У меня сжалось сердце. Черт его знает... столько всего навертелось на эту историю... а Никиты-то нету...

– Ого! – воскликнула я, взяв книжку в руки. – Да она раза в два толще той, первой!

– Я не понимаю... – Анечка в изумлении воззрилась на меня. – Ты что, все проспала, что ли? Конечно, толще! Здесь в два раза больше стихов. В ту пятницу шеф забрал у Никиты еще одну дискету. Тогда он думал про вторую книж-

ку, но раз все так получилось... Плюс иллюстрации. Здесь куча иллюстраций и фотографий. Ничего общего с первой книжкой. Это совсем другое издание.

Ну да, конечно, вторая дискета... Что-то я совсем отошла от дел. Прямо-таки неловко. «Ну, давай!» – сказала я себе и приступила. Книжка была сделана неплохо. Правда, на фронтисписе следовало бы поместить развесистую клюкву, но, в конце концов, она выполняла свою задачу. Никитины фотографии, фотографии рок-концертов, Кремль, какие-то церквушки и проселочные дороги, и тут же – странные постмодернистские картинки...

Конечно, клюква, но клюква довольно профессиональная. Ну хорошо, дизайн – не наш профиль, посмотрим тексты... Первый же раздел, попавшийся мне на глаза, назывался «Моей Прекрасной Даме». «Привет от Александра Блока», – сказала я себе и принялась перелистывать страницы. Кое-какие стихи я знала, другие видела впервые. Вполне допускаю, что большая часть была посвящена не мне, а прочим Прекрасным Дамам. Так, а это еще что?! Одно из стихотворений называлось: «Ирине». Это было явное самоуправство редактора. Никита, по моей настоятельной просьбе, не упоминал в песнях моего имени. Я привычно дернулась и тут же обозвала себя собакой Павлова – все, дорогая, все, сюжет исчерпан, можно не дергаться, все это больше не имеет никакого значения. Ну и что же это за «Ирине», хотела бы я знать? У стихотворения был подзаголовок: Акrostих. «Ищу я в имени твоём...»

Я тысячу раз видела в книжках выражение: «Все поплыло у нее перед глазами», но, как выяснилось, никогда по-настоящему не понимала его смысла. И вот мне довелось испытать это на собственной шкуре. Все поплыло: буквы поплыли, и книжка, и стол... Раздался шум льющейся воды, и Никитин голос сказал, перекрывая этот шум:

– «Нам посланный как...» Как что посланный? Тьфу, черт, никак не могу придумать! Так хорошо шло, а тут заело...»

– Эй, Иришка, ты чего? – с тревогой окликнула меня Анечка.

В эту минуту в комнату заглянул Юра.

– А, Ирочка, уже смотришь? – обрадовался он. – Ну и отлично! Я освободился, сейчас провожу их до выхода, вернусь и поговорим.

Как только дверь за ним закрылась, я схватила телефонную трубку и стала нажимать кнопки, плохо попадая пальцами и моля бога, чтобы сестра оказалась дома. Мне необходим был совет. На мое счастье, она не успела уйти. Я на секунду задумалась, глядя на Анечку, а потом заговорила по-венгерски, игнорируя ее недоуменно-обиженную гримасу.

– Уходи отсюда, – сказала сестра. – Уходи, слышишь? Скажи ему, что книжка тебе очень понравилась, – и уходи! А я позвоню Соболевскому. Не вздумай, Ирка, слышишь?

– Успокойся! – сказала я. – Я не Александр Матросов. Записывай номер.

Я продиктовала ей номер Соболевского и положила трубку.

Она была права, вне всякого сомнения. Войти, сказать, что все в порядке, и немедленно отчалить под любым предлогом или без оного... Я встала, взяла в руки макет и на негнущихся ногах двинулась в кабинет к шефу.

– Ну как? – с ходу набросился он на меня. – Говори совершенно честно. Мне очень важно знать, что ты думаешь. Понимаешь, я на эту книжку очень рассчитываю. Если что не так – лучше переделать, пока не поздно. Нам нужен полный блеск, понимаешь?

– Понимаю, – ответила я, еле ворочая языком. – По-моему, книжка хорошая. Все в порядке.

Он внимательно смотрел на меня, явно ожидая продолжения. И вот тут со мной что-то приключилось. Я, как было замечено, отнюдь не Александр Матросов. Я совершенно искренне собиралась отделаться общими словами и удалиться. Я не хотела продолжать, но тут со мной приключился очередной *accusativus cum infinitivo*, и я вдруг услышала собственный голос:

– Вот это стихотворение... Акrostих... Я сунула книгу ему под нос и ткнула пальцем.

– Что такое? – переполошился шеф. – Тебе неприятно, что упомянуто твое имя? Я думал, теперь это уже не имеет значения. Но, если тебе неприятно, можем убрать...

– Не в том дело, – перебила я, прямо-таки ощущая затылком жар сжигаемых кораблей. Мне было очень страшно. Я не думала, что со мной что-нибудь может случиться, но вот его лицо... Я боялась его лица, боялась увидеть, как изменится выражение... Поэтому я с самого начала смотрела только в пол, словно в приступе застенчивости.

– Вот эта строчка, – сказала я. – «Нам посланный как знак Зевеса»... Этот «знак Зевеса» придумала я и продиктовала Никите... Это было 26 июня, в субботу, около двух часов дня... Он мне позвонил... Вы не слышали нашего разговора, потому что он звонил из ванной... Я ему подсказала строчку, и он тут же перебросил этот акrostих на дискету...

Я умолкла, все так же глядя в пол. Не видеть его лица, только не видеть его лица... Долго ли, коротко ли...

– Ты знаешь, что у нас очень любят покойников? – сказал он. – Прямо нездоровое что-то – километровые очереди к гробу, всенародное горе...

Я молчала. Паркетные шашечки, одна темненькая, другая светленькая...

– Если бы они не стали делать из него идола... – глухо сказал он. – Ничего бы не было. Или если бы я мог выпутаться. Ведь мы прогорали. Я по уши в долгах... А мне уже поздно начинать сначала. Я не мог допустить, чтобы все рухнуло. Просто не мог! Мне нужен был прорыв. Понимаешь? Не просто деньги, чтобы перекрутиться, а прорыв – переход в другое качество. Когда я просил тебя поговорить с ним насчет эксклюзива, я еще ничего не знал. То есть не знал, что будет. Просто надеялся, что книжка неплохо разойдется. А потом просмотрел ее и понял: нет, не разойдется... Конечно, это бред – издавать эстрадные песни как стихи. Но не в книжке дело. То есть не в той, не в первой... Ну, был бы опять убыток, плюс к многим прочим. Нет-нет, не в том дело. Тут все совпало... Эксклюзив и эта свистопляска... Национальная идеология, пец-символ... И опять-таки любовь к покойникам, и вечный поиск тайного врага... Я сидел и часами размышлял, что делать. И вдруг понял... Именно так: вдруг понял. Я понял: смерть символа впечатляет больше, чем сам символ. Высокопарно, но правда... Каждый раз, когда я видел его по телевизору... Словом... Это стало моей навязчивой идеей. Ты скажешь, я рехнулся? Что ж, вполне вероятно. Даже скорее всего. Я пытался себя отговорить, но стоило мне его увидеть – и все мои усилия шли насмарку. Я не знал, как и когда сделаю это. Знал, что сделаю, знал, что повешу листовку, а как и когда – не знал. Я рассчитывал устроить из этой смерти грандиозное шоу. А для меня, для нас это был бы тот самый прорыв. Такая рекламная кампания! Ни одно издание не может

похвастаться... Точно просчитать, конечно, трудно, но я ни секунды не сомневался, что, если все пойдет по плану, эта книжка принесет столько, что нам и не снилось. Можно будет развернуться, издавать то, что хочется, крутить деньги... Тут еще вот что важно... – он говорил все быстрее, явно увлекаясь все больше и больше. – Это же своего рода перпетуум мобиле! Идея с листовкой гарантировала вечный бум. Ну не вечный, допустим, но о-очень продолжительный. Дополнительные тиражи, допечатки... Пираты бы, конечно, тоже подсустились. Но люди- то уже знали бы, что «настоящая» книжка – наша. Все-таки Сам – лично! – благословил...

Он на секунду замолк и налил себе воды – я догадалась по звуку. Но пить ее, по-моему, не стал и тут же заговорил снова:

– Она измучила меня, эта идея... Пистолет я купил – пистолет, сама знаешь, теперь не проблема. А дальше – плохо, дальше начинался ступор. Я не мог придумать, как быть. Весь мой опыт по этой части – из детективов и криминальной хроники. Выходило, что лучше всего подстеречь его на лестнице. И тут выяснилось... Черт-те что... Я понял, что смертельно боюсь столкнуться с ним лицом к лицу. Боюсь этого момента, потому что знаю: могу растеряться и не выдержать... Не выстрелю, не смогу... А он, кстати, помоложе меня и полоче – вполне может успеть сориентироваться... Лестница отпала. Оптимально было бы проникнуть в квартиру ночью и застать его спящим. Но эта роль была мне уж совсем не по плечу. Какой из меня медвежатник! Да, вот еще что... На той неделе на меня наехали. Не сильнее, чем обычно, я бы, может, и выкрутился... Но дальше-то, дальше! Ведь никаких перспектив! И вдруг – эта вечеринка. Я точно знал: другого шанса не будет. И все – больше я ничего не знал. Не было у меня никакого четкого плана. Другого шанса не будет – и все. Я заезжал к нему месяца за два до того по поводу книжки. Тогда у меня еще не было никаких идей, поэтому я не изучал планировку квартиры. Но общее впечатление, что там есть, где спрятаться, у меня осталось. Я очень надеялся, что не выдаю желаемого за действительное... Спрятаться и дожидаться, пока он заснет, – вот что мне было нужно. Я надеялся, что в суматохе никто не заметит, когда и с кем я ушел, то есть что я не ушел вообще... Все-таки я прихватил не только пистолет, но и маску. Бред, полный бред... Ну скажи, пожалуйста, на что мне маска? Они все удивлялись, почему в действиях преступника нет логики... Какая тут логика, господи, боже мой! Больше всего на свете я боялся, что он меня увидит и узнает. Тогда бы я не смог... не выстрелил бы... И маска эта... Я ее там, в шкафу, раз пять снимал, надевал и опять снимал. Да, знаешь, что самое смешное? Уже потом, после всего, перед самым уходом... Я забыл, что с ней делать. Про пистолет помню – читал, слышал. Пистолет надо бросить. А про маску не помню. Представляешь, забыл! Бросил ее машинально вместе с пистолетом – и, между прочим, просчитался. Там ведь, наверное, микрочастицы...

«О господи! – пронеслось у меня в голове. – Микрочастицы! Убийство по книжке. Литература в действии – от начала и до конца. Опасался микрочастиц, а засыпался на стихах...» Слушать его было совершенно невыносимо, но еще больше я боялась момента, когда он кончит свое повествование. Что я буду делать, когда он замолчит?

– Первая часть прошла благополучно, – продолжал он. – Там под конец был такой бардак – слона можно было спрятать, никто бы не заметил. А дальше все пошло наперекосяк. Эта поблядушка, Лилька, осталась у него ночевать.

Двоих я не смог бы... И потом они так до утра и не спали... В общем, получил двоих бодрствующих вместо одного спящего. Можно было сбежать – они находились в дальней комнате... Но я ведь знал – другого случая не будет. Странное было состояние, скажу я тебе... – он помолчал, как будто вспоминая. – Каким-то краем сознания понимаешь: надо уходить, раз не заладилось сразу, надо уходить... И вроде вижу себя со стороны – как я торчу там, в этой кладовке, словно в западне, и даже, не поверишь, смешно... А одновременно – что-то вроде столбняка... Не могу пошевелиться и уже знаю: никуда я не уйду, не уйду никуда... Один раз, впрочем, все-таки вышел... Но вернулся. Как сомнамбула... Как намагниченный. Они ничего не слышали и не могли услышать – развлекались вовсю... Утром он хотел ее выгнать, мне-то как раз было слышно прекрасно. А она – ни в какую. «Давай я кофе сварю, давай я тебе завтрак приготовлю» – и все в таком духе. Потом начали звонить в дверь. Он хотел открыть, но она не дала. Уговорила его, хоть он и разозлился. Я все ждал, когда он ее выгонит. Хотя, рассуждая здраво, чего я ждал? На что рассчитывал? Не думал же я стоять в этой проклятой кладовке целый день, до следующей ночи? Он мог уйти, мог привести другую бабу – да мало ли что! Да я бы и не выдержал... Ничего я не думал. Я после этой ночи был совсем не в себе... Знаешь, в замкнутом пространстве, говорят, с ума сходят... Я почти забыл, зачем я там стою. Потом он ее выгнал и тут же пошел в ванную. Ну, про это ты, кажется, знаешь лучше меня...

«Знаю! – хотелось мне заорать. – Знаю! И дальше все знаю! Не хочу слушать!» Но ведь тогда он замолчит...

– Он вышел из ванной, включил музыку и сел к большому компьютеру. Спиной ко мне. Спиной. И тогда я вспомнил, зачем там стою. И... И все. Вот и все, собственно. Листовку я принес с собой. Странно, кстати... Вроде я был какой-то заторможенный, как будто сонный, – а делал все быстро. Листовку прикрепил, напечатал письмо... Ах да, про письмо ты не знаешь...

«Знаю! – снова крикнула я мысленно. – И про это знаю! И все-таки говори, черт бы тебя побрал!»

– Он писал письмо сестре, в Париж. В тот самый момент... дошел, наверно, до середины. Я понял: тут уникальный шанс выступить от его имени. Чтобы он сам подтвердил, что его кто-то преследовал. Я написал про масонов, про письма с угрозами и всякое такое... Я был уверен, что сестра сообщит следствие. Но тут что-то не сработало. Адрес был открыт... но, может, я что-нибудь перепутал, не знаю...

«Ничего ты не перепутал, – сказала я про себя. – Ты недооценил Люську...»

– Вот и все, собственно... – повторил он. – Входная дверь у него не захлопывалась... А рассчитал я правильно. Шум-то какой вокруг этого дела! Книжечка обещает быть настоящим кладом. Смогли бы издавать все, что хочется...

Ей-богу, он пытался меня умаслить! И тут я не выдержала.

– Вы что... – проговорила я, чувствуя, что голос противно дрожит. – Вы что, надеетесь... вы рассчитываете, что я вас пойму?..

В эту минуту за моей спиной послышался шум. Я машинально обернулась. В дверях стоял Соболевский, а рядом с ним еще какие-то, незнакомые...

Но с меня уже хватило. Я резко встала со стула, повернулась на 180 градусов и стремительно двинулась вперед. Вперед и мимо – мимо Соболевского и тех, кто пришел с ним, мимо обалдевших сотрудников, мимо нашей комнаты

и подружки Анечки, на лестницу, из нашего двора – в соседний, а потом из него – еще в какой-то, а там – до ближайшей лавочки, и вот на этой лавочке я и разревелась, как маленькая...

– Вот теперь понимаю, – сказала Маринка, уютно устраиваясь в моем любимом кресле и глядя, как я укладываю вещи в чемодан, – почему этот несчастный Кузнецов не шел у меня из головы. Это было прозрение. Механизм-то один и тот же! Сдвиг на почве рекламы. Слабые головки не выдерживают соблазнов новой эпохи. Один – авантюрист, другой – тоже авантюрист, но к тому же, видимо, еще и маньяк. Вообще – кошмар! Из человека сделали идею, а реклама использовала ее в своих целях – и уничтожила. Типичный пример отчуждения в капиталистическом обществе. Кто про это писал – Маркс, что ли?

– Да ну тебя! – отмахнулась я. – Почему я знаю! Ты что, Маркса читала?

– Нет, не читала... – со вздохом призналась сестра. – Слышала где-то...

– Ты мне лучше вот что скажи... – попросила я, вытаскивая из шкафа очередную порцию тряпок. – Почему он так за меня заступался? Разве плохо, чтобы заподозрили кого-нибудь другого?

– Ты что, не понимаешь? – удивилась сестра. – Конечно, плохо! Одно дело – личная безопасность, другое – успех всего мероприятия. А мероприятие потеряло бы всякий смысл, если бы в убийстве заподозрили частное лицо... Еще вопросы есть? Если есть – задавай, а то теперь две недели не увидимся, изведешься!

– Вот еще такой вопрос... Почему он с ходу стал исповедоваться? Я тебе говорю, что-то во мне есть такое, что провоцирует... Хотя нет, пожалуй, не во мне дело. Что ему, если вдуматься, еще оставалось? Прихлопнуть меня там же, на месте? Глупо! Его бы тут же и повязали. Отпираться – тоже глупо: этот акростих с Зевесом никак иначе не объяснишь... Это он сразу понял, он сообразительный. Значит, у него оставался один шанс – перетянуть меня на свою сторону. Гёте, мол, будем издавать и Шекспира – мы же с вами интеллигентные люди. Но, Мариша, неужели он мог всерьез на это рассчитывать?!

– Кто его знает! – пожалала плечами сестра. – Утопающий хватается за соломинку... Да и высказаться хотелось, должно быть... Сам, надо полагать, был под сильным впечатлением от содеянного – непрофессионал все-таки...

– И вот еще чего я не понимаю, – завела я свою шарманку, – как это может быть... Жил человек жил, и вдруг выяснилось, что все не прочь его укокошить. Неладно что-то в Датском королевстве, если убийство выглядит, как самая что ни на есть логичная и всем удобная штука... Неладно что-то, ой неладно...

– Да хватит тебе, Ирка! – сердито сказала сестра. – А так ты думала, что в Датском королевстве все о'кей! Меня, например, другое интересует... Не такое возвышенное. Даже совсем не возвышенное... Даже, прямо скажем, низменное...

Почему-то я сразу поняла, что она имеет в виду.

– Насчет сортира? Ты хочешь знать, как он столько времени терпел?

– Как ты догадалась? – в Маринкином голосе прозвучало явное восхищение.

– Сама не знаю... А он не терпел.

– То есть как – не терпел?

– Он мне сам сказал, что ночью порывался уйти и один раз даже вылез из укрытия, но потом вернулся. Думаю, что заодно и пописал... Сортир-то совсем далеко от спальни.

– Вот оно что... – протянула сестра.

В это время зазвонил телефон.

– Подойди, Мариша, – попросила я. – Если меня – скажи, что меня нет, а то дело кончится тем, что я опоздаю. Костя вот-вот приедет...

– Звонил Саша, – сообщила сестра, вернувшись. – Давай помогу застегнуть.

Она надавила на чемодан коленкой, и замок защелкнулся.

– Какой Саша? – не поняла я.

– Соболевский, – невозмутимо заявила сестра.

– То есть как – Соболевский?! – оторопела я. – Зачем? И какой он тебе «Саша»?

– Я здесь ни при чем... – Маринка с невинным видом пожалала плечами. – Он так сказал: «Передайте ей, пожалуйста-ста, что звонил Саша Соболевский».

– Что ему нужно? – распахнулась я. – Что-нибудь опять не так?

– Н-не думаю... – покачала головой сестра. – Он сказал, что хотел с тобой пообщаться...

– Как это – пообщаться? По какому поводу?

– Точно не знаю, – сказала сестра, – но предполагаю... Ручаться я, конечно, не могу, но, по-моему, он к тебе очень неравнодушен. Мне еще тогда показалось – когда я ему звонила. Он так перепугался, когда узнал, что ты собиралась к начальнику в кабинет...

– Боже мой! – поморщилась я. – Роман следователя с подозреваемой или с бывшей подозреваемой – это так банально!.. Сто раз читала и смотрела...

– Значит – нет? – уточнила сестра.

– Сегодня я, во всяком случае, улетаю, – пробормотала я. – А там – посмотрим...

– Тебе необходимо разобраться в своих чувствах? – проникновенно спросила Маринка.

Я показала ей язык и ответила:

– Вот именно!